

ISSN 2218-2926

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

**ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.Н. КАРАЗИНА**

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

Направление “Филология”

№ 11

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010 г.

**Харьков
2015**

Статьи данного выпуска содержат результаты исследований лингвистов Украины и Армении, рассматривающих проблемы лингвоперсонологии и национальной идентичности в когнитивно-дискурсивом аспекте; мультикультурной и поликодовой коммуникации; просодики и речевого этикета на материале английского, украинского, армянского и русского языков.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 12 от 30 ноября 2015 г.)

Редактор:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Редакционная коллегия:

- Д. Александрова, доктор философии (университет Климента Охридского, г. София, Болгария)
Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)
Д. Вандервекен, доктор философии (университет Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада)
С.А.Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)
Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)
Г. Коллер, доктор философии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)
Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)
А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Ф.Д. Матито, доктор философии (университет Ла Риоха, г. Мадрид, Испания)
Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)
Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина)
В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия)
Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
М. Фриман, доктор философии, почетный профессор (Вэлли Колледж, г. Лос-Анжелес); со-директор (Мэрифилд институт когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США)
Н. Чабан, доктор философии (университет Кентерберри, г. Крайстчерч, Новая Зеландия)
В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Россия)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Факультет иностранных языков Тел.: (057) 707-51-44
irina.shevchenko7@gmail.com
Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
Текст дается в авторской редакции.
Статьи прошли внутреннее и внешнее рецензирование.
Периодичность – 2 выпуска в год.

ISSN 2218-2926

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В.Н. КАРАЗІНА

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Напрямок “Філологія”

№ 11

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

Харків
2015

Статті даного випуску містять результати досліджень лінгвістів України та Вірменії, які розглядають проблеми лінгвоперсонології та національної ідентичності в когнітивно-дискурсивному аспекті; мультикультурної і полікодової комунікації; просодики і мовного етикету на матеріалі англійської, української, вірменської та російської мов.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 12 від 30 листопада 2015 р.)

Редактор:

I.C. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, доктор філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Редакційна колегія:

Д. Александрова, доктор філософії (університет Климента Охридського, м. Софія, Болгарія)

Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)

Д. Вандервекен, доктор філософії (університет Квебека, м. Труа-Рив'єр, Канада)

С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)

В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)

Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)

Г. Коллер, доктор філософії (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)

Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)

А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Ф.Д. Матіто, доктор філософії (університет Ла Риоха, м. Мадрид, Іспанія)

Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)

О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

А.М. Приходько, докт. філол. наук (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Україна)

В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)

Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Російська академія народного господарства і державної служби при Президентові Російської Федерації, м. Москва, Росія)

Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

М. Фріман, доктор філософії, почесний професор (Веллі коледж, м. Лос-Анжелес); співдиректор (Мерифілд інститут когніції та гуманітарних наук, м. Хіт, США)

Н. Чабан, доктор філософії (університет Кентербері, м. Крайстчерч, Нова Зеландія)

В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний політехнічний університет (Росія)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов. Тел.: (057) 707-51-44
irina.shevchenko7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування.

Періодичність – 2 випуски на рік

ISSN 2218-2926

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF UKRAINE

V.N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE

Series “Philology”

 # 11

International on-line journal

<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Published since 2010

Kharkiv
2015

This issue includes the results of Ukrainian and Armenian linguists' research considering the problems of linguistic personology and national identity in the cognitive-discursive perspective; of policode and multicultural communications; of prosody and speech etiquette on the material of English, Ukrainian, Armenian and Russian languages.

For linguists, teachers, graduate students and undergraduates.

Editor:

Iryna Shevchenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine, irina.shevchenko7@gmail.com)

Executive Secretary:

Y.V. Bondarenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine; ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com)

Editorial Board:

Donka Alexandrova, Doctor, Professor (University St.Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria)
 A.D. Belova, Doctor, Professor (Kyiv National Taras Shevchenko University, Ukraine)
 L.R. Bezugla, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)
 Natalia Chaban, PhD, Associate Professor (University of Canterbury, Christchurch, New Zealand)
 V.E. Chernyavskaya, Doctor, Professor (St. Petersburg State Research Polytechnical University, Russia)
 Margaret H. Freeman, PhD, Co-director of Myrfield Institute for Cognition and the Arts, Health; Professor Emeritus (Valley College, Los Angeles, USA)
 Vladimir Karasik, Doctor, Professor (Volgograd State Pedagogical University, Russia)
 Y.A. Karpilovska, Doctor, Professor (Ukrainian Language Institute, National Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine)
 Gerhard Koller, PhD, Professor (Friedrich Alexander University, Erlangen-Nuremberg, Germany)
 G.N. Manaenko, Doctor, Professor (Stavropol State Pedagogic Institute, Russia)
 A.P. Martyniuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)
 Dominguez Matito, F., PhD, Professor Titular (University of La Rioja, Spain)
 L.M. Minkin, Doctor, Professor (Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)
 S.A. Moiseyeva, Doctor, Professor (Belgorod State Research University, Russia)
 E.I. Morozova, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)
 V.G. Pasynok, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)
 A.M. Prikhodko, Doctor, Professor (Dnepropetrovsk National University, Ukraine)
 V.A. Samokhina, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)
 O.O. Selivanova, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)
 G.G. Slyshkin, Doctor, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)
 L.V. Soloschuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)
 Daniel Vanderveken, PhD, Full Professor (University of Quebec at Trois-Rivières, Canada)
 S.A. Zhabotinska, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

Editorial Address:

Ukraine, 61022, Kharkov, Svobody square, 4
 (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)
 Faculty of Foreign Languages
 Tel.: (057) 707-51-44

Internet-page: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

All articles are peer reviewed
 Published 2 issues a year

Recommended by the Academic Council of V.N. Karazin Kharkiv National University
 (Minutes № 6 of 28 May 2010)

© 2015 V.N. Karazin Kharkiv National University, Cover design: Vadim Shevchenko

СОДЕРЖАНИЕ

Арутюнян Н.Л. МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС САЛЬМАНА РУШДИ	8
Брутян Л.Г. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	19
Калита А.А. СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РИТМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА	29
Kravchenko N.K. COGNITIVE-CONCEPTUAL PROPERTIES OF DIALOGUE IN THEIR FORMAL-CONVERSATIONAL AND PRAGMATIC MANIFESTATIONS	45
Кузнецова А.В. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ НЮАНСЫ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН	55
Матузкова Е.П. АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ	68
Москвичева О.А. МЕТАМОРФОЗА В АНГЛИЙСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XIX–XX ВЕКОВ: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ.....	87
Slavova L.L. IMAGE OF A LEADER’S LINGUISTIC PERSONALITY IN POLITICAL DISCOURSE	109
Тараненко Л.И. СИСТЕМА ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ АКТУАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ АНГЛИЙСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ МАЛОЙ ФОРМЫ	123
Редакционная коллегия.....	155
Рекомендации авторам по оформлению статей.....	158

УДК 811.111

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС САЛЬМАНА РУШДИ Н.Л. Арутюнян (Ереван, Армения)

Н.Л. Арутюнян. Мультикультурный художественный дискурс Сальмана Рушди. В условиях стремительного потока миграции все более актуальными становятся вопросы и проблемы особого пласта гибридной культуры – мультикультуры, в частности мультикультурной литературы. Современная лингвистическая наука испытывает дефицит в исследованиях, в которых проблемы поликультурного сознания, гибридного мировидения, становления новой ментальности и кризиса национальной идентичности, находящие свое выражение в своеобразном языковом стиле создателей мультикультурного художественного дискурса, рассматривались бы комплексно, с учетом широкого лингвокультурологического контекста и междисциплинарного подхода.

В статье определяются феномен «мультикультурный художественный дискурс» и привлекается внимание лингвистов к изучению данного дискурса и его параметров с использованием различных подходов (таких как: лингвоцентрический, текстоцентрический, антропоцентрический, когнитивный и др.).

Ключевые слова: билингвизм, кризис национальной идентичности, культурная полифония, мультикультурный художественный дискурс.

Н.Л. Арутюнян. Мультикультурний художній дискурс Сальмана Рушді. В умовах стрімкого потоку міграції все більш актуальними стають питання і проблеми особливого пласта гібридної культури – мультикультури, зокрема мультикультурної літератури. Сучасна лінгвістична наука відчуває дефіцит у дослідженнях, в яких проблеми полікультурної свідомості, гібридного світобачення, становлення нової ментальності та кризи національної ідентичності, що знаходять своє вираження у своєрідному мовному стилі творців мультикультурного мистецького дискурсу, розглядалися б комплексно, з урахуванням широкого лінгвокультурологічного контексту і міждисциплінарного підходу.

У статті визначено феномен «мультикультурний художній дискурс» і привернуто увагу лінгвістів до вивчення даного дискурсу і його параметрів з використанням різних підходів (таких як: лінгвоцентричний, текстоцентричний, антропоцентричний, когнітивний та ін.).

Ключові слова: білінгвізм, криза національної ідентичності, культурна поліфонія, мультикультурний художній дискурс.

N.L. Harutyunyan. Multicultural Artistic Discourse of Salman Rushdie. In the context of unprecedented migration the problems of hybrid culture – in particular, multiculturalism and multicultural literature, grow more actual. Modern linguistics suffers deficit of studies of multicultural consciousness, otherness, bicultural worldview, hybrid cultural identity, formation of a new mentality, crisis of national identity, multiculturalism reflected in multicultural artistic discourse and emphasizes the importance of their linguistic investigation in a broad linguocultural context using an interdisciplinary approach.

In article, I define the phenomenon of ‘multicultural artistic discourse’ and attract researchers’ attention to the importance of such discourse and its parameters using different approaches (such as language-centric, text-centric, anthropocentric, cognitive, etc.).

Keywords: bilingualism, crisis of national identity, cultural polyphony, multicultural artistic discourse.

Теоретической предпосылкой выбора проблематики исследования послужил начавшийся в XX веке процесс глобализации или вестернизации мира, породивший огромное количество культурных мигрантов. Однако с приближением XXI века характер этих миграций резко поменялся, т.к. вестернизация сменилась остернизацией, и в мир западных ценностей активно вливаются традиционные ценности Востока [Конференции НИУ-ВШЭ]. В процессе современной глобализации изначально заложены культурные разногласия между людьми, которые детерминированы их самобытными этнокультурными, историческими и религиозными корнями. Сегодняшний мир многополярен и многокультурен. Границы между «своими» и «чужими» стираются. Эта смесь культур наблюдается не только в жизни отдельных индивидов – она все более становится характерной чертой для целых обществ [<http://www.irbis.vegu.ru/>].

Проблема культурного многообразия или мультикультурализма² демонстрирует реальную драматичность и сложность политических, социально-экономических и социо-культурных условий, сложившихся в современном мире, которые из-за высокой вероятности межрасовых, межнациональных, межрелигиозных столкновений и угрозы терактов требуют незамедлительного разрешения.

У. Эко проводит параллели между происходящим в современном мире процессом глобальной миграции и грандиозным культурным смешением в период средневековья. Он отмечает, что в современной Европе происходит переселение, сравнимое с ранней индоевропейской миграцией с Востока на Запад или же с вторжением варваров в Римскую империю и образованием романо-германских государств. Лет через сто, согласно Эко, Европа может стать континентом цветных. Это еще одна причина, по которой надо быть готовым в культурном отношении принять многообразие, принять смешение разных народов, принять этот беспорядок, – пишет он, – иначе нас ждет полный провал (цит. по [Малахов 1997: 19–27]).

Мультикультурализм, на протяжении многих лет являющийся характерной чертой США, сейчас получает развитие практически во всех странах (в частности Европы), где процесс сосуществования многочисленных этнических культур сопровождается не их слиянием в одну доминирующую культуру, а сохранением расовых, культурных и конфессиональных различий, признанием их равноправия.

---

² Мультикультурализм – один из аспектов толерантности, заключающийся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры. Идея мультикультурализма выдвигается главным образом в экономически развитых странах Запада, где наблюдается значительный приток иммигрантов. Мультикультурализм (многокультурность) представляет собой относительно недавнее явление: он возник в 70-е гг. XX в. в Канаде и США. Он стал третьей влиятельной моделью решения сложной проблемы, связанной с культурной, этнической, расовой и религиозной разнородностью государств, составляющих абсолютное большинство в мире: только 10% стран могут рассматриваться в качестве культурно однородных, монокультурных. Некоторые авторы считают, что и эта цифра является завышенной. В частности, английский социолог Н. Глейзер дал своей книге примечательное название: «Теперь мы все мультикультуралисты». Б. Парех, индийский философ, обосновавшийся в Англии, также полагает, что «практически все развитые общества являются многокультурными». Среди факторов, вызывающих культурное разнообразие, он выделяет этнические и религиозные различия, подъем индивидуализма и закат традиционного морального консенсуса, иммиграцию и глобализацию [<http://www.grandars.ru/college/sociologiya/multikulturalizm.html>].

С приходом новой социокультурной эпохи происходят изменения не только в сфере политики, экономики, но и в области мировоззрения, литературы и языка (в частности английского как международного). Язык в этом случае безусловно выступает как основа транснационального мышления. Однако в процессе приспособления к новым культурным ценностям и реалиям язык не только выступает в роли посредника в диалоге культур и религий, но и сам подвергается различным метаморфозам.

В многочисленных междисциплинарных исследованиях, проводимых на стыке лингвистики, философии, психологии, этнографии и т.д., обсуждаются проблемы идентичности, толерантности, кросскультурной грамотности. Появляются такие понятия как «мультикультурная личность» (или «кросскультурная личность»), «мультикультурное образование», «мультикультурная литература». В роли трансляторов культурной полифонии выступают творцы мультикультурной литературы – писатели-мигранты. Их творчество называют “*mongrel literature*” или *литературой полукровок* (А.Р. Гунератне [2003]), *литературой пограничья* (М.В. Тлостанова [2004]), *литературой андрогинов* (Г. Чхартишвили [1996]), *литературой гастарбайтеров, иммигрантской литературой* (К. Хюбнер [2001]).

Сегодня, в условиях столкновений религий, культур и менталитетов, в период сложных межкультурных и цивилизационных конфликтов, анализ литературы иммигрантов приобретает особую **актуальность и значимость**. Авторы, пережившие кризис национальной идентичности, отражают свои чувства и переживания в своем литературном творчестве. Художественный дискурс писателей-билингвов, принадлежащих, по своему происхождению, системе ценностей и воспитанию культуре, отличной от культуры их проживания предоставляет особенно богатый материал для анализа современных проблем и различных проявлений глобализации («гибридизации», «транскультурации» и т.д.). Тексты их произведений своего рода отражение их взгляда на общество с позиций как «аутсайдера», так и «инсайдера», коими они являются.

В утверждении реальностей нового, мультикультурного мира важную роль играют писатели-мигранты, как люди, по тем или иным причинам резко меняющие свое культурное окружение, вынужденные в новых условиях переживать и пропускать через свое творческое сознание симптомы происходящего зачастую очень болезненного процесса аккультурации в новой среде, в результате чего возникают произведения с некими специфическими признаками, которые можно объединить под общим названием «кросс-культурная литература» [file://C:/Users/User/Downloads/sovremennaya-angliyskaya-krosskulturnaya-literatura-v-pole-postkolonialnoy-teorii.pdf].

Опираясь на мнение Т.Б. Самарской о том, что «художественный дискурс несёт на себе печать культуры определённого этапа в истории общества» [Самарская 2012], полагаем, что с наступлением эпохи глобализации, смешения культур и этносов представляется уместным введение термина – **«мультикультурный художественный дискурс»**. Будучи междисциплинарным по своим основным свойствам, данный дискурс находится в сфере интересов представителей социальной психологии, культурологии, лингвистов, специалистов по межкультурной коммуникации.

Мультикультурный художественный дискурс – это кросскультурное общение в рамках произведения, созданного писателем мигрантом, сочетающим в себе «культурную эклектику», гибридность. Взаимодействие и спор этнокультурной и транскультурной идентичности автора, его билингвизм, идеологическая, и зачастую, религиозная гибридность, слияние традиций Запада и Востока определяют данный тип дискурса. Мультикультурный художественный дискурс возникает в области пересечения двух или более (в случае смешанных этнокультурных корней писателей) культурных традиций. Он включает в себя различные национально-культурные составляющие. Творчество авторов-мигрантов, являющихся билингвами и находящихся в постоянной оппозиции «свой» – «чужой», является предметом исследования мультикультурного художественного дискурса (Х. Курейши, У. Сароян, К. Бохджалян, Г. Маркарян, С. Рушди, Орхан Памук, Х. Курейши, Б. Окри).

В текстах данного дискурса идиостиль автора базируется на истоках его этнокультурной и религиозной идентичности. С одной стороны, они транслируют читателю свою космополитичность, а с другой – свою национальную принадлежность, историю и культуру своего народа, свой собственный национальный образ мира, выступая в роли интерпретатора и посредника между двумя ментальностями – «своей» и «чужой».

Важной особенностью мультикультурного художественного дискурса является способность автора выйти за пределы собственной этнической идентичности и вжиться в контекст той культуры, в которой он проживает и на языке которой создает свои произведения. Естественно, мультикультурность автора проявляется только при условии поликультурности, гибридности его мировоззрения, и четкого представления системы ценностей своей культуры, только при возможности почувствовать себя в контекст своей этнической картины мира, при способности обращения к своим этнокультурным корням. Как пример хочется привести слова американского прозаика и драматурга армянского происхождения, одного из выдающихся писателей XX века, имя которого стоит в одном ряду с именами Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Дж. Стейнбека, Дж. Апдайка – Уильяма Сарояна: «хоть пишу я по-английски, и вопреки тому, что родом из Америки, я считаю себя армянским писателем. Слова, употребляемые мною – английские, среда, о которой я пишу – американская, однако та душа, которая вынуждает меня писать – армянская. Значит, я армянский писатель и глубоко люблю честь принадлежать к семье армянских писателей» [Ноев ковчег]. Другим не менее ярким примером транскультурного мировидения мультикультурного писателя является В.В. Набоков, который так описывал свое существование между двумя мирами: «Язык моих предков и по сейчас остается тем языком, где я полностью чувствую себя дома. Но я никогда не стану жалеть о своей американской метаморфозе. Я, само собой разумеется, обожаю русский язык, однако английский превосходит его в рассуждении удобства – в качестве рабочего инструмента <...>. Моя голова – английский, мое сердце – русский...» [file:///C:/Users/User/ Downloads/diskurs-v-nabokova-bilingvizm-i-problemy-perevoda.pdf].

В мультикультурном художественном дискурсе происходит своего рода «диалог культур», соединение, синтезирование таких категорий межкультурной коммуникации, как «свой» – «чужой», «этноцентризм» – «этнорелятивизм»,

«ксенофобия» – «ксенофилия» и т.д. Неслучайно, что ключевыми проблемами данного дискурса являются идеи нации, чувство национальной принадлежности, проблемы самоидентификации, психологических и культурных аспектов ассимиляции.

Кросскультурное взаимопроникновение как мотиватор творчества мультикультурного писателя включает в себя билингвизм автора, межтекстовый диалог, позволяющий использовать интертекстуальный тезаурус как на текстовом, так и на мотивационном уровнях.

В данном дискурсе наблюдается синтез разнородных культурных элементов, в результате которого возникает новое мультикультурное художественное пространство, имеющее собственное, присущее лишь ему качество. Сохраняя язык и национальные особенности своей родной, этнической культуры, автор адаптирует их к своей «второй» культуре, новой гибридной идентичности, следовательно, происходит синтез двух культур, пересечение двух национальных и языковых картин мира.

Таким образом, мультикультурный художественный дискурс представляет собой художественное пространство, в котором отражается гибридная, поликультурная идентичность человека, вынужденного существовать в атмосфере множественности культур и религий. Это место для своего рода транснациональной, развернутой и насыщенной смыслами дискуссии в форме триады *«мультикультурный автор – адресат – мультикультурный текст»*.

Согласно Т.А. Дейку, «дискурс представлен в различных текстах, воспроизводящих ту или иную идеологию» [van Deijk], а С.Ю. Тюрина отмечает, что дискурс во многом зависит от идеологической ориентации исследователя [Тюрина]. Следовательно, исходя из тесной связи дискурса и идеологии, мультикультурный художественный дискурс можно определить также как лингво-социокультурное действие, развивающееся в рамках художественного текста и направленное на продвижение некоторой идеологии – идеологии интернациональных, межэтнических мигрантов. Последние в процессе освоения иного культурного пространства формируют новые идентичности посредством изменения своей идеологии. Таким образом, данный дискурс выступает в роли текстового пространства, в котором ведется диалог о новых системах ценностей поликультурного общества, формирующихся в условиях миграции и глобализации, сопровождающихся осознанием особой роли национального и этноцентрического. Именно по этой причине авторы мультикультурного художественного дискурса, демонстрируя иное мышление и мировосприятие, оказывают огромное влияние на общественное сознание и на формирование и становление новой идентичности.

Среди социокультурных характеристик данного дискурса необходимо отметить его национально-культурную маркированность, «метаязык», степень и парадигмы гибридности «запад – восток», проникновение иной культуры, «чужих» культурных коннотаций и «маркеров» и т.д.

Анализ мультикультурного художественного дискурса позволяет по-новому взглянуть на вопросы неоднородной репрезентации культурной идентичности. В рамках данного дискурса исследуется мультикультурное мировосприятие и соответствующий ему художественный язык, наличие этнокультурных реалий, исторических и литературных аллегорий, символов и аллюзий, социальных,

культурных и политических архетипов, мифологем Запада и Востока, реминисценций, цитат и заимствований, которые становятся одной из важных форм определения и выражения бинарной идентичности автора³. Следовательно, мультикультурный дискурс следует рассматривать как на уровне текста, так и на уровне таких аспектов как: лингвистическая сторона дискурса; идеологический, исторический, культурный, социальный компонент; невербальный способ представления дискурса (жесты, мимика и т.д.); субъективный аспект; ценностный компонент и т. п.

Следовательно, мультикультурный дискурс выступает «ареной» культурного плюрализма, т.е. местом сосуществования и проявления различных культурных традиций, фольклорных и мифологических сюжетов, ценностей, идеалов и верований. Национальная ментальность мультикультурных авторов выражается ими посредством различных художественных средств. Согласно мнению М.К. Поповой, «будучи рассмотрена и проанализирована как целостность, такая система, безусловно, дает объективную информацию о действительности. Однако для выявления этой объективности необходимо владеть современными методами литературоведческого и культурологического анализа, которые позволяют исследователю прочесть и «расшифровать» «спрятанные» в произведении культурные коды» [Попова 2001: 45–46].

Данный дискурс идентифицируется по манере межкультурного письма, т.к. ему, в первую очередь, характерна полифония речи, культурная многослойность и стилевая гибридизация. Мультикультурный художественный дискурс строится на полилоге между Западом и Востоком, Европой и Азией.

Мультикультурный художественный дискурс представляет собой совокупность художественных произведений, выступающих результатом взаимодействия поликультурных традиций автора, накладывания фрагментов «культурной мозаики», порождающих многообразие смыслов, образов и ассоциаций, заложенных автором, и множественность реакций, интерпретаций, видений и восприятий со стороны читателя. Следовательно, в данном дискурсе наблюдается *эффект палимпсеста*⁴. В частности, данный эффект присущ творчеству современного британского писателя Сальмана Рушди. В основе его творчества заложена стилевая многослойная

³ Новая «восточнозападная» литература обладает явными признаками андрогинности: при одной голове у нее два лица (одно обращено к восходу, второе к закату), два сердца, двойное зрение и максимально устойчивый опорно-двигательный аппарат. .... Сформируется новый человек – универсально образованный, в равной мере владеющий культурным наследием Востока, и Запада. Людям, имеющим общий культурный багаж и общий язык (уже можно догадаться, какой именно), будет легко понимать друг друга. И все закончится хорошо [Чхартишвили 1996: 35].

⁴ Палимпсест – картина, написанная поверх другой картины. Рушди вводит в литературоведческий обиход термин «палимпсест», тем самым явно давая пас критикам и интерпретаторам своего романа. В «Мавре» палимпсестом назван способ писания картин, когда холст намеренно делается многослойным: сначала художник пишет одну картину, потом поверх нее – другую. Глядя на верхнюю картину, зритель все время помнит о незримом присутствии нижней, которую, впрочем, можно восстановить, уничтожив наружный слой краски. Очевидно, Рушди предлагает трактовать свой литературный стиль именно таким образом – как Запад, нанесенный поверх Востока. [<http://www.litmir.co/br/?b=6283&p=4>]

гибридизация восточных и европейских культур, смешение культурных влияний, или то, что в терминологии Рушди называется «чатнификацией»⁵ культуры.

Творчество британского писателя, лауреата Букеровской премии, члена Королевского литературного общества – Сальмана Рушди является ярким примером рассматриваемого дискурса. Популярность Рушди основывается на инновационном использовании английского языка и фантастическом представлении истории. Рушди прибегает к использованию «магического реализма» с целью отхода от европоцентризма⁶ и повышения внимания к восточным культурам. Инновационность английского языка Рушди продиктована желанием отразить дух индийской культуры со всей ее многогранностью и разнообразием. Рушди как лингвистический экспериментатор пытается нарушить «естественные ритмы английского языка» и внести в него разнообразие [Chatterjee 2004: 253]. Все его произведения иллюстрируют стратегию «привнести индийскость, активизировать и деколонизировать английский язык» [там же: 253].

Синтез культурных влияний, или процесс «чатнификации» культуры, является визитной карточкой его творчества. Автор щедро вкрапливает в чистый британский английский слова и фразы на хинди и урду, культурные реалии индийской и европейской культур, традиции мусульманской, христианской и иудейской религий, придавая этим своему языку некий пряный аромат, восточный колорит с европейскими нотками. Смешение культурных реалий, архетипов, мифологем и образов составляет основу *диалога культур* в рамках мультикультурного художественного дискурса С. Рушди. Проиллюстрируем лишь некоторые из них: “*channay*” – a popular dish in Indian and Pakistani cuisine made with potatoes as well as chickpeas; “*bhajan*” – any type of Hindu devotional song; “*moidore*” – an archaic term used to describe gold coins of Portuguese origin; “*turban*” – a type of men’s headwear based on cloth winding; “*pushtun*” – a race of warriors who live primarily in Afghanistan and Pakistan; “*kutty*” – a cute baby or child; “*hijra*” – a term used in South Asia, in particular, in India, to refer to transwomen (male-to-female transsexual or transgender individuals); “*gao takia*” – a long narrow pillow or cushion filled with cotton, down or fiber; “*halva*” – sweet confections, served across South Asia, Central Asia, West Asia, Jewish world etc.; “*chipkali*” – lizard; “*tamasha*” – a show or theatrical entertainment of some kind; “*chowkidar*” – a watchman or gatekeeper; “*nimbu-pani*” – Indian lemonade [Rushdie 1997]; “*cashew*” – a kidney-shaped seed of the cashew tree; “*gulabjamuns*” – a kind of sweet; “*angrez*” or “*feringee*” – Englishman; “*carrot halwa*” or “*gajar halwa*” – a classic indian dessert; “*chi-chi*” – an expression of contempt; “*phut-a- phut*” – in no time;

⁵ Chutney (хинди) – чатни (кисло-сладкая фруктовая приправа к мясу).

⁶ Европоцентризм — культурфилософская и мировоззренческая установка, согласно к-рой Европа с присущим ей духовным укладом является центром мировой культуры и цивилизации. Уже в Др. Греции разграничение Востока и Запада стало формой противоположности варвара и эллина, «дикости» и «цивилизованности». Такое деление имело отчетливо выраженную ценностную окраску: варварское начало решительно отвергалось во имя эллинского, что сформировалось со временем в одну из традиций, унаследованных социальной практикой и духовной жизнью послеантичной Европы. Возвеличение Запада прослеживается в европейском сознании на протяжении столетий. Для современной исторической науки характерно стремление к написанию глобальной истории и преодолению европоцентризма. В рамках новой парадигмы рассматривается становление человечества как целого, формируются представления о процессах и структурах глобальности, глобализации, исходя из идеи множественности картин мира и множественности моделей познания [Культурология].

“barfi” – a sweet; “rummy” – a card game; “dhoban” – washerwoman; “baba” – grandfather; “garam masala” – hot spices; “rakshasas” or “hubshee” – demons; “baap-re-baap” – o, my father; “rasgullas” – a kind of sweet; “hai hai” – exclamatory expression; “yaar” – friend; “darshan” – the auspicious sight of a deity or a holy person; “pyar kiya to darna kya” – why to fear in love; “ooper nichey” – up and down; “Malabar masala” – spices; “sarpanch” – head of a village; “bhai-bhai” – brother-brother; “ayah” – nurse; “nimbu-pani” – lemon-juice; “khichri” – mixed food; “jalebis” – a variety of sweet [Rushdie 2006].

Скрещивание языка с использованием выражений на хинди, урду, пакистанском и арабском гарантирует подлинность и достоверность исторических событий, описываемых в его романах, а также обеспечивает языковой и стилистический гибрид Востока и Запада. Мастерство Рушди в гибридизации языка лучше всего видно на лексическом уровне, т.к. автор использует арабские (“*fi qadin azzaman*”, “*kam ta kam*”, “*ula wa inna shafa ata-hunna la-turtaja*”, “*tilk al-gharaniq al*”) и латинские (“*feronia elephanticus*”, “*mucuna pruritis*”, “*sunt lacrimae rerum*”) слова. Иногда он, пытаясь уничтожить «чистоту или стандартность» королевского английского языка, изобретает новые формы уже существующих слов, использует неправильную орфографию или создает “авторский гибрид”: “*jewinas*”, “*sonship*”, “*hobson-jobson service*”, “*memoryless*”, “*jewholic*”, “*doctori*”, “*dislikeable*”, “*unquestionable*”, “*hot-spice-laden air*”, “*straaange*”, “*unbeautiful*”, “*boffin-shaffin*”, “*historyless*”, “*dupattalless*” [Rushdie 1997; Rushdie 2006].

Автор часто прибегает к сочетанию слов и фраз, образуя составные сложные слова и демонстрируя свое мастерство: “*birtheaddeath*”, “*sugar-and nut chikki-toffee*”, “*overandover*”, “*blackasnight*”, “*updownup*”, “*downdowndown*”, “*suchandsuch*”, “*whatdoyoumeanhowcanyousaythat*”, “*godknowswhat*”, “*noseholes*”, “*nearlynine*”, “*nearlynineyearold*”, “*almostseven*” [Rushdie 1997; Rushdie 2006].

В своих произведениях Рушди проводит многочисленные эксперименты над английским языком, подвергая его своего рода мутации. Эти лингвистические эксперименты позволили Рушди скрестить несколько культур и языков, «вплести» в литературный английский созданный им гибридный язык.

Таким образом, в произведениях авторов-мигрантов выстраивается архетип их поликультурного сознания, гибридного мировидения, становления новой ментальности, находящий свое выражение в своеобразном языковом стиле создателей мультикультурного художественного дискурса. В рамках данного дискурса актуальным является исследование индивидуальной языковой картины мультикультурного автора как совокупности лингвистических, экспрессивных, модальных и других характеристик определенного писателя.

Представляется **перспективным** также выявление «универсальных» и «национально-специфических» особенностей идиостиля мультикультурного автора, ключевых концептов и концептосферы мультикультурного автора, лингвистических особенностей культурной самоидентификации, мозаики культурно-маркированной лексики, культурных и литературных переключек, этнокультурных реалий, метафоричность и аллюзивность. Исследования мультикультурного художественного дискурса в целом могут иметь своей целью выявление культурно обусловленной картины мира, этнической толерантности, бинарной оппозиция «свой – чужой», ценностных ориентаций, социокультурных характеристик поликультурной личности

и модели ее поведения в процессе аккультурации, сопровождающейся ностальгией по своей родине.

В свою очередь, это требует междисциплинарного подхода в анализе мультикультурного художественного дискурса с позиций лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, социолингвистики, лингвопсихологии, прагмалингвистики и стилистики текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахметьев А.Я. Модели культурной политики: крах мультикультурализма и перспективы интеркультурализма [Электронный ресурс] / А.Я. Бахметьев, Э.А. Паин. – Режим доступа : <http://regconf.hse.ru/>
2. Газета “Ноев Ковчег” о Уильяме Сарояне (n.d.). Available from: <http://armenianhouse.org/saroyan/also-ru/kovcheg.html>
3. Козлик И.В. Мультикультурализм и методологические проблемы литературоведения / И.В. Козлик // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. – 2009. – № 2 (6).
4. Конференции НИУ-ВШЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://regconf.hse.ru>
5. Культурология: теория, школы, история, практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.countries.ru/library/terms/eurocentre.htm>
6. Малахов В.С. Парадоксы мультикультурализма / В.С. Малахов // Иностранная литература. – 1997. – № 11. – С. 19–27.
7. Попова М.К. Проблема национальной идентичности и литература / М.К. Попова // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 45–46.
8. Самарская Т.Б. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста / Т.Б. Самарская, Е.Г. Мартиросьян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf>
9. Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации: Жить никогда, писать ниоткуда / М.В. Глостанова. – М. : Едиториал УРСС. – 2004.
10. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец.10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература)» / С.П. Толкачев. – М. : МПГУ, 2003. – 56 с.
11. Тюрина С.Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] / С.Ю. Тюрина. – Режим доступа : http://globalteka.ru/referat/doc_details/11027.html (дата обращения: 26.07.2010)
12. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – М. : Канон, 2001.
13. Чхартишвили Г.Ш. Но нет Востока и Запада нет / Г.Ш. Чхартишвили // Иностранная литература. – 1996. – № 9. – С. 254–263.
14. Chatterjee K. “Chutnification”: The Dynamics of Language in Midnight’s Children’, Salman Rushdie’s ‘Midnight’s Children’: A Reader’s Companion, New Delhi: Asia Book Club, 2004.
15. Gunuratna R. Inside Al Qaeda. Global Network of Terror / R. Gunuratna. – N.Y. : Berkley Books, 2003.

16. Van Dijk T. Critical Discourse Analysis [Электронный ресурс] / Van Dijk T. – URL : <http://www.discourses.org/>
17. <http://armenianhouse.org/saroyan/also-ru/kovcheg.html>
18. <http://www.discourses.org/>
19. http://globalteka.ru/referat/doc_details/11027.html.
20. <http://www.irbis.vegu.ru/>.
21. <http://www.litmir.co/br/?b=6283&p=4>
22. <http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf>
23. <http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf>
24. <http://regconf.hse.ru>
25. <http://dspace.flinders.edu.au/xmlui/bitstream/handle/2328/3244/>
26. <http://www.countries.ru/library/terms/eurocentre.htm>
27. <file:///C:/Users/User/Downloads/diskurs-v-nabokova-bilingvizm-i-problemy-perevoda.pdf>

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Rushdie S. *The Moor's Last Sigh*. New York: Vintage International Edition. 1997. – 448 p.
 Rushdie S. *Midnight's Children*. New York: Penguin Books, 2006. – 536 p.

REFERENCES

- Bakhmetyev, Y.A., & Pain, E.A. (n.d.). *Modeli kul'turnoj politiki: krakh mul'tikul'turalizma i perspektivy interkul'turalizma [Models of cultural policy: the collapse of multikulturalizma and prospects of interculturalism]*. Available from: <http://regconf.hse.ru/> (in Russian).
- Chatterjee, K. (2004). “Chutnification”: *The Dynamics of Language in Midnight's Children*, *Salman Rushdie's 'Midnight's Children': A Reader's Companion*. New Delhi: Asia Book Club.
- Chkhartishvili, G.Sh. (1996). No net Vostoka i Zapada net [There is no East or West]. *Inostrannaya Literatura – Foreign Literature*.9, 254-263. (in Russian).
- Gazeta 'Noyev Kovcheg' o Uilliams Saroyane [Newspaper Noyev Kovcheg about William Saroyan]* (n.d.). Available from: <http://armenianhouse.org/saroyan/also-ru/kovcheg.html>
- Gunuratna, R. (2003). *Inside Al Qaeda. Global Network of Terror*. N.Y.: Berkley Books.
- Huebner, K. (2001). *Natsija: ot zabvenija k vozrozhdeniju [Nation: from oblivion to renaissance]*. M.: Kanon Publ. (in Russian).
- Konferentsii NIU-VSHE [Conferences of NIU-VSHE]*. Available from: <http://regconf.hse.ru>
- Kozlik, I.V. (2009). Mul'tikul'turalizm I metodologicheskie problemy literaturovedenija [Multiculturalism and methodological problems of literary criticism]. *Vestnik Tomskogo Gosuudarstvennogo Universiteta. – Bulletin of Tomsk State University, Philology*. №2 (6). (in Russian).
- Kulturologia: teoria, shkoly, istoria, practica [Culturology: theory, schools, history, practice]*. Available from: – <http://www.countries.ru/library/terms/eurocentre.htm>
- Malakhov, V.S.(1997). Paradoxy mul'tikul'turalizma [Paradoxes of multiculturalism]. *Inostrannaja Literatura. – Foreign Literature*, 11, 19-27. (in Russian).

- Popova, M.K. (2001). Problema national'noy identichnosti i literature [The problem of national identity and literature]. *Vestnik VGU. Series 1, Gumanitarnye nauki. –Bulletin of Voronezh State University*. 2, 45-46. (in Russian).
- Rushdie, S. (1997). *The Moor's Last Sigh*. New York: Vintage International Edition.
- Rushdie, S. (2006). *Midnight's Children*. New York: Penguin Books.
- Samarskaya, T.B., & Martyrosian Y.G. (n.d.). *Khudozhestvennyi discours: specifica sostavlyajushchikh I osobennosti organizatsii khudozhestvennogo teksta [Artistic discourse: specificity of components and peculiarities of artistic text organization]*. Available from: <http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf>
- Tlostanova, M.V. (2004). *Post-Sovietskaja literatura i estetika transcult'uracii: Jit' nekogda, pisat' niotkuda [Post-Soviet literature and aesthetics transculturation: never to live, nowhere to write from]*. Moscow: Editorial URSS. (in Russian).
- Tolkachev, S.P. (2003). *Mul'ticul'turnyj kontekst of sovremennogo anglijskogo romana. Avtoreferat. dissert. kand. philol. Nauk [Multicultural context of the contemporary English novel. synopsis]*. Moscow: MGPU. (in Russian).
- Tyurina, S.Yu. (n.d.) *Diskurs kak object lingvisticheskogo issledovanija [Discourse as a subject of linguistic study]*. Available from: http://globalteka.ru/referat/doc_details/11027.html (the date of circulation: 26.07.2010)
- Van Dijk, T. *Discourse in Society: Website of Teun A. van Dijk*. Available from: <http://www.discourses.org/>
http://globalteka.ru/referat/doc_details/11027.html.
<http://www.irbis.vegu.ru/>.
<http://www.litmir.co/br/?b=6283&p=4>
<http://dspace.flinders.edu.au/xmlui/bitstream/handle/2328/3244/>
<http://C:/Users/User/Downloads/diskurs-v-nabokova-bilingvizm-i-problemy-perevoda.pdf>

Арутюнян Нарине Леоновна – доктор филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и английского языка Ереванского государственного университета (ул. А.Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Республика Армения); e-mail: harutyunyanarine12@yahoo.com

УДК 811.111'373

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л.Г. Брутян (Ереван, Армения)

Л.Г. Брутян. Речевой этикет в поликодовом пространстве. В статье в коммуникативно-прагматическом аспекте анализируются некоторые формы речевого этикета в армянской, американской, русской лингвокультурах: комплимент, приветствие, прощание, благодарность и др. Показываются различия в их интерпретации и функционировании.

Ключевые слова: армянская, американская, русская лингвокультура; коммуникативно-прагматический; речевой этикет.

Л.Г. Брутян. Мовний етикет у полікодовому просторі. У статті в комунікативно-прагматичному аспекті аналізуються деякі форми мовного етикету у вірменській, американській, російській лінгвокультурах: комплімент, вітання, прощання, подяка та ін. Показуються відмінності в їх інтерпретації та функціонуванні.

Ключові слова: армянська, американська, російська лінгвокультура; комунікативно-прагматичний; мовний етикет.

L.G. Brutian. Speech Etiquette in a Multi-code Space. In the paper, some forms of speech etiquette in different linguocultures are analysed from the communicative-pragmatic perspective in Armenian, American, and Russian linguistic cultures: compliment, greeting, farewell, gratitude, and others. Differences in their interpretation and functioning are shown.

Key words: Atmenian, American, Russian linguistic culture; communicative-pragmatic; speech etiquette.

1. Введение

Радикально изменившиеся на современном этапе условия общественно-политической жизни, процессы глобализации и интеграции, бурная активизация и интенсификация контактов самого разного типа, небывалые ранее возможности разъезжать по миру, научно-технический прогресс, дающий возможность благодаря Интернету общаться с представителями самых разных культур в любой точке планеты и т.д. привели к резко возросшему интересу к процессу коммуникации вообще и межкультурной коммуникации, в частности. В свете сказанного вырисовывается **актуальность** и насущная необходимость исследования различных сторон эффективной межличностной и межкультурной коммуникации, более глубокого выявления коммуникативно-прагматических аспектов разных типов речевых актов, а также изучения в новом свете различных форм речевого этикета.

Нашей **задачей** является анализ некоторых форм речевого этикета, в частности, речевых актов приветствия, прощания, благодарности, извинения, комплимента, осведомлений о делах в разных лингвокультурах с **целью** выявления сходств и особенно – различий в функционировании и интерпретации вышеуказанных речевых актов. Такой анализ предполагает применение ряда **методов** исследования,

таких как лексико-семантический, описательный, контекстуальный, сопоставительный, анализ дискурса в рамках антропоцентрической лингвистики.

2. Изложение основного материала

Известный специалист по речевому этикету Н.И. Формановская, считающая стереотипные формулы общения «социальными поглаживаниями», так необходимыми каждому человеку, пишет: «Мы каждый день и по много раз употребляем выражения речевого этикета: обращаемся к людям, приветствуем их, прощаемся, благодарим, извиняемся, поздравляем с праздником, желаем успехов – и т.д. и т.п. Мы сочувствуем и соболезнуем, одобряем и делаем комплимент, мы что-то советуем, кого-то приглашаем, о чем-то просим – и все это так, что учитываем и официальную или неофициальную обстановку общения, и свои собственные роли относительно ролей собеседника, и конкретную ситуацию общения, и национальные привычки и обычаи... У всех приветствий, осведомлений о жизни, здоровье, делах, у всех благодарностей, извинений, поздравлений и пожеланий нет другого назначения, кроме как служить “поглаживаниями».

– *Привет, как дела?*

– *Все в порядке! А у тебя?*

– *Тоже ничего. Ну, всего!*

– *Пока!* – вот и обменялись «поглаживаниями»!

Все дело в том, что речевой этикет реализуется в ситуации непосредственного общения, когда «здесь» (в точке встречи) и «сейчас» (в момент встречи) «я» и «ты» открыто обмениваются «поглаживаниями» [Формановская 1989: 47–48, 52].

Стереотипные формулы речевого этикета, являющиеся прежде всего знаками доброжелательства, доброго расположения к собеседнику, «социальными поглаживаниями» (в терминологии Н.И. Формановской), имеют ярко выраженную национально-культурную специфику: «Национальная специфика речевого этикета в каждой стране чрезвычайно ярка, потому что на неповторимые особенности языка здесь, как видим, накладываются особенности обрядов, привычек, всего принятого и непринятого в поведении, разрешенного и запрещенного в социальном этикете. Порой самым неожиданным образом проявляются национально-культурные особенности речевого поведения говорящих» [Формановская 1989: 152].

Замечательный культуролог Г. Гачев свою книгу «Ментальности народов мира» начинает так: «Здравствуйте! Значит: желаю я вам **здоровья**, мой слушатель или читатель. Итальянец же бы вас приветствовал так: Come sta? = “Как **стоишь?**” Француз же бы поинтересовался: Comment ça va? = «Как это (нечто) **идет?**» Подобно и немец: Wie geht's? = «Как **идется?**» Иудей сказал бы «Шалом!», что значит: «**Мир!**» Англичанин (и американец) бы спросил: How do you do? = «Как вы **делаете?**». Уже в простом и повседневном акте взаимного приветствия люди разных народов выражают свои «символы веры», подчеркивают, что ценно для них в существовании. Для русских – здоровье, целостность, для англичан и американцев – работа, труд, для евреев – мир, для итальянцев – стабильность, статика, вертикальное измерение бытия, для французов и германцев – движение, динамика... Таким образом, уже в повседневной речи мы разговариваем на языке сверхценностей, используем философские идеи и принципы, но не осознаем того, употребляя их бессознательно» [Гачев 2003: 9].

Действительно, в повседневной жизни, встречаясь с разными людьми, мы машинально приветствуем друг друга, не вдаваясь в смысл сказанного и с ловкостью фокусника выбирая из хранилища нашей памяти фразы приветствия, уместные в той или иной ситуации. Однако выясняется, что самое, казалось бы, банальное дело, – поприветствовать друг друга, может стать камнем преткновения и привести к конфликту при общении представителей разных культур уже с самых первых минут, а то и секунд общения. Дело в том, что в разных культурах приветствуют друг друга по-разному с учетом большого количества самых разнообразных факторов, поэтому стереотипные фразы и слова приветствия становятся лингвокультурологическим феноменом. Если русские, приветствуя друг друга, желают здоровья (*здравствуйте*), то армяне – добра (*barev, bari or* и т.д.). Русские тоже желают добра (*доброе утро, добрый день*). А вот англичане желают не доброго, к примеру, утра, или дня, или вечера, как это делают русские и армяне (*добрый вечер, bari yereko*), а хорошего утра, дня, вечера (*Good morning* и т.д.). Утро, самое начало дня, у армян ассоциируется со светом (*bari luis*), чего нет ни в русской, ни в английской культурах. В русской культуре, как отмечает Н.И. Формановская, есть приблизительно 40, если не больше самых разнообразных форм приветствия. «И есть такое, правда, устаревшее, которое направляют работающему: *Бог в помощь*; есть и для приехавшего: *Добро пожаловать!*; *С приездом!*, и для входящего: *Милости прошу!* (с приглашением вместе), есть и тому, кого давно не видели: *Сколько зим, сколько лет!* И еще множество приветствий у нас!... древние греки приветствовали друг друга: *Радуйся!*, а современные греки: *Будь здоровым!* Арабы говорят: *Мир с тобой!*, а индейцы навахо: *Все хорошо!*» [Формановская 1989: 154].

Формы приветствия имеют разную статусность, в частности, в русской и в армянской культурах. В зависимости от статуса говорящих, от степени близости, от возраста говорящих выбирается та или иная форма приветствия. Так, студенты в русской и армянской культурах приветствуют своих преподавателей (старших по статусу, а зачастую и по возрасту) словами *Здравствуйте, Barev dzez*. В этих культурах невозможно представить себе *Привет*, звучащее из уст студента, приветствующего своего преподавателя. А вот в американском обществе, где царит полное равноправие при общении, наиболее частой, чтобы не сказать, единственной формой приветствия является *Hi*. *Hi* звучит везде: и при встрече, предположим, близких одноклассников (в этом случае – полное равноправие партнеров по общению), и когда студент приветствует своего профессора, и при встрече малознакомых людей и т.д. Следует подчеркнуть, что британский вариант английского языка проявляет в этом вопросе меньшую демократичность и большую дифференцированность.

В контексте сказанного выше несомненный интерес представляет следующий отрывок из статьи Александра Дугина: «Интернет, мировая компьютерная сеть или «мировая паутина», явно придумана не самыми правильными людьми. На последних этапах «холодной войны» стратеги Запада считали, что развитие компьютерных коммуникаций будет способствовать доминированию западных ценностей во всем мире... Мы видим, что базовым языком сети является английский, а сегодня известно, что сам язык в огромной мере предопределяет то, что на нем будет высказано. Человек, произносящий по привычке «Hi!», «How do you do?» или «Hello!» в качестве приветствия, совершенно по-иному относится к жизни, к смерти, к любви и природе,

к политике и гигиене, к противоположному полу, к детям и старикам, нежели привыкший к торжественному, почти старообрядческому «Здравствуйте!»... Через язык передается образ мысли, образ жизни...» [Дугин 2000: 337].

Как отмечает Н.И. Формановская со ссылкой на Б.Х. Бгажнокова, который исследовал этикет адыгов, «предельно общему русскому *Здравствуйте!* соответствует множество способов приветствовать в зависимости от того, мужчина или женщина, старик или молодой выступает в качестве адресата, всадник это или путник, пастух или кузнец... Великое разнообразие и у монголов» [Формановская 1989: 153].

Как видим, формы **приветствия** (как и другие формы речевого этикета), при всем своем универсальном значении, отличаются от культуры к культуре целым рядом социокультурных особенностей, обусловленных нормами и запретами в той или иной лингвокультуре. Это и статусные различия, и половозрастные факторы, и фактор ценностей культуры, и контекст ситуации, и степень близости собеседников, и соотношение вербальных и невербальных способов приветствия, и фактор американизации, наконец, – веяния моды. В частности, в Армении в последние годы вошла в моду привычка среди молодых лиц мужского пола при встрече обниматься и целоваться. Такой стиль приветствия не характерен для армянской ментальности, поэтому у людей более старшего возраста вызывает раздражение и неприятие.

А какими репликами обмениваются при **прощании**? Что общего и что различного в этом, на первый взгляд, ритуальном взаимодействии собеседников в разных культурах?

Основными выражениями, принятыми в русском литературном языке, являются: *до свидания* – при расставании на недлительный срок и *прощай(-те)* – при длительном расставании или расставании навсегда, а центральными единицами (наиболее употребительными, частотными в повседневной речи говорящих) являются: *Всего хорошего (доброго)*, *Счастливо (оставаться)*, *Пока, Всего, Будь (-те) здоров (-ы)* [см. Матевосян 2005: 112]. Иными словами, русские при расставании желают друг другу добра, всего хорошего, счастья, здоровья.

Армяне, прощаясь друг с другом, желают добра и здоровья. Выражение пожелания счастья в армянском языке отсутствует: вероятно, армяне под счастьем понимают здоровье и добро. Прощаясь ночью, русские желают *спокойной ночи*, армяне – *добррой ночи (bari gisher)*, а англичане – *хорошей ночи (good night)*. Японцы при прощании говорят *sayonara (если так должно быть)*, а русские просят простить их, если что-то было не так (*прощай, прощайте*).

Американцы, прощаясь друг с другом утром и отправляясь по своим делам, говорят *Have a nice day! (Удачного, хорошего дня)* – ведь у американца все и всегда должно быть хорошо, удача должна постоянно сопутствовать ему. Англичане же, наоборот, «плохо воспринимают очень распространенное вежливое американское пожелание *Have a nice day!*... Для многих неприемлемым и раздражающим фактором оказывается грамматика, а именно: повелительное наклонение... В современной России, в связи с возрастающим влиянием Америки и американцев, русский эквивалент американского пожелания все больше входит в речепотребление. Студенты и аспиранты все чаще используют в речи *Желаю вам удачного/приятного дня* и просто: *Удачного дня*. Совсем сокращенный вариант *Удачи!*, родом, по-видимому, от *Have a nice day*, получил широкое распространение и в средствах

массовой информации, и в повседневном общении» [Тер-Минасова 2008б: 173]. Еще одно пожелание, которое выражается при расставании в англоязычных культурах, – это *Take care* (позаботься о себе): ведь в этих культурах о себе необходимо заботиться, о себе нельзя забывать. Ни в русском, ни в армянском языках нет аналогичной формы прощания.

1. В русских и армянских выражениях **благодарности** (*благодарю, благодарность* от 'ответ на дар', *спасибо* от 'спаси бог', *shnorhakalutiun* от 'shnorh', 'дар') есть указание на доброжелательность. Во фразах с этими словами отражены «я» и «ты», они эквивалентны доброму поступку «здесь» и «сейчас», а передаваемая с их помощью информация имеет социальный характер, который можно интерпретировать как «я тебя уважаю, вступаю с тобой в общение и желаю тебе добра» (см. также [Формановская 1989: 52]). В армянском языке в последние годы наблюдается употребление формы *shnorhakal em shat* вместо *shat shnorhakalutiun*, очевидно под влиянием *thank you very much*. Вошло также в обиход использование формы *mersi* и даже – *mersiner* (во множественном числе с использованием показателя множественности “ner”). В речевом этикете Японии – разнообразие форм благодарности в разных ситуациях (за приглашение в гости, за приглашение к столу, за угощение и т.д. и т.п.). Разным является и соотношение вербальных и невербальных способов выражения благодарности. Так, если в русской лингвокультуре вежливым может быть и кивок в знак благодарности, и слова признательности, и улыбка, и сочетание всех этих способов, то, например, в британской и немецкой культурах доминирует вербальный способ. В некоторых азиатских странах (Япония, Китай) вместо выражения благодарности, в частности, при отказе за вторую чашку чая (типа *Нет, спасибо*), говорят *Мне уже и так прекрасно*. А уходя из гостей, вместо благодарности хозяевам используют выражения извинения за доставленное неудобство. Сравните следующий диалог, который имел место при прощании между китайским студентом, обучающимся в Великобритании, и хозяйкой английского дома, куда он был приглашен:

Он: Извините, я доставил Вам массу неудобств сегодня вечером.

Она: Неудобств? Не было никаких неудобств. Что Вы имеете в виду? Я надеюсь, Вы получили удовольствие.

Он: Да, разумеется. Но я действительно доставил Вам беспокойство. Я отнял у Вас столько времени.

Она: Но ведь мы Вас пригласили. Мы хотели, чтобы Вы пришли.

Он: В следующий раз Вы должны придти ко мне в гости, я приготовлю для Вас китайскую еду [пример взят из: Гришаева, Цурикова 2006: 274].

Ниже – пример межкультурного конфликта в связи с разным использованием этикетной формы извинения: Одна англичанка в Германии мучилась в автобусе: пробиваясь к выходу, она повторяла *Excuse me* (извините), а немцы возмущались. Как только она догадалась спросить по-немецки *Вы выходите на следующей?*, все любезно расступились (пример взят из [Тер-Минасова 2008б: 175]).

Обычно, первое, что говорят люди друг другу при встрече после приветствия, – это: *Как дела?*, *Как поживаете?*, *Как жизнь?* Это, казалось бы, стереотипные **вопросы-осведомления о делах**, требующие таких же стереотипных ответов. Однако, как показывает практика межкультурного общения, уже на этом, практически начальном, этапе речевого взаимодействия зачастую возникают

серьезные проблемы, конфликты культур. Чтобы избежать или хотя бы минимизировать их, необходимо знать, как в разных культурах принято отвечать в подобных случаях. Так, «английский язык, в соответствии с требованиями культуры, национального характера и менталитета допускает практически только один ответ: “*Fine, thank you* (Спасибо, хорошо)”, даже если говорящий глубоко несчастлив или на пороге смерти. *How are you?* – пустая формула общения, за ней не стоит реальный интерес к личности собеседника, это формальное признание контакта» [Тер-Минасова 2008а: 227]. После ритуального обмена такими ничего не значащими вопросами и ответами англичане сразу же переходят к делу. В английских ответных репликах – «нежелание посвящать собеседника в свои дела, нагружать его своими проблемами, стремление хранить свою личную жизнь и свои проблемы при себе. Поэтому – *fine, thank you* хоть на смертном одре» [Тер-Минасова 2008б: 171]. То же самое – в американской культуре, где, помимо указанного, очень важным является понятие успешности, поэтому никакого другого ответа, кроме как *Fine* или *OK* нельзя услышать из уст американцев при любых обстоятельствах. Американец должен быть (точнее, выглядеть) успешным, беспроblemным и довольным жизнью.

Совершенно иное речевое поведение проявляют русские в аналогичной ситуации вследствие особенностей их национального характера, ментальности. «В русской культуре – наоборот: если человек интересуется, как же ему “не рассказать о делах”» [Тер-Минасова 2008б: 171]. Русский «на самый распространенный вопрос общения:… Как поживаете? …как правило, начинает давать подробный, часто пространственный ответ, описывая свое здоровье, семейные обстоятельства, успехи или неприятности на работе…» [Тер-Минасова 2008а: 227]. Как справедливо замечает С.Г. Тер-Минасова, «в русской культуре принято отвечать “честно”, описывая реальное состояние дел… Почему-то распространены ответы-жалобы: на здоровье, на начальство, на семейные обстоятельства».

В ответ на формальный привычный вопрос *как поживаете?* в России можно услышать целые грустные мини-повести:

Да голова трещит, мучаюсь с давлением, Колька плохо учится, не знаю, что с ним делать, учителя жалуются.

Разве это жизнь? Работаю с утра до ночи, света белого не вижу.

Потихонечку, тянем ляжку.

Ничего, но мама все время болеет, и папа что-то плохо себя чувствует.

В последнее время тенденция “ругать” свою жизнь настолько усилилась, что бодрые оптимистические ответы типа “*Отлично!*”, “*Лучше всех*” воспринимаются с удивлением, и часто и недоверием как ирония или энантиосемия…» [Тер-Минасова 2008б: 171].

Есть и другие причины, почему русские в ответ на *Как поживаете?* не говорят *Хорошо* или, тем более, *Очень хорошо*, и т.д. Вот что пишет в этой связи С.Г. Тер-Минасова: «…хвалиться “очень хорошо” – не надо, можно вызвать зависть, сглаз, да и не гуманно это: а вдруг у него/нее все плохо? Лучше немного сгустить краски и вызвать сочувствие» [Тер-Минасова: там же]. А вот отрывок из интервью с Ириной Хакамадой, данной газете «Комсомольская правда» (2009 г., 5 ноября):

Хакамада: ... когда вас спрашивают, как у вас дела, отвечайте, что все плохо. Хотя на самом деле, может быть, у вас все в жизни прекрасно. Не надо впихивать другим свою успешность. Это многих раздражает.

Журналистка: А я читала другие психологические методики, которые, наоборот, советуют говорить, что у вас все супер!

Хакамада: Это американские принципы, в России они не работают. У нас люди завистливые, друг другу не прощают успех.

Встречается у русских и усредненный ответ *Ничего*, который означает «Ни хорошо, ни плохо». Если, однако, вдуматься в смысл сказанного, не означает ли такой ответ, что вообще нет ничего, ничего не происходит?! А вот что пишет в связи с интерпретацией вопроса *Как дела?* в русской культуре Н.И. Формановская: «Не улавливать социальной сути “поглаживания” в речевом этикете – значит неправильно истолковывать вопрос встречного знакомого: *Как дела? Как здоровье?* Ведь в этом случае никто не требует подробного ответного рассказа о делах и здоровье» [Формановская 1989: 53].

Между русскими и иностранцами, особенно, носителями англоязычных культур, часто возникают культурные конфликты в связи с очень разными ответами на вопрос о делах собеседника. По словам С.Г. Тер-Минасовой, «иностранцы недоумевают, зачем эти пространные ответы русских, русские обижаются на пренебрежение иностранцев» [Тер-Минасова 2008а: 227]. Ниже – пример такого межкультурного конфликта, который приводит А.В. Павловская: «Г. Волчек, известный режиссер московского театра “Современник”, рассказывала, как, находясь в Америке, она провела своеобразный эксперимент. На вопрос “*How are you?*” поспешно выпалила: “У меня муж утопился”. На что услышала обычное “Рада слышать”. Важна не столько достоверность истории, сколько сам факт обиды известного человека, много путешествующего за границей, образованного и начитанного, но реагирующего на ситуацию в соответствии с особенностями русской традиции» [Павловская 2003: 19–20]. А вот случай из жизни, иллюстрирующий социокультурный конфликт. О нем рассказывает русская женщина, работающая в компании “Русский алюминий”: «Недавно я разговаривала с одной из своих новых коллег, русской девушкой, которая работает у руководителя-австралийца. Сотрудница жаловалась: “Он каждый день спрашивает меня “Как дела?”, и у меня уже не хватает воображения давать ему каждый раз новые ответы». С.Г. Тер-Минасова так комментирует его: «А ведь австралийский босс, задавая типичный вопрос-приветствие, скорее всего, и не собирался вслушиваться в проблемы подчиненной» [Тер-Минасова 2008б: 171–172].

Близкое русским поведение при ответе на рассматриваемый вопрос проявляют чехи. Приведем в качестве иллюстрации отрывок из книги очерков К. Чапека с интерпретацией речевого поведения героев, которую предлагает Н.И. Формановская:

– *Здрасьте, как поживаете?* – *Да скверно, не ахти как!*

– *И не говорите! А в чем дело?* – *Э-э, знаете, сколько забот!...*

– *Ну вы-то что можете сказать о заботах? Мне бы ваши заботы!* – *Ну, дорогой, быть бы вам в моей шкуре, тогда бы вам не поздоровилось!...*

А у вас как дела?

– *Да, знаете, неважно!*

– *А как здоровье?* – *Так себе. А что у вас дома?*

– *Ничего, скрипим!*

– *Так будьте здоровы! – Мое почтение!*

«Не правда ли, создается впечатление, – пишет Н.И. Формановская, – что у собеседников дела идут неважно. Но, приведя такой диалог, К. Чапек говорит, что если читатель поймет, будто у встретившихся не так уж все хорошо и пошатнулось здоровье, он ошибется. Просто чех при встрече по обычаю, привычке не склонен говорить, что у него жизнь идет хорошо, он скорее предпочитает жаловаться. Однако жалуется он бодрым тоном и как бы хвастается заботами, гордится трудностями и огорчениями, потому что без трудностей, по его представлениям, живет лишь бездельник. У серьезного же человека на уме одни заботы. Ну а если ближний на вопрос: *Как дела?* – ответит, что у него все хорошо, то тотчас возбудит смутное подозрение: он что-то скрывает! Вот ведь как любопытны национальные особенности использования речевого этикета!» [Формановская 1989: 153]. В отличие от русских и чехов, другой славянский народ, болгары часто в описываемом случае отвечают *Хорошо!* В адыгейской культуре о делах осведомляются по-разному в зависимости от времени года. Осенью, например, спрашивают: *Жирный ли скот?, Хорошо ли проводите осень?*, весной спрашивают: *Благополучно ли встречаете весну?*, а зимой – *Как зимуете?* [там же]. Если русские спрашивают: *Как здоровье?*, то древние египтяне «полагали, что при встрече накоротке некогда, да и не к чему делать анализ своего здоровья. Они спрашивали конкретно: «*Как вы потеете?*» Как видим, самые разнообразные стереотипы речевого этикета запечатлели особенности быта» [Формановская 1989: 154].

А теперь поговорим о том, как проявляют себя армяне в аналогичной ситуации. Армяне в силу и особенностей национального характера, и в целом нелегких условий жизни (особенно в последние десятилетия) любят жаловаться на жизнь, говорить о своих проблемах. Поэтому в ответ на вопрос о делах (среди которых есть и показательный в этом смысле вопрос *Inch ka-chka?*, букв.: 'что есть, чего нет', не имеющий, как кажется, аналогов в других языках) обычно звучит целая тирада-цепочка жалоб на жизнь, на судьбу, на безденежье и т.д. Либо звучит ответ *vochinch* в значении 'ничего' (об этом ответе уже говорилось выше), либо частое *kank, eli* (букв.: 'ну, существуем'). Последний ответ можно расценивать как свернутый текст, в лаконичной форме сообщающий собеседнику о том, что адресат влачит лишь физическое существование, и мало что в этой жизни его радует. В последние десятилетия даже сам вопрос о делах считается некорректным, потому что предполагается, что большинство армян живет одинаково плохо и безрадостно. Поэтому часто звучит и такой вариант ответа: *Bolori pes* (читай: плохо, как и все). Отвечать на вопрос о делах *Lav, Shat lav* ('хорошо, очень хорошо') считается даже неприличным и часто воспринимается как бравада.

Существенно отличаются и **комплименты**, а также реакции на них в разных культурах. Какое-нибудь выражение, употребляемое в качестве комплимента в одном обществе, может быть воспринято в другом как лесть, а в некоторых случаях и вовсе как оскорбление. Примерами могут послужить комплименты с зоонимами. Если комплиментом женщине в Индии может быть сравнение ее с коровой, а ее походки – с походкой слона, в Японии – сравнение ее со змеей и т.д., то в русской и армянской лингвокультурах это антикомплименты.

Англо-американская культура «поощряет отзываться с похвалой о других людях, дабы поднять их в собственных глазах. В японской же культуре, наоборот, похвала в лицо не поощряется, однако вызывает одобрение говорить о себе “плохо”» [Вежбицкая 1997: 397–398]. Скупые на комплименты японцы (имеющие при этом специальную форму благодарности в ответ на похвалу) воспринимают прямые комплименты, звучащие из уст американцев, как лесть, но не проявление искренней похвалы.

Известно, что в США комплимент женщине на работе (по поводу ее внешности, наряда и т.д.) может рассматриваться как сексуальное домогательство, за что можно попасть и под суд: сесть в тюрьму, заплатить огромные штрафы (чем, кстати, многие американские феминистки не преминули воспользоваться). Если в США делать комплименты женщине иногда бывает очень опасно, то в Италии, где культ прекрасного вообще, «женщиной принято восхищаться и не скрывать этого. Что положительно характеризует итальянских мужчин, так это то, что восхищаться и, главное, демонстрировать это они будут любой – некрасивой, старой, молодой, глупой, красивой, не делая исключений... Пусть это игра, но игра, которая тайно нравится даже самым отчаянным феминисткам» [Павловская 2006: 234–235].

При том, что женщины в целом очень любят получать комплименты, и в этом существуют межкультурные различия. Вот как реагируют на комплименты женщины Скандинавии, которая по праву считается «оплотом победившего феминизма», о чем читаем в газетной статье с показательным названием «Скандинавки ищут подвох в праздничных поздравлениях» («Новое время», 11 марта 2010 год): «8 марта, как всегда, прошло под знаком борьбы за права дам. Цветы, комплименты, небольшие презенты и прочие проявления галантности, типичные для других стран, многие скандинавки в Женский день отвергают, видя в иных скрытую попытку вернуться к патриархальному построению общества, в котором “слабый пол” находится в подчинении у мужчин».

Если американцы принимают комплименты с благодарностью, с удовольствием, то русские и армяне зачастую из суеверия, из нацеленности на тайный смысл принимают их с трудом. О том, как по-разному реагируют на комплименты в связи с разными культурными традициями, говорит в своем интервью Франк Миллер, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, преподающий там русский язык и много общавшийся с русскими людьми: «... американец примет комплимент с удовольствием, поблагодарит, а русский обязательно станет отказываться: “Да что вы!” или “Как бы не сглазить!”» («Русский язык за рубежом» 2011: 106).

3. Выводы

Обобщая, можно заключить, что исследование форм речевого этикета в поликодовом пространстве может способствовать минимизации межкультурных столкновений и конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
2. Гачев Г. Ментальности народов мира / Г. Гачев. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.
3. Гришаева Л.И. Введение в теорию мужкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – М. : Academia, 2006. – 336 с.

4. Дугин А. Континент в мировой паутине / А. Дугин // Виртуальная география. – 2000. – № 6 (323).
5. Матевосян Л.Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному / Л.Б. Матевосян. – М.–Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 2005. – 183 с.
6. Павловская А.В. Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей / А.В. Павловская. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 130 с.
7. Павловская А.В. Италия и итальянцы / А.В. Павловская. – М. : Изд-во Олма МедиаГрупп, 2006. – 368 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово / Slovo, 2008a. – 264 с.
9. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово / Slovo, 2008б. – 334 с.
10. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. – М. : Высшая школа, 1989. – 159 с.

REFERENCES

- Dugin, A. (2000) Kontinent v mirovoj pautine [Continent in the worldwide web]. *Virtual'naja geografija – Virtual Geography*, 6, 323.
- Formanovskaja, N.I. (1989). *Rechevoj etiket i kul'tura obschenija [Speech etiquette and the culture of communication]*. Moscow: Vyschaja skola.
- Gachev, G. (2003). *Mental'nosti narodov mira [Mentalities of the peoples of the world]*. Moscow: Eksmo.
- Grishajeva, L.I., & Tsurikova, L.V. (2006). *Vedenije v teoriju mezhkul'turnoj komunikacii. [Introduction to the theory of intercultural communication]*. Moscow: Academia.
- Matevosian, L.B. (2005). *Statsionarnoje predlozhenije: ot standartno k original'nomu [Stationary sentence: from standard to original]*. Moscow, Yerevan: Yerevan University Press.
- Pavlovskaja, A.V. (2003). *Kak imet' delo s ruskimi. Putevoditel' po Rosiji dlja delovikh ljudej [How to deal with the Russians. Guide-book around Russia for businessmen]*. Moscow: Moscow University Press.
- Pavlovskaja, A.V. (2006). *Italija i italjanci. [Italy and the Italians]*. Moscow: Olma Media Group.
- Ter-Minasova, S.G. (2008a). *Jazik i mezhkul'turnaja komunikacija [Language and intercultural communication]*. Moscow: Slovo.
- Ter-Minasova, S.G. (2008b). *Vojna i mir jazikov i kultur [War and peace of languages and cultures]*. Moscow: Slovo.
- Wierzhbicka, A. (1997). *Jazik. Kul'tura. Poznanije [Language. Culture. Cognition]*. Moscow: Russian Dictionaries.

Брутян Лилит Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, Ереванский государственный университет, Ереван 0025, ул. А. Манукяна 1, Армения, e-mail: lilit.brutian@gmail.com

**СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
РИТМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА
А.А. Калита (Киев, Украина)**

А.А. Калита. Суггестивный потенциал ритмической системы прозаического текста. В статье на основе когнитивного подхода изложена новая концепция количественных исследований энергетики и суггестивного потенциала ритмической системы текста. Очерчены перспективы изучения суггестивной природы ритма и темпоритма.

Ключевые слова: механизм порождения, ритм, ритмическая система, суггестия, темпоритм.

А.А. Калита. Суггестивний потенціал ритмічної системи прозового тексту. У статті на основі когнітивного підходу викладено нову концепцію кількісних досліджень енергетики та суггестивного потенціалу ритмічної системи тексту. Окреслено перспективи вивчення суггестивної природи ритму і темпоритму.

Ключові слова: механізм породження, ритм, ритмічна система, сугестія, темпоритм.

A.A. Kalyta. Subliminal potential of the prosaic text rhythmic system. In the article the author introduces a new concept of quantitative research of the energetic and subliminal potential of the text rhythmic system viewed on the basis of a cognitive approach. The article outlines the prospects of studying a subliminal nature of rhythm and tempo-rhythm.

Key words: mechanism of generation, rhythm, rhythmic system, subliminal influence, tempo-rhythm.

1. Введение

Для описания ритма как уникального коммуникативного феномена в его широком понимании лингвисты активно используют современные теоретические положения и экспериментальные факты, добываемые исследователями таких областей научного знания, как философия, искусствоведение, психология, музыковедение, физиология, информатика, математика, нейропсихология, психолингвистика, психофизиология, нейрофизиология, психоакустика и т.п., поскольку его рассмотрение как сугубо фонетического или синтаксического феномена не является достаточным для решения возникающих проблем.

При этом в последнее время среди частных вопросов общей проблемы функционирования ритма в коммуникации лингвисты однозначно признают вопрос энергетической природы порождения суггестивного потенциала ритма одним из наиболее **актуальных**. И, тем не менее, в известных нам работах отсутствуют теоретические результаты системной гипотезации научных представлений об энергетической природе возникновения суггестивного потенциала речевого ритма.

Поэтому **целью** предпринятого нами методологического поиска является системная гипотезация научных представлений об энергетической природе возникновения суггестивного потенциала ритма прозаического текста и механизмах его воздействия на реципиента.

Для этого, используя строго научный подход, рассмотрим кратко свойства, особенности проявления, признаки и характеристики ритма, отмеченные в ряде работ известных нам отечественных и зарубежных исследователей, описывающих его в самом широком понимании.

2. Изложение основного материала

По поводу функционального назначения ритма в коммуникации существуют мнения, что он является средством: побуждения человека к чтению и письму, оживления прозы [Goux 2003: 14]; реализации структурирующей, текстообразующей и экспрессивно-эмоциональной функций речи [Языкознание 1998: 416]; художественного воздействия на реципиента [Жирмунский 1975: 569]; психологического и эмоционального воздействия [Бойчук 2014: 130]; фокусирования внимания читателя на определенных элементах сообщения [Гумовская 2000: 6]; организации субъектом его собственной речи [Meschonnic 1990: 71]; организации структуры текста, а также процессов передачи и восприятия информации [Гумовская 2000: 7]; создания связности и целостности текста [Ефремов 2012: 90]; достижения определенного эффекта в речи [Бабичева 2003: 10]; порождения и организации суггестии текста [Болтаева 2003; Бойчук 2014: 130]. Из этого очевидны попытки исследователей определить суггестивную функцию ритма с позиций индивида, порождающего текст, либо индивида, воспринимающего его.

Опираясь на элементарные положения метода системного анализа названных исследователями функций, несложно убедиться в том, что главной функцией коммуникативного ритма вообще, и ритма текста или высказывания, в частности, может являться только актуализация их суггестии. Более того, с учетом её значимости суггестивную функцию ритма целесообразно рассматривать, а, следовательно, и трактовать на всех уровнях её актуализации как стратегическую [Калита 2012: 48–49; Клименюк 2007: 165].

В таком случае всем остальным, рассмотренным выше функциям, логично, соответственно их роли, присвоить статус тактических функций, методов, способов, приемов и средств актуализации суггестии ритма. Такой подход не только позволяет однозначно выделить ведущую роль ритма в суггестивном потенциале текста, но и повышает актуальность рассмотрения остальных средств речевой суггестии в непосредственном соотношении с ним как с базовым элементом.

Не менее важным вопросом для нашего анализа следует, пожалуй, считать особенности проявления ритма. Традиционно речевой ритм принято рассматривать как «регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции» [Языкознание 1998: 416].

Понятно, что результаты реализации этих и значительного количества указанных выше функций ритма должны неизбежно породить широкое поле альтернатив его проявления в реально существующих видах речевой коммуникации.

Как известно [Mourrot 1960: 11–15], ритм проявляется в регулярности чередования синтаксических частей предложений, количества ударений, количества слогов, характера звуков (аллитерация, омофоны); синтаксическом параллелизме; распределении частей целого текста или фразы согласно возрастающему или убывающему порядку в объеме этих частей; повторах (лексические, семантические);

равенстве или неравенстве восходящего и нисходящего интонационных контуров высказывания, а также ряде других явлений. В соответствии с этим, Г.Р. Гачечиладзе подчеркивает, что ритм прозы выражается преимущественно в чередовании пауз и смысловых единиц различной длины, а также проявляется в повторении смысловых ударений, последовательностей повышения и понижения интонации, симметричном строе предложений и расположении синтагм, иногда привнесением рефрена, аллитерации, внутренней рифмы и ассонанса [Гачечиладзе 1970: 208].

Рассматривая ритм как средство художественного воздействия, В.М. Жирмунский считает его основным атрибутом синтаксического уровня текста [Жирмунский 1975: 575–576]. Исходя из смысловой и информационной составляющих текста, Е.И. Бойчук подчеркивает, что ритм проявляется в построении сюжетной канвы текста, в его архитектонике и, в особенности, в системе средств выразительности языка, при помощи которых создаются образы художественного произведения [Бойчук 2014: 130].

Определяя ритм как симметрию двух или нескольких однородных явлений, имеющих сходную длительность и сходно расположенных во времени, Е.-Л. Мартен обнаруживает его проявление во множестве различных симметрий [Martin 1924: 170] и утверждает, что наиболее известной является симметрия ритмических ударений [там же: 176–177].

В лексическом ритме С.В. Болтаева выделяет две формы его проявления: к средствам эксплицитной актуализации ритма она относит анафору, полный лексический повтор, а к имплицитным формам – проявление ритма путем повторной репрезентации уже названного понятия с помощью синонимов его первичной номинации, названия его характерных свойств и признаков, использования словообразовательных дериватов, а также лексики, семантически близкой данному понятию на уровне ассоциаций [Болтаева 2003: 14]. В своей работе, касаясь латентных ритмических схем актуализации семантики речевой единицы, содействующих непрерывному нагнетанию и внушению определенной идеи, она подчеркивает, что особой сложностью ритмического рисунка отличается заключительный фрагмент, суммирующий смыслы текста в оригинальном ритме их фонетических маркеров [Болтаева 2003: 20].

Изложенные факты не позволяют сомневаться в том, что ритм как уникальный феномен речи проявляется практически на всех языковых уровнях. К ним с равной объективностью можно отнести: звуковой, интонационный, лексико-семантический, синтаксический [Языкознание 1998: 416; Гумовская 2000: 105], фонетический, лексический, грамматический и структурно-композиционный [Бойчук 2014: 130], интонационно-синтаксический, семантический, композиционный, сюжетно-образный [Богатова 2009: 19], сюжетный, образной системы, пространства и времени, тематический [Арустамова 1998: 6] и т.п.

Вполне очевидно, что в многообразии терминологических определений указанных уровней однозначно отражаются авторские подходы или аспекты их рассмотрения. Это весьма удобно для метафорического описания особенностей проявления речевого ритма. Вместе с тем, экспериментальная лингвистическая практика требует более жесткой ортодоксации уровней рассмотрения актуализации ритма, в качестве которых весьма целесообразно ограничиться их классической иерархией: фонетический, морфологический, лексико-семантический,

синтаксический [Кочерган 1999: 69]. Поэтому в дальнейшем изложении мы и будем придерживаться классической иерархии уровней актуализации ритма и традиционного терминологического аппарата их обозначения.

Обратимся еще к одному весьма важному обстоятельству. Оно заключается в том, что естественная вариативность целей и задач лингвистических исследований ритма, связанная с определенными подходами, точками зрения и аспектами его изучения, порождает значительное количество его определений, традиционно функционирующих во многих [ЛЭС 1990: 416; Boudreault 1968: 28; Carr 2008: 150; Roach 2009: 107; Trask 1996: 311 и др.] или оригинальных, предлагаемых в отдельных [Гумовская 2000: 26; Martin 1924: 170; Жирмунский 1975: 439; Crystal 1969: 161–165 и пр.] работах.

Однако в данном случае для унификации понятий представляется целесообразным ориентироваться на наиболее общее представление о *ритме*, под которым мы понимаем *разворачивающуюся во времени энергетическую основу или потенциал коммуникации, обеспечивающий концентрацию суггестивного воздействия высказывания / текста на эмоциональное и рациональное начала психики реципиента путем чередования его различных по природе порождения проявлений, рассматриваемых в лингвистике как результат комплексного взаимодействия средств всей уровней языка.*

Исходя из такой формулировки, мы и получаем возможность сформировать условно-графическую модель механизма интеграции суггестивного потенциала ритма звучащего текста (рис. 1).

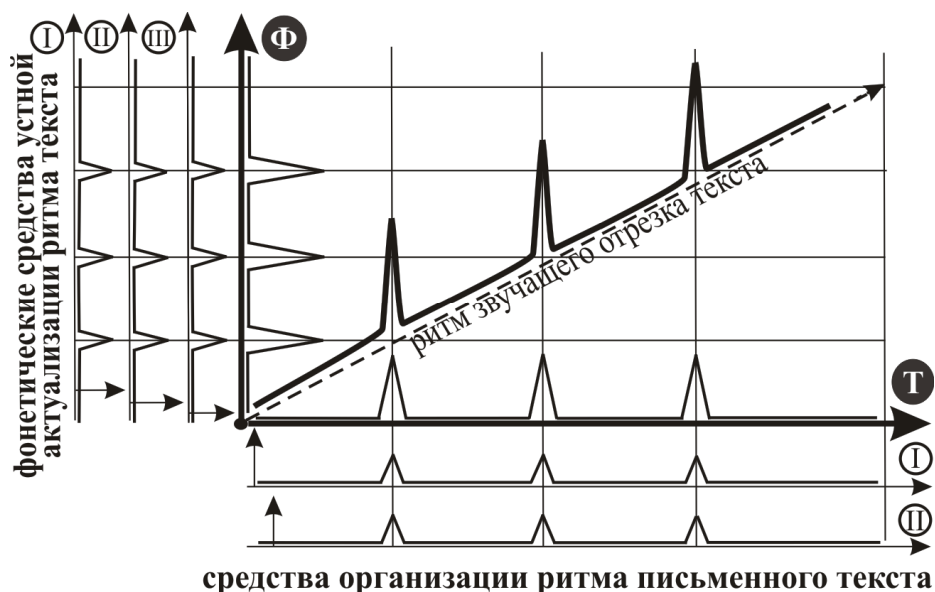

Рис. 1. Модель механизма интеграции суггестивного потенциала ритма звучащего текста

Условные обозначения: Т – синтаксический уровень текста;
 I – лексико-грамматические средства; II – стилистические средства;
 Ф – фонетический уровень текста; I – средства сегментного уровня;
 II – слогово-акцентные средства; III – супraseгментные средства

Для рассмотрения логики ее построения обратим, прежде всего, внимание на идеи К.С. Станиславского, четко разделявшего ритм и темпоритм речемышления и мыследействия на внутренние и внешние. По его мнению, чтобы привести музыку, пение, слово и действие к единству, необходим не внешний, физический темпоритм, а внутренний, духовный. Его необходимо чувствовать в звуке, в слове, в действии, в жесте и походке, во всем произведении [Станиславский 1954: 233]. Поэтому, говоря о ритме, он подозревал именно этот внутренний ритм [там же: 281] и пытался объяснить его внутреннюю невидимую характеристику [там же: 289]. Понимая сведение действия, музыки, пения, речи и самих эмоций актера в один внешний ритм, являющийся основной силой спектакля, он предпочитал говорить главным образом о внутреннем ритме переживания [там же: 281].

В любом случае мы можем считать, что речь шла о естественном взаимодействии внутрибиологического ритма актера с психолого-суггестивным ритмом озвучиваемого им текста, который в результате его конечного оформления средствами супрасегментного уровня трансформировался во внешний ритм материализации звучащих отрезков текста. Таким образом, интерпретируя указанную идею в терминах лингвистики, мы получаем две обобщающие координаты формирования внутреннего ритма говорящего: Т – синтаксический уровень текста и Ф – фонетический уровень ритма текста, являющиеся, по сути, аккумуляторами соподчиненных им уровней языковых средств. Для синтаксического уровня текста таковыми являются, как известно, лексико-грамматические и стилистические средства. Что же касается фонетического уровня ритма текста, то он аккумулирует в себе сегментные, слогово-акцентные и супрасегментные средства.

В процессе активного взаимодействия языковых средств на синтаксическом (Т) и фонетическом (Ф) уровнях речемышления возникают ритмические структуры, являющиеся следствием резонанса/диссонанса психофизиологической энергии порождения этих средств, результат которого К.С. Станиславский вполне мог ощущать как внутренний ритм текста. Тогда с большой степенью вероятности мы можем полагать, что происходящая в силу действия того же механизма резонанса интеграция внутренних ритмов в единый ритм речевой материализации текста воспринималась им, а, следовательно, и должна была восприниматься слушателем в качестве внешнего ритма.

Логическим развитием концептуальных представлений, заложенных в основу формирования модели, приведенной на рис. 1, представляется моделирование качественной картины интеграции суггестивного потенциала ритма звучащего текста как следствия взаимодействия синтаксических и фонетических средств его актуализации. Результаты такого моделирования интерпретированы нами на рис. 2.

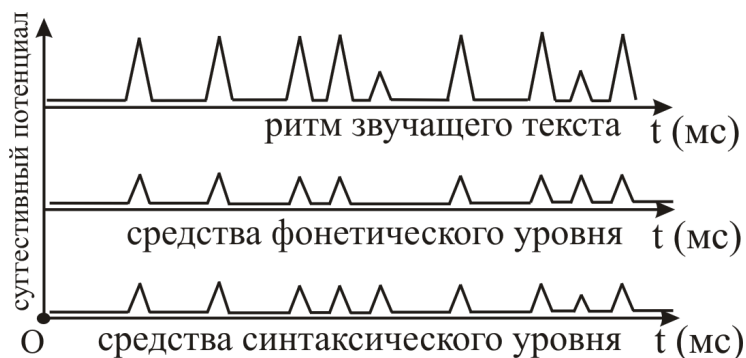

Рис. 2. Графическая интерпретация процесса формирования суггестивного потенциала ритма звучащего текста

Напомним в этой связи, что ритмом как динамическим фактором текстообразования обуславливается в основе своей интенсивность суггестивного потенциала текста. При этом конкретный уровень суггестии текста определяется, в первую очередь, его ритмической организацией (см. работы [Герман, Пещальникова 1999; Рожнов, Рожнов 1987] и др.), отражающей результат речемышления адресанта, способной транслировать энергию суггестии речи в психическую сферу адресата в виде саморазвития открытой саморазвивающейся системы.

Вариативность уровня интенсивности суггестивного потенциала ритма текста возникает, как это указано выше, в результате резонанса/диссонанса психофизиологических энергий внутренних ритмов актуализации говорящим средств разных уровней языка. Возникновение резонансов, достигаемых путем дублирования компонентов сообщения, способствуя появлению дополнительной семантики, осуществляет манипуляцию вниманием реципиента [Языкознание 1998: 414–415; Киклевич 1998].

Диссонанс же основывается на эффекте перебивания ритма, приводящего к разрушению трансовых состояний, создаваемых повторяющимися стимулами [Котлячков 2001: 18] и создающего своего рода аритмичный текст, способный вызывать у реципиента противоречивые ощущения [Бойчук 2014: 131; Арустамова 1998: 17]. Образно говоря (см. рис. 2), динамика внешнего ритма возникает в моменты его перехода от порядка к неупорядоченности и обратно [Семенцов 1972: 15].

Исходя из этого, на верхней оси рис. 2 нами и отражена качественная картина разворачивания во времени внешнего, включающего определенное чередование результатов резонанса и диссонанса, динамического ритма звучащего текста. При этом относительные высоты пиков аккумулялированных во внешнем ритме энергий внутренних ритмов синтаксического и фонетического уровней текста интерпретируют величины суггестивных потенциалов, воздействующих на слушателя на отдельных участках актуализации ритма звучащего текста.

Однако с какой бы точки зрения не рассматривался ритм как объект познания, неизбежно возникнет научная проблема сравнения ритма двух и более коммуникантов, традиционно решаемая в лингвистике методами нормирования его основных параметров. Как бы предчувствуя это, К.С. Станиславский [Станиславский 1954: 289] обращал особое внимание на темпоритм как уникальное явление, характеризующее динамику протекания процесса материализации индивидом текста

в звучащей речи. Конечно, не случайно и то, что он по аналогии с темпом различал внутренний и внешний темпоритм речемыслительной деятельности человека. Сущность такого разделения [Темпоритм] заключалась в том, что под внутренним темпоритмом подразумевалось состояние психики, характеризуемое скоростью мышления и эмоциональностью. Внутренний темпоритм материализовался в манере речи, энергичности жестикулирования и скорости перемещения говорящего в пространстве.

Благодаря этому, в описаниях темпоритма сложилась традиция относить внутренний темпоритм непосредственно к процессам мышления индивида, а внешний – к словесному действию [Основы]. К.С. Станиславский также подчеркивал, что правильное физическое поведение актера в роли зависит от верного темпоритма его внутренней жизни, поскольку внутренний темпоритм влияет на темпоритм внешнего поведения. При этом внешний темпоритм определяет, в свою очередь, внутреннее самочувствие актера, вызывая у него верные эмоции.

Интересным, на наш взгляд, в таком рассмотрении предстает неисследованная до сих пор лингвистами, психологами и педагогами проблема автосуггестивной функции ритма, важная сама по себе для обучения выразительной речи.

К этому вопросу примыкает и другая, не менее интересная проблема, побуждающая нас к обсуждению когнитивных моделей процессов порождения и декодирования темпоритма текста в речевой коммуникации. Воспользуемся для этого идеей, в соответствии с которой в психических сферах адресанта и адресата речевого сообщения происходят определенные трансформации: в первом случае внутреннего темпоритма во внешний, во втором – внешнего во внутренний. Основанная на этой идеи когнитивная модель процесса трансформации ритма в психической сфере адресанта приведена на рис. 3.

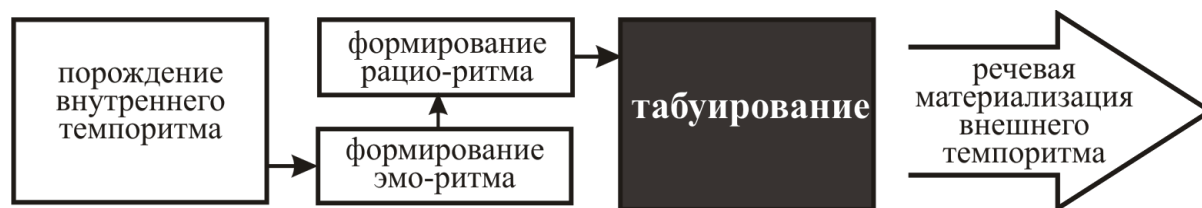

Рис. 3. Когнитивная модель этапов процесса порождения темпоритма в психической сфере адресанта

Из модели видно, что первым этапом процесса продуцирования темпоритма в психической сфере адресанта является порождение внутреннего темпоритма, однозначно обусловленное, как это показано выше, внутренним самочувствием и эмоциями коммуниканта. Следовательно, зарождающаяся таким образом и неосознаваемая индивидом исходная схема темпоритма формирует в экзистенциальной сфере [Kalyta 2015: 331–332] его духовного бытия определенную структуру эмоционального ритма (эмо-ритма). В силу диалектического взаимодействия эмоционального и рационального начал психики говорящего в сфере его подсознательного на третьем этапе происходит соответствующая коррекция структуры эмо-ритма, в результате которой формируется структура рационального ритма (рацио-ритма).

Сущность четвертого этапа, названного нами табуированием, состоит в том, что

сознание говорящего в соответствии со сформированными в процессе его культурного развития нормами ритмического оформления речи и присущими его психике запретами, оформляя окончательно логику построения структуры рацио-ритма, подбирает для этого необходимый темп его актуализации, обеспечивая тем самым его речевую материализацию уже в качестве внешнего темпоритма.

Подобным образом, но в обратном порядке (рис. 4) осуществляется процесс декодирования темпоритма адресатом.

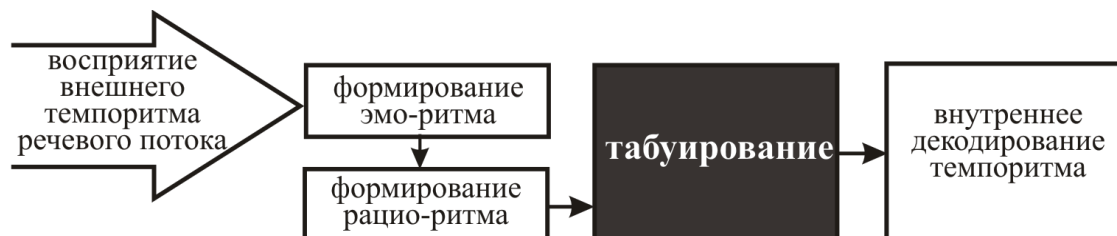

Рис. 4. Когнитивная модель этапов процесса декодирования темпоритма текста адресатом

Из рис. 4 видно, что в психике адресата, под воздействием внешнего темпоритма речевого потока, происходит возникновение эмо-ритма воспринимаемого текста. Структура внутреннего эмо-ритма формируется на основе заложенных в эмоциональной памяти реципиента прототипов эмо-ритмов-концептов [Клименюк 2010: 221]. На втором этапе процесса декодирования подобным образом появляется аналог структуры рацио-ритма. Трансформированные таким путем эмо- и рацио-ритмы, интегрируясь в темпоритм, подвергаются на третьем этапе табуированию сознанием реципиента. В результате протекания четвертого этапа декодирования текста адресатом его сознание, исключая табуированные элементы, строит из находящихся в памяти индивида концептов-прототипов структуру декодированного им внутреннего темпоритма.

Заметим здесь, что процесс табуирования в обоих случаях осуществляется специфической нейронной структурой мозга коммуникантов, функционирование которой является неотъемлемым элементом работы его сознания. Эта структура названа Н.П. Бехтеревой детектором ошибок [Бехтерева 2007: 120].

Известно также, что процессы трансформации внутреннего темпоритма во внешний, зависящие в основе своей от особенностей психики и состояния эмоциональной сферы коммуниканта [Станиславский 1954], могут в ряде случаев приводить к неожиданно резкому различию их типов. Этот эффект порождения темпоритма в речи отражен на модели рис. 5.

Рис. 5. Модель табуирования и трансформации внутреннего темпоритма во внешний

Так, например, ускоренный обидой внутренний темпоритм изложения сути конфликта адресатом в результате табуирования, апеллирующего к высокому социальному статусу собеседника, заложенным в сознании говорящего речевым нормам коммуникации и необходимости сдерживать эмоции, трансформируется его сознанием в замедленный тип внешнего темпоритма.

Вполне понятно, что остальные, указанные на модели варианты трансформаций осуществляются в реальной коммуникации в результате разрешения сознанием противоречий, возникающих между усвоенными говорящим нормами речевого поведения, условиями и содержанием коммуникации, с одной стороны, и порождаемым его психикой внутренним темпоритмом, с другой. Обратим особое внимание на использованные в модели разновидности типов темпоритма, заимствованные нами из фонетической практики [Калита 2001: 97–98]. К этому нас побуждают две причины. Первая заключается в том, что традиционные для научных работ психологов и театраловедов градации типов темпоритма (предельная пассивность, вялость, бездейственная подавленность, опустошенность, почти умирание; постепенный переход к энергичному, бодрому самочувствию; готовность к любому действию, ясная цель в энергичном, плодотворном действии; темпоритм настороженного внимания, когда человек должен моментально принимать точное решение; ритм решений, резкий, четкий ритм жизнеутверждения; преодоление серьезных препятствий в энергичном действии, первое появление опасности, тревога или бурная радость; лихорадочный пульс жизни; миг перед падением в пропасть, перед расстрелом, начало безумия, потеря способности осознавать и регулировать свои действия [Градация]) практически непригодны для использования в фонетических исследованиях, поскольку как элементы морфологической классификации указанные типы не имеют общего признака, вместо которого в ней в качестве критериев фигурируют состояния индивида, его готовность/неготовность к действию, его ощущения и пр.

Суть второй причины (и это особенно важно) состоит в том, что использованная нами в модели (рис. 5) унифицированная градация внутреннего и внешнего темпоритмов по зонам их актуализации позволяет не только оценивать количественно

результаты трансформации внутреннего темпоритма во внешний, но и сравнивать динамику происходящих изменений на основе нормирования показателей этих зон. При таком подходе не составит особой трудности осуществление экспериментального определения закономерностей динамики изменения указанных темпоритмов путем вычисления коэффициентов их ускорения и замедления.

Дальнейшее развитие методологии количественных оценок проявлений суггестивного потенциала темпоритма или ритма звучащего текста на основе идеи, заложенной в модели рис. 2, позволит перейти к практическому построению ритмокарт и соответствующих им темпоритмокарт любого речевого отрезка. Отметим здесь, что принципиальным моментом, позволяющим строить темпоритмокарты звучащего текста, нам представляется возможность осуществления синархического моделирования подобных и различных по структуре актуализации темпоритма отрезков текста, результаты которого несложно оценивать соответствующими коэффициентами компрессии темпоритма.

Рассмотренные таким образом сложные методологические проблемы изучения ритмической системы текста позволили нам сформулировать более полное содержание понятия «темпоритм» как уникального речевого феномена.

Согласно этому, *темпоритм текста, являясь доминирующим средством речевой суггестии, образуется путем интеграции микро-ритмов всех уровней внутренней речи индивида во внутренний макроритм, который, будучи скорректированный эмоциональным мышлением, протекающим в экзистенциальной сфере (в бессознательном), структурируется уже в форме внутреннего темпоритма и далее под влиянием диалектического взаимодействия рационального (учитывающего конкретные условия коммуникации) и эмоционального начал личности говорящего преобразуется в ментальной и трансцендентной сферах (в предсознательном) в соответствующие рацио- и эмо-ритмы, трансформируемые на основе учета сознанием реальных условий и норм коммуникации во внешний темпоритм высказывания, материализуемый в речи как результат процесса речемыслительной деятельности говорящего.*

Отсюда с естественной необходимостью вытекает вопрос об иерархии элементов терминологической системы, включающей понятия микро-ритма, макро-ритма, внешнего и внутреннего темпоритмов. Рассматривая этот вопрос, отметим, прежде всего, что понятия микро- и макро-ритмов авторы ряда лингвистических работ относят к различным уровням структуры текста, а также используемых в нем языковых средств. Так, в своей работе М.М. Гиршман выделяет речевой «микроритм» и композиционный «макроритм» [Гиршман 1982: 78], подчеркивая при этом, что ритм проступает на всех уровнях литературных отрезков действия или образно насыщенных отрывков текста, и в повторах и контрастах тех или иных тем, мотивов, образов и ситуаций, и в закономерностях сюжетного движения, и в соотношениях различных композиционно-речевых единиц, и в развертывании системы образов-характеров и т.п. [Гиршман 1982: 76]. В свою очередь, Е.С. Сергеева рассматривает интеграционную роль микро- и макро-ритма в обеспечении формообразующей функции ритма [Сергеева 2007]. Ряд авторов (см., напр., [Болтаева 2003: 14]) считает, что композиционный уровень строения текста – макро-ритм, а исследуемый фонетистами микро-ритм – создающим мелодию авторского повествования. В иных работах [Арустамова 1998: 17] микро-ритм однозначно относят к психологической

сфере автора текста или говорящего, считая, что макро-ритм непосредственно материализуется в коммуникации. Существуют также подходы [Программирование музыкой], в рамках которых микро-ритм приписывается чередованию отдельных звуков, а макро-ритм – высказыванию или текстовому фрагменту.

В силу известного методологического принципа относительности любых понятийных классификаций мы признаем за авторами объективное право тех или иных отнесений микро- и макро-ритмов к целым сюжетам, структурам, элементам организации всех уровней текста вплоть до отдельных звуков. Более того, используя указанный принцип в концептуальной системе нашего рассмотрения, считаем рациональным называть микро-ритмами чередование любых, различных по природе происхождения и средствам актуализации речевых проявлений, возникающих как при формировании внутреннего, так и внешнего ритмов, непосредственно интегрирующихся во внутренний и внешний темпоритмы.

По такой логике на рис. 1 (см. ось абсцисс) мы имеем макро-ритм синтаксического уровня текста, интегрирующий в себя микро-ритмы актуализации лексико-грамматических и стилистических средств языка. В свою очередь, макро-ритм фонетического уровня высказывания, изображенного на оси ординат, формируется на основе интеграции сегментного, акцентно-слогового и супrasegmentного микро-ритмов. Согласно тому же принципу относительности, в системе более высокого ранга, обозначенной координатами рис. 1, ритм звучащего отрезка текста получит статус макро-ритма, а порождающие его ритмы синтаксического и фонетического уровней текста будут именоваться микро-ритмами. Изложенная здесь логика и использована нами в расширенной дефиниции темпоритма речевой коммуникации.

3. Выводы

Проведенный выше анализ специфических особенностей функционирования ритмической системы текста как психофизиологической энергетической субстанции лишней раз свидетельствует, что порожденный ею темпоритм аккумулирует в себе и отражает в коммуникации непосредственную связь и характер взаимодействия духовного и материального начал личности индивида.

Нам представляется вполне вероятным, что в перспективе исследователи суггестивной природы ритмов текста и механизмов их актуализации, вооруженные соответствующим междисциплинарным знанием, придут к необходимости моделирования суггестивного пространства коммуникативного темпоритма (независимо от того, назовут ли его, косморитмом, мегаритмом, суперритмом, глоборитмом) как некой темпоритмосферы, в объеме которой происходит пульсирующее взаимодействие энергетических потенциалов вербальных, зрительных, осязательных, обонятельных, вкусовых и т.п. концептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арустамова А.А. Ритм прозы И. С. Тургенева : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 / А.А. Арустамова. – Екатеринбург : Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького, 1998. – 20 с.
2. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни / Н.П. Бехтерева. – М. : АСТ; СПб. : Сова, 2007. – 383 с.

3. Богатова Ю.А. Символ и его роль в ритмической организации художественного текста / Ю.А. Богатова // Альманах современной науки и образования. – № 2 (21). – 2009. – Ч. 2. – С. 19–20.
4. Бойчук Е.И. Ритм художественного текста как средство суггестивного воздействия / Е.И. Бойчук // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 129–133.
5. Болтаева С.В. Ритмическая организация суггестивного текста : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : 10.02.01 / С.В. Болтаева. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т имени А.М. Горького, 2003. – 25 с.
6. Гачечиладзе Г.Р. Введение в теорию художественного перевода / Г.Р. Гачечиладзе. – Тбилиси : Тбилис. гос. ун-т, 1970. – 284 с.
7. Герман И.А. Введение в лингвосинергетику : монография / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – 130 с.
8. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы : монография / М.М. Гиршман. – М. : Советский писатель, 1982. – 368 с.
9. Градации темпоритмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/gippi01/txt10.htm>.
10. Гумовская Г.Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста: На материале английского языка : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Гумовская Галина Николаевна. – М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2000. – 325 с.
11. Ефремов В.А. Ассоциативные аспекты ритма лирической прозы (на материале цикла И.А. Бунина «Темные аллеи») / В.А. Ефремов // Научный диалог. – 2012. – Вип. 8. Филология. – С. 88–105.
12. Жирмунский В.М. Теория стиха / В.М. Жирмунский. – Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1975. – 664 с.
13. Калита А.А. Фонетичні засоби актуалізації смислу англійського емоційного висловлення : монографія / А.А. Калита. – К. : Вид. центр КДЛУ, 2001. – 351 с.
14. Калита А.А. Система целей и средств суггестивного воздействия в коммуникации / А.А. Калита, Л.И. Тараненко // Вісник Київ. нац. лінгв. ун-ту. Серія філологія. – К. : Видавничий центр КНЛУ. – Т. 15, № 2. – 2012. – С. 47–56.
15. Киклевич А.К. О суггестивной функции текста / А.К. Киклевич, Б.А. Потехина // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина). – Пермь, 1998. – С. 114–127.
16. Клименюк А.В. Знание, познание, когниция : монография / А.В. Клименюк. – Тернополь : Підручники і посібники, 2010. – 304 с.
17. Клименюк О.В. Виклад та оформлення результатів наукового дослідження : авторський підручник / О.В. Клименюк. – Ніжин : ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2007. – 398 с.
18. Котлячков А. Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью... : Практическое руководство / А. Котлячков, С. Горин. – М. : «КПС+», 2001. – 352 с.
19. Кочерган М.П. Загальне мовознавство : підручник / М.П. Кочерган. – К. : Видавничий центр «Академія», 1999. – 288 с.
20. Основы сценического движения. Темпо-ритм физического действия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dramateshka.ru/index.php/bases-of-the-scenic-motion/3963-osnovnih-scenicheskogo-dvizheniya-05tempo-ritm-fizicheskogo-deyjstviya>.

21. Программирование музыкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.braincoder.ru/category/%D0%B7%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B8%D0%BA/>.
22. Рожнов В.Е. Гипноз от древности до наших дней / В.Е. Рожнов, М.А. Рожнова. – М. : Советская Россия, 1987. – 304 с.
23. Семенцов В.С. Ритмическая структура поэтического текста на примере анализа Бхагавадгиты : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук / В.С. Семенцов. – М. : Институт востоковедения Российской Академии наук, 1972. – 28 с.
24. Сергеева Е.С. Ритм прозы Н.В. Гоголя : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Е.С. Сергеева. – М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 2007. – 18 с.
25. Станиславский К.С. Собрание сочинений в восьми томах: Т. 1: Моя жизнь в искусстве / [редколлегия : М.Н. Кедров (главный редактор) и др.; подготовка текста и примечания Н.Д. Волкова и В.Р. Канатчиковой]. – М. : Государственное издательство “Искусство”, 1954.
26. Темпоритм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.psychologos.ru/articles/view/temporitm>.
27. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – 2-е изд. – М. : Науч. изд-во «Большая Рос. энциклопедия», 1998. – 685 с.
28. Boudreault M. Rythme et mélodie de la phrase parlée en France et au Québec / M. Boudreault. – Paris : Librairie C. Klincksieck, 1968. – 137 p.
29. Carr Ph. A Glossary of Phonology / Philip Carr. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2008. – 206 p.
30. Crystal D. Prosodic Systems and Intonation in English / David Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976. – 390 p.
31. Goux J.-P. De l'allure / Jean-Paul Goux // Semen. Rythme de la prose. – Vol. 16. – 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://semen.revues.org/2664>.
32. Kalyta A. Phonetic Studies from the Perspective of an Energetics Approach / A. Kalyta // Within Language, Beyond Theories (Volume I): Studies in Theoretical Linguistics / Ed. by A. Bondaruk, A. Prazmovska, 2015. – Cambridge : Cambridge Scholar Publishing. – P. 322–336.
33. Martin E.-L. Les symétries du français littéraire / Eugène-Louis Martin. – Paris : Didier, 1924. – 229 p.
34. Meschonnic H. Critique du rythme. Anthropologie historique du langage / H. Meschonnic. – 2e ed., rev. et corr. – Lagrasse : Editions Verdier, 1990. – 736 p.
35. Mourot J. Le génie d'un style. Chateaubriand. Rythme et sonorité dans «les Mémoires d'outre-tombe» / J. Mourot. – Paris : Librairie Armand Colin, 1960. – 236 p.
36. Roach P. English Phonetics and Phonology. A practical course / Peter Roach. – 4th ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 231 p.
37. Trask R.L. A Dictionary of Phonetics and Phonology / R.L. Trask. – N.Y. : Routledge, 1996. – 440 p.

REFERENCES

- Arustamova, A. A. (1998). *Ritm prozy I.S. Turgeneva. Avtořef. diss. ... kand. filol. nauk [Rhythm of I. Turgenyev's prose. Cand. philol. sci. diss. abstract]*. Yekaterinburg. (in Russian)
- Behтерева, N. P. (2007). *Magija mozga i labirinty zhizni exmepeba [Magic of the Mind and Life Labyrinths]*. Moscow: AST Publ., St-Petersburg: Sova Publ. (in Russian)
- Bogatova, Ju.A. (2009). Simvol i ego rol' v ritmicheskoj organizacii hudozhestvennogo teksta [Symbol and its role in the rhythmic structure of a literary text]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija – Almanac of present-day science and education*, 2 (21), Part 2, 19-20. (in Russian)
- Bojchuk, E. I. (2014). Ritm hudozhestvennogo teksta kak sredstvo sugestivnogo vozdejstvija [Literary text rhythm as a means of a subliminal influence]. *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik – Yaroslav pedagogical messenger*, 2 (1), 129-133. (in Russian)
- Boltaeva, S. V. (2003). *Ritmicheskaja organizacija sugestivnogo teksta. Avtořef. dis. ... kand. filol. nauk [Rhythmic structure of a subliminal text. Cand. philol. sci. diss. synopsis]*. Yekaterinburg. (in Russian)
- Boudreault, M. (1968) *Rythme et mélodie de la phrase parlée en France et au Québec*. Paris: Librairie C. Klincksieck.
- Carr, Ph. (2008) *A Glossary of Phonology*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Goux, J.-P. (2003) De l'allure Semen. *Rythme de la prose*, 16. Available from: <http://semen.revues.org/2664> (Accessed at 28.08.2015)
- Crystal, D. (1976) *Prosodic Systems and Intonation in English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Efremov, V. A. (2012). Associativnye aspekty ritma liricheskoj prozy (na materiale cikla I. A. Bunina «Temnye allei») [Associative aspects of the literary prose rhythm (on the material of I. Bunin's "Dark alleys")]. *Nauchnyj dialog – Scientific dialogue*, 8, 88-105. (in Russian)
- Gachechiladze, G. R. (1970). *Vvedenie v teoriju hudozhestvennogo perevoda [Introduction to the theory of literary translation]*. Tbilisi: Tbilisi National University Publ. (in Russian)
- German, I. A., & Pishhal'nikova, V. A. (1999). *Vvedenie v lingvosinergetiku [Introduction to Lingual synergetics]*. Barnaul: Altay State University Publ. (in Russian)
- Girshman, M. M. (1982). *Ritm hudozhestvennoj prozy [Rhythm of literary prose]*. Moscow: Soviet writer Publ. (in Russian)
- Gradacii temporitmov [Tempo-rhythm Gradations]. Available from: <http://psylib.org.ua/books/gippi01/txt10.htm>. (in Russian)
- Gumovskaja, G. N. (2000). *Ritm kak faktor vyrazitel'nosti hudozhestvennogo teksta. Diss. dokt. filol. nauk [Rhythm as a factor of the literary text expressiveness. Dr. philol. sci. diss.]*. Moscow (in Russian)
- Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedičeskij slovar'* (1998). [gl. red. V. N. Jarceva] [Language. Encyclopedia. (Ed.) V.N. Yartseva]. Moscow: Russian Encyclopedia Publ.
- Kalyta, A. A. (2001). *Fonetychni zasoby aktualizacii' smyslu anglijs'kogo emocijnogo vyslovlennja [Phonetic means actualizing the sense in English emotional utterances]*. Kyiv: Kyiv State Linguistic University Publ. (in Ukrainian)
- Kalita, A.A., & Taranenko, L.I. (2012). Sistema celej i sredstv sugestivnogo vozdejstvija

v komunikacii [The system of aims and means of a subliminal influence in communication]. *Visnyk Kyi'vs'kogo nacional'nogo lingvistychnogo universytetu. Serija filologija – Kyiv National Linguistic University Messenger, Vol. 15, 2.* 47-56. (in Russian)

- Kalyta, A. (2015) *Phonetic Studies from the Perspective of an Energetics Approach*. In: A. Bondaruk & A. Prazmovska (Eds.). *Within Language, Beyond Theories* (Volume I): *Studies in Theoretical Linguistics* (pp. 322-336). Cambridge: Cambridge Scholar Publishing.
- Kiklevich, A. K., & Potehina, B. A. O suggestivnoj funkcii teksta [On the subliminal text function]. *Faticheskoe pole jazyka (pamjati professora L.N. Murzina) – Language phatic field (in memory of prof. L.N. Mursin)* (pp. 114-127). Perm. (in Russian)
- Klimenjuk, A. V. (2007). *Vyklad ta oformlennja rezul'tativ naukovogo doslidzhennja [Presentation and organization of the results of a scientific research]*. Nizhin: TOV “Aspect-Polygraph” Publ. (in Ukrainian)
- Klimenjuk, A. V. (2010). *Znanie, poznanie, kognicija [Knowledge, learning, cognition]*. Ternopil': Pidruchnyky i posibnyky Publ. (in Russian)
- Kochergan, M. P. (1999). *Zagal'ne movoznavstvo [General linguistics]*. Kyiv: Academy Publ. (in Ukrainian)
- Kotljachkov, A., & Gorin, S. (2001). *Oruzhye – slovo. Oborona y napadenye s pomoshh'ju... : Praktycheskoe rukovodstvo [Word as the weapon. Defense and attack with the help of...: Practical guidelines]*. Moscow: “KPS+” Publ. (in Russian)
- Martin, E.-L. (1924) *Les symétries du français littéraire*. Paris: Didier.
- Meschonnic, H. (1990) *Critique du rythme. Anthropologie historique du langage*. Lagrasse: Editions Verdier.
- Mourot, J. (1960) *Le génie d'un style. Chateaubriand. Rythme et sonorité dans «les Mémoires d'outre-tombe»*. Paris: Librairie Armand Colin.
- Osnovy scenicheskogo dvizhenija. Tempo-ritm fizicheskogo dejstvija [Basics of the scene movements. Tempo-rhythm of a physical action]*. Available from: <http://dramateshka.ru/index.php/bases-of-the-scenic-motion/3963-osnovih-scenicheskogo-dvizheniya-05tempo-ritm-fizicheskogo-dejstvija>
- Programmirovanie muzykoj [Programming by music]*. Available from: <http://www.braincoder.ru/category/%D0%B7%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B8%D0%BA/>.
- Roach, P. (2009) *English Phonetics and Phonology. A practical course*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rozhnov, V. E., & Rozhnova, M. A. (1987). *Gipnoz ot drevnosti do nashih dnei [Hypnosis from ancient times to present days]*. Moscow: Soviet Russia. (in Russian)
- Semencov, V. S. (1972). *Ritmicheskaja struktura poeticheskogo teksta na primere analiza Bhagavadgity. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Rhythmical structure of a poetic text based on the analysis of Bhagavad-Gita. Cand. philol. sci. diss. synopsis]*. Moscow. (in Russian)
- Sergeeva, E. S. (2007). *Ritm prozy N.V. Gogolja. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The rhythm of N. Gogol's prose. Cand. philol. sci. diss. synopsis]*. Moscow. (in Russian)
- Stanislavskij, K.S. (1954). *Sobranie sochinenij v vos'mi tomah: T. 1: Moja zhizn' v iskusstve [Collection of works in eight volumes. Vol. 1: My life in art]*. Moscow: Iskusstvo Publ.

Temporitm [Tempo-rhythm]. Available from: <http://www.psychologos.ru/articles/view/temporitm>.

Trask, R. L. (1996) *A Dictionary of Phonetics and Phonology*. New York: Routledge.

Zhirmunskij, V. M. (1975). *Teorija stiha [Verse theory]*. Leningrad: Soviet writer Publ. (in Russian)

Калита Алла Андреевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, практики и перевода французского языка факультета лингвистики Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт» (пр. Победы, 37, г. Киев); e-mail: kalitanewadd@gmail.com.

УДК 811.112

**COGNITIVE-CONCEPTUAL PROPERTIES
 OF DIALOGUE IN THEIR FORMAL-CONVERSATIONAL
 AND PRAGMATIC MANIFESTATIONS**
N.K. Kravchenko (Kiev, Ukraine)

N.K. Kravchenko. Cognitive-conceptual properties of dialogue in their formal-conversational and pragmatic manifestations. The article views the dialogue as a compound conceptual space based on the interactants' cognitive contexts as key sources of Dialogue's comprehensive intertextuality. Typology of concepts constructing dialogic conceptual space include categorical identity concepts, operative identity concepts, interactive concepts, concepts-ideas, a genre concept, and social-semiotic concepts. Concepts are manifested or marked by formal-conversational and pragmatic means. There seem to be some regular correspondences between concepts' types and their indexing formal and pragmatic properties of the dialogue.

Keywords: concepts, conceptual space, cognitive contexts, dialogue, intertextuality, formal-conversational, pragmatic.

Н.К. Кравченко. Когнітивно-концептуальні особливості діалогу в формально-конверсаційних і прагматичних виявах. В статті діалог усвідомлюється як багаточасовий концептуальний простір, пов'язаний з когнітивними контекстами інтерактантів як основними джерелами всеосяжної інтертекстуальності діалогу. Типологія концептів, що конструюють концептуальний простір діалогу, включає концепти категорійної ідентичності, концепти оперативної ідентичності, інтерактивні концепти, концепти-ідеї, жанровий концепт, соціосеміотичні концепти. Концепти виражаються або маркуються формально-конверсаційними і прагматичними засобами. Існують певні регулярні відповідності між концептуальними типами і формальними й прагматичними характеристиками діалогу, що індексують такі типи.

Ключові слова: діалог, інтертекстуальність, когнітивні контексти, концепти, концептуальний простір, прагматичний, формально-конверсаційний.

Н.К. Кравченко. Когнитивно-концептуальные особенности диалога в формально-конверсационных и прагматических проявлениях. В статье диалог понимается как многоуровневое концептуальное пространство, связанное с когнитивными контекстами интерактантов как основными источниками всеобъемлющей интертекстуальности диалога. Типология концептов, конструирующих концептуальное пространство диалога, включает: концепты категориальной идентичности, концепты оперативной идентичности, интерактивные концепты, концепты-идеи, жанровый концепт, социосемiotические концепты. Концепты выражаются или маркируются формально-конверсационными и прагматическими средствами. Представляется возможным говорить о некоторых регулярных соответствиях между концептуальными типами и формальными и прагматическими характеристиками диалога, индексирующими такие типы.

Ключевые слова: диалог, интертекстуальность, когнитивные контексты, концепты, концептуальное пространство, прагматический, формально-конверсационный.

1. Introduction

The choice of the research subject of the article bases on the idea of discourse as a multidimensional phenomenon incorporating interrelated communicative-situational,

formal-structural, textual, interactive, cognitive-conceptual, social-semiotic and intertextual levels [Van Dijk 2008; Kravchenko 2012, 2015] of its manifestation. Levels form hierarchical relationship, confirming the structural quality of discourse. Cognitive and conceptual properties determine the discourse “pragmatics”: speaker’ cognitive contexts shape his / her intention to convey some concepts while the addressee’s cognitive background determines his / her wish and possibilities to infer what the speaker intends to communicate. Pragmatics in its turn, directs the textual reference, i.e. a relatedness of the texts’ “reality” to the real situations, events, objects or “possible worlds”. Finally, the real or simulated referent is encoded by verbal, local formal-conversational and pragmatic means.

Applying “top to bottom” analysis the article will focus on the cognitive-conceptual properties of the dialogue and their implementation by certain formal and pragmatic parameters while paying particular attention to the question of correspondence between above parameters and identified concepts’ types.

2. Conceptual structure of the dialogue

We view any dialogue as a compound conceptual space associated with the participants’ cognitive contexts as the main sources of its intertextuality. The groups of conversational concepts include categorical identity concepts, operative identity concepts, interactive concepts, concepts-ideas, a genre concept, and social-semiotic concepts [Kravchenko 2015a: 135–141].

In order to reveal conversational concepts and their multilevel markers we have analyzed a dialogic extract from the novel “Herzog” by Saul Bellow.

A1: *Perhaps, you feel a natural superiority because of your education.*

B1: *Education! But I don’t know anything...*

A2: *Your accomplishments. You’re in Who’s Who. I’m only a merchant – a petit-bourgeois type.*

B2: *You don’t really believe this, Ramona.*

A3: *Then why do you keep aloof, and make me chase you? I realize you want to play the field. After great disappointment, I’ve done it myself, for ego-reinforcement.*

B3: *A high-minded intellectual ninny, square...*

A4: *Who?*

B4: *Myself, I mean* [Bellow 1970: 187].

2.1. Categorical and operative identity concepts

Based on the theories of identities [Antaki 1998; Benwell, Stokoe 2006; Brockmeier, Carbaugh 2001; Hausendorf 2002: 173–179], positioning [Davies, Harré 1990: 43-63; Linehan, McCarthy 2000: 435-453; McLean, Pasupathi, Pals 2007: 262–278; Swan, Linehan 2001: 403–427; Wetherell 1998: 387–412] and communicative roles [Sacks 1992; Schegloff, 1996: 3-38; Zurcher 1983] we view the dialogue participants’ identities as the parametrized cognitive structures composed of relatively invariant (individual and collective) and variable (interactionally bound) components. The former (“*categorical identity concepts*”) pertain to identity self-identification and self-representation determining relatively regular patterns of its communicative behavior and therefore its categorization by others. The latter (*operative identity concepts*) are relevant for the positional roles performance and local interaction needs. However, such performance is also based on the relatively invariant cognitive structures including

(a) The aforementioned categorical concepts generalizing immanent personality characteristics;

(b) the universal, ethno-specific or institutional intertextual macro scenarios (“Sacrifice”, “Macho”, “Cinderella”, “Official”, “Superior”, “Subordinate”, “Nanny”);

(c) patterns of previous dialogic practices to meet the socio-communicative expectations of others (distribution into identity categories [Sacks 1992] with conventional communicative actions, common role pairs and agreed communicative scenarios, i.e. of “lovers”, “friends”, “relatives”, “colleagues”, etc.).

The communicative behavior of *A* actuates the concepts of "control", "planning", "determination", "rationality," "dominancy" revealing the psychological dominant of this participant. The concepts are manifested by (a) conversational relevancy of all *A*'s moves, (b) logical conjunction *then*, (c) a face-saver in Move *A1* introducing a pre-sequence to establish the appropriateness of the dispreferred act of Reproach (in Move *A3*) while clarifying the *B*'s motives as well as (d) side sequences introduced by Moves *A3*, *A4* to highlight the unclear item.

At the pragmatic level *A*'s psychological dominant determines a set of manipulative strategies implemented by corresponding pragmatic means:

(a) Combination of positive and negative politeness strategies with face threatening acts. Positive politeness means include flattery (moves *A1*, *A2*: *Your accomplishments. You're in Who's Who*), expressions of sympathy (move *A3*), the creation of «common ground» based on similar negative experience with the communication partner (*After great disappointment, I've done it myself, for ego-reinforcement*). At the same time, *A* uses the face threatening acts, i.e. direct question in Move *A3* with negative assessment of the *B*'s behavior and move *A4* as well as negative politeness means: non-preferential marker of "uncertainty» (*perhaps, only*), pre-sequence (move *A1*), mitigation of a face threatening act by the second part of Move *A3*. Move *A1* evades a face threatening act applying an indirect strategy “off record” (an intended unclarity) allowing *B* to infer the necessary information. The same off-record strategy is realized by means of sarcasm in Move *A3*.

(b) Flouting the Maxims of Quality and Quantity of Information (Moves *A1* and *A2*). The speaker *A* does not believe that *B* feels own superiority, but insists on *B*'s exclusiveness by co-referent means (*your education, your accomplishments. You're in Who's Who*) in order to make *B* refute such a trivial motive of his behavior and reveal a true one. Furthermore, the speaker *A* does not think of herself as *only a merchant, a petit-bourgeois type*. In particular, the markers of the Quality Maxim flouting include lexical-semantic means, i.e. scientific and bookish words (*ego-reinforcement, natural superiority, a petit-bourgeois type*) used by *A* to prove own erudition and originality. Move *A1* flouts the Maxim of Manner being quite obscure as well as the Maxim of Quantity since *A* has not disclosed an essential part of information about *B*'s feeling “*superiority*” towards her. The implicature expected from *B* is: “I don't understand your behavior. Help me understand it”.

(c) Applying the strategy of positive self-representation implemented by pragmatic moves of (1) Apparent Concession with own subordinate status (Moves *A1*, *A2*, second part of *A3*); (2) Vagueness including hedging, mitigation, and other impression management means to block a negative impression from the *face threatening acts*, contained in Move *A3*; (3) Apparent Empathy; (4) Evidentiality as a

form of intertextuality to prove the *A*'s statement / belief through references to her personal experience (second part of Move **A3**) as well as (5) Expert opinion (*You're in Who's Who*) and (6) Contrast (*You're in Who's Who. I'm only a merchant*).

(d) Pseudo self-distribution in a “wrong” role category (*a petit-bourgeois type*) as a part of the poly-functional conversational communicative strategy applied by *A* to make *B* (1) refute a pseudo role suggested by *A*, recognizing communicants' equal status; (2) explain his "discriminatory" behavior towards *A*; (3) behave with her as with an equal subject.

Along with rationality *A*'s moves mark her professional status (business affiliation) and female type of communication (manipulative strategy and instructive discourse), with some masculine characteristics, i.e. communicative initiative, direct “face threatening” questions, overlapping (Moves **A2**, **A4**).

The categorical concept of “rational” integrates the operative variables: “shrewd” (Move **A1**, partly – Move **A3**: “*I realize...*”), “intelligent” (Moves **A1-A3**) and “practical” (second part of Move **A3**). Sometimes *A*'s rationality disguises under roles of tolerant and loving woman-friend for achieving rational goals. The “masking” devices are pragmatic moves of Apparent Concession and Apparent Empathy as well as non-competitive overlap interrupting (by move **A2**) to encourage and support “disappointed” partner.

B's moves manifest the concepts of “unpredictability”, “complexity”, “paradox”, “uncertainty”, “ambiguity”, indicating *B* as irrational personality type. Move **B1** constitutes dispreferred second part of the sequence since it evades an explanation forcing the interlocutor to initiate a side sequence to clarify *B*'s actual motives. Besides, it incorporates non-preferred pause. Moves **B2** and **B3** seem to be irrelevant (in *A*'s view): despite its negation nature, Move **B2** has not met *A*'s expectations since *B* avoids a direct negation expected from him (you are not *a petit-bourgeois type*) as well as his behavior's explanation (as an implicit ground of a side sequence). Move **B3** is irrelevant and topically incoherent since it is unclear (marked by indefinite article, inversion), reduced (elliptical clause with missing subject and auxiliary verb in the compound predicate) and seems to be contextualized with *B*'s inner speech. As a result, *A* requires an explanation of the unclear item introducing a closing side-sequence by Move **A4**.

At the pragmatic level *B* reveals his irrational identity by flouting the Maxims of Manner and Quantity in Moves **B1**, **B2** (*B* is obscure and insufficiently informative). Move **B2** implies at least two implicatures since it is unclear what exactly *A* “does not believe” – that she is *only a merchant – a petit-bourgeois type* or that *B* has *accomplishments*. Consequently, *A* may infer two conversational implicatures, i.e. (a) that *B* suspects her of insincerity and (b) that *B* shies away from a frank conversation again. Move **B3** (*A high-minded intellectual ninny, square...*) violates both Quantity and Manner Maxims. *B* is neither informative nor clear resulting in his misapprehension by the communicative partner. An implicature inferred by *A* is: perhaps he is talking about me, not about himself (this assumption is checked then by a direct question *Who?*). *B* regularly applies the negative politeness strategies. He is conventionally indirect (Moves **B2**, **B3**), pessimistic (Moves **B1**, **B3**), impersonalizing (Move **B3**: indefinite article, word order), minimizing the imposition (move **B3**), not noticing *A*'s wants and needs, not seeking agreement or asserting common ground (all *B*'s Moves).

B's categorical concept of “irrationality” is manifested by operative identity concepts and their corresponding roles of “unexpected” and “evasive” (Moves **B1-B3**).

In their turn, all identified operative concepts seem to be “supported” by macro-cultural narratives disclosing the intertextual nature of participants’ moves and role positioning, e.g. sacrifice – selfishness, devotion of women – volatility of men, etc. *The line of A from the A’s point of view* is the story of a woman, able to understand and forgive (A’s positional roles of “tolerant” and “loving woman-friend”). *The line of B from the A’s point of view* is the story of a person who does not know what is good for him and needs control for his own sake (A’s positional roles of “shrewd”, “intelligent” and “practical” woman). *The line of A from the B’s point of view* is the story of excessive care and control. He does not want to be accountable to his woman and evades direct answers being indirect, obscure, insufficiently informative and dispreferred in his moves (B’s positional roles of “unexpected”, “illogical” and “non-cooperative”). *The line of B from the B’s point of view* is the story of a person who wants others to leave him alone (B’s positional roles of “unexpected” and “evasive”).

The next source of the operative identity concepts is the patterns of previous dialogic practices of communicants. During the dialogue B is expected to play roles of “not indifferent”, “aware of his misconduct”, “understanding”, “worthy of my love” manifesting relative identities “husband-wife”, “penitent – forgiving”, “friend-friend” with regular rights and obligations of communicants in relation to each other. Instead, B plays roles of “inattentive”, “uncomprehending”, “unpredictable” and explicitly distributes himself in identity category of “worthless”. The absence of the “pair” roles shows that the dialogue participants are in a situation of the communicative conflict as each of them identifies himself (herself) with an identity category alien to another. To avoid a communicative conflict and achieve a “settled” role scenario A applies side sequences and manipulative pragmatics means. For the same purpose B’s moves are sometimes non-relevant, incorporates dispreferred pauses and other markers of uncertainty *I mean, don’t really believe, I don’t know*

2.2. Interactive concepts

Interactive concepts are based on the interlocutors’ knowledge of personal information about each other, their belonging to the common group, the level of familiarity and social distance as well as other information assessed according to the archetypic dichotomy of “own-alien” as the universal principle of the relations’ conceptualization.

Separating concept of “otherness” is manifested lexically, by A’s moves pointing to B’s feeling “natural superiority” and his separating actions: *Then why do you keep aloof, and make me chase you?*; pragmatically (by B’s applying negative politeness strategies increasing the “distance” between communicants), as well as by formal-conversational means (B’s irrelevant and non-preferred Moves).

Uniting concept of similarity (*we have something in common*) as a cognitive base of the cooperative strategy is manifested by (a) pragmatic moves of A’s Apparent Empathy and Apparent Consession; (b) non-competitive overlap aimed to support the partner and (c) scientific terms intended to be in-group markers creating the participants’ common ground.

2.3. Social-semiotic concepts

Social-semiotic concepts are based on the frames of the dominant ideological, social and institutional contexts [Halliday 1978; Dijk 1997; 2003; 2008] as well as on consumer “common sense” ideology marked by stereotypical means of assessment, conceptual

metaphors, topoi, etc. metonymically associated with certain agents, institutions, situations, events and communicative scenarios restricting discourse creation and interpretation to socially / institutionally sanctioned patterns.

Thus, the symbolic values of "education", "achievement," "superiority" index *A*'s philistine discourse based on topoi of "well-being", "prosperity", "elite", "prestige", "fundamental values", while the discourse of *B* is based on topoi of "independence", "individuality", "personality", "dissimilarity", marking an individualistic discourse.

2.4. Genre concept

Genre concept or concept-scenario is a generalized representation of a discourse type (instruction, gossip, complaint, etc.), structured by information about a genre thematic component, its verbal parameters, as well as typical participants with their stereotypical scenarios, roles, relationships, goals and strategies (a cognitive structure of genre concept is similar to the notion of contextual model by Van Dijk [2008]).

An extract above makes a genre of the reproach mitigated by pre-sequence, markers of understanding and agreement. Move-reproach (especially if it constitutes the first part of the adjacency pair and has a form of a question) normally predicates the occurrence of the second part containing justification, agreement or refutation of the reproach. *B* produces a relevant Move *B3* since (a) as a self-accusation, it is an appropriate second part to a move-reproach and (b) it is an answer to the direct special why-question (I behave so because I am *a high-minded intellectual ninny, square*). Moreover, it is contextualized with the move *A1* and, consequently, "able" to complete a side sequence. However *A* considers the move *B3* irrelevant and topically incoherent. As a result, *A* requires an explanation of the unclear item introducing a closing side-sequence by Move *A4*.

2.5. Concepts-ideas

Concepts-idea can either match the identity, interactive and social-semiotic concept or be the conceptual representation of the situation denoted by dialogic text. Therefore, it is based on local situational and textual context versus the participants' situational models. Communicants may produce similar or different concepts-ideas, which depend on similarity or difference of their situation models, world pictures and perceptions of each other.

The referent of the dialogue is the *A-B* relationships. The relationships' concept-idea is different for participants, determining the differences in representation of the referent. For *A* the relationship is a mutual understanding, demanding concessions and commitment. *A* imposes her concept-idea by direct and indirect speech acts, manipulative strategies and techniques and other formal and pragmatic means.

For *B* the dialogue' referent is the *A-B* relationships threatening his freedom and personal autonomy. *B* realizes that if he designates "his" referent by textual means, it will result in a communicative misunderstanding and a conflict. Therefore, *B* does not reveal his situational model neither by logical nor associative co-referent means, and his moves seem non-preferred and indirect, deviating from cooperative maxims.

3. Conclusion

There are some regular correspondences between the formal and pragmatic means:

Categorical identity concepts associate with Self-Identification Cognitive Context constructed by participants' ideas about selves as psychological and social integrities as well

as gender, nationality and age group members. Categorical identity concepts are manifested by all sets of formal-conversational, lexical, grammatical and pragmatic means indexing the interactants' psychological, gender, nationality and age specifics.

Operative identity concepts relate to Communicative Cognitive Context as the knowledge of roles and scenarios adopted to local interactions' needs and derived from (a) Self-Identification Cognitive Context, (b) Context of intertextual macro scenarios patterning the personality relation to semiotic products of the ethnos and civilization – from fairy tales and cartoons to the theatre, fiction, etc. as well as (c) Context of Identities' Membership with models of distribution into identity categories with conventional communicative actions, standardized role pairs and agreed communicative scenarios resulted from participants' previous dialogic practices.

Operative concepts are indexed by intertextual means referring to socialization and macro-cultural scenarios, which can be detected in any discourse due to their relevance for the identity construction.

Interactive concepts are based on Interactive Context as the interlocutors' knowledge of the personal information about each other, their belonging to a common group, the level of familiarity and social distance as well as other information assessed according to the archetypic dichotomy of "own-alien". Uniting concept of similarity is marked by non-competitive overlapping of moves, relevant and preferential moves, congruent role pairs, topical coherence, side sequence eliminating a source of misunderstanding as well as positive politeness means showing support, participation and interest; pragmatic technics of Apparent Empathy and Apparent Concession, flouting of Quantity Maxim aimed at presupposing "shared knowledge" and implicating close relationship or group membership, etc.

Separating concept of "otherness" is manifested by negative politeness strategies increasing the "distance" between communicants, face threatening acts, indexing dominance or status difference, irrelevant and dispreferred Moves, competitive overlapping of Moves, Maxims of Manner and Relation flouting, non-compliance with the proposed role category, topical incoherence / conflict, etc.

Concepts-ideas as similar or different conceptual representations of the referent situation by dialogue's participants derive from their situational models *versus* local situational and textual context. Concepts-ideas are indexed by co-referent utterances, implications and implicatures, thematic words, topically coherent fragments. The formal markers of the concepts-ideas' similarity are topical cohesion and coherence, preferential moves, minimum of insertion and side sequences, emotionally "supportive" overlapping as well as positive politeness means, correctly decoded implicatures, mutual acknowledgment of roles, role congruency, etc. Concepts-ideas' mismatch is indexed by frequent topic's changes and topic conflicts, pauses and other non-preferred moves, negative politeness strategies and face threatening acts, etc.

Genre concept derives from Genre Prototypes specific for a particular communicative culture. It is marked by prototypical sequences' structure, regular sets of counter-roles with corresponding scenarios, goals and strategies, lexical markers of the genre theme.

LITERATURE

1. Кравченко Н.К. Интегративный метод и оперативные методики дискурс-анализа / Н.К. Кравченко. – Саарбрюккен : Palmarium LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 95 с.
2. Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа / Н.К. Кравченко. – Луцьк : Волиньполіграф, 2012. – 251 с.
3. Antaki C. Identities in Talk / C. Antaki, S. Widdicombe. – London : Sage Publications, 1998. – 224 p.
4. Benwell B. Discourse and Identity / B. Benwell, E. Stokoe. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 314 p.
5. Brockmeier J. Narrative and Identity: Studies in Autobiography, self and culture / Jens Brockmeier, Donald Carbaugh. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Co, 2001. – 307 p.
6. Brown P. Politeness: Some Universals in language usage: Politeness phenomena / P. Brown, S.C. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
7. Davies B. Positioning: The Discursive Production of Selves / B. Davies, R. Harré // Journal for the Theory of Social Behavior, 1990. – V. 20 (1). – P. 43–63.
8. Goffman E. Response cries / Erving Goffman // Forms of Talk. – Oxford : Basil Blackwell, 1981. – P. 78–122.
9. Grice H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntax and semantics. – N. Y. : Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.
10. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning / M.K. Halliday. – London : Edward Arnold, 1978. – 256 p.
11. Hausendorf H. Social identity work in storytelling: Methodological remarks / H. Hausendorf // Narrative Inquiry. – 2002. – V. 12 (1). – P. 173–179.
12. Jefferson G. Side sequences / G. Jefferson // Studies in social interaction. – New York : Free Press, 1972. – P. 294–338.
13. Kravchenko N. Formal conversational and pragmatic properties of dialogue: to the question of correspondences // Проблеми зіставної семантики. – К. 2015a – P. 135–141.
14. Linehan C. Positioning in practice: Understanding participation in the social world / C. Linehan, J. McCarthy // The Journal for the Theory of Social Behaviour. – 2000. – № 30 (4). – P. 435–453.
15. McLean K. C. Selves creating stories creating selves: A process model of self-development / McLean, K. C., Pasupathi, M., & J. L. Pals // Personality and Social Psychology Review. – 2007. – № 11. – P. 262–278.
16. Potter J. Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior / J. Potter, M. Wetherell. – London : Sage, 1987. – 216 p.
17. Sacks H. Lectures on Conversation / H. Sacks. – Oxford : Wiley-Blackwell, 1992. – Vol.1, 2. – 1520 p.
18. Schegloff E.A. Issues of Relevance for Discourse Analysis: Contingency in Action, Interaction and Co-Participant Context / Emanuel A. Schegloff // Computational and Conversational Discourse: Burning Issues – An Interdisciplinary Account. – Heidelberg : Springer Verlag, 1996. – P. 3–38.

19. Schegloff E.A. Discourse, Pragmatics, Conversation, Analysis / Emanuel A. Schegloff // *Discourse Studies*. – 1999. – V. 1:4. – P. 405-435.
20. Schegloff E.A. Overlapping Talk and the Organization of Turn-Taking for Conversation / Emanuel A. Schegloff // *Language in Society*. – 2000. – V. 29:1. – P. 63.
21. Searle John R. Foundations of Illocutionary Logic / John R. Searle, Vanderveken Daniel. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 230 p.
22. Searle John R. Indirect speech acts / John R. Searle // *Syntax and Semantics*. – New York, San Francisco, London : Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 59–82.
23. Swan D. Positioning as a means of understanding the narrative construction of self: A story of lesbian escorting / D. Swan, C. Linehan // *Narrative Inquiry*. – 2001. – V. 10 (2). – P. 403–427.
24. Van Dijk, T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach / T.A. van Dijk. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
25. Van Dijk T.A. The Study of Discourse / T.A. Van Dijk // *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. – London : Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1997. – Vol. 1 – P. 1–34.
26. Van Dijk T.A. Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction / Van Dijk T.A. – Barcelona : Ariel, 2003. – 118 p.
27. Wetherell M. Positioning and interpretative repertoires: Conversation analysis and post-structuralism in dialogue / M. Wetherell // *Discourse and Society*. – 1998. – Vol. 9. – P. 387–412.
28. Zurcher L. A. Social Roles: Conformity, Conflict and Creativity./ L.A. Zurcher. – Beverly Hills : Sage, 1983. – 295 p.

ILLUSTRATIVE MATERIALS

29. Saul Bellow. Herzog. – New York: Fowcett Crest Book, 1970. – 416 p.

REFERENCES:

- Antaki, C. (1998). *Identities in Talk*. London : Sage Publications.
- Benwell, B., & Stokoe, E. (2006). *Discourse and Identity*. Edinburgh : Edinburgh University Press.
- Brockmeier, J., Carbaugh. (2001). *Narrative and Identity: Studies in Autobiography, self and culture*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Co.
- Brown, P., & Levinson. S.C. (1987). *Politeness: Some Universals in language usage: Politeness phenomena*. Cambridge : Cambridge Univ. Press.
- Davies, B., & Harré, R. (1990). Positioning: The Discursive Production of Selves. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 20 (1), 43-63.
- Goffman, E. (1981). Response cries. *Forms of Talk*. Oxford : Basil Blackwell, 78-122.
- Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. *Syntax and semantics*, 3, 41-58.
- Halliday, M.A.K. (1978). *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London : Edward Arnold.
- Hausendorf, H. (2002). Social identity work in storytelling: Methodological remarks. *Narrative Inquiry*, 12 (1), 173–179.
- Jefferson, G. (1972). Side sequences. *Studies in social interaction*, 294-338.

- Kravchenko, N.K. (2015). *Integrativnyj metod I operativnyje metodiki dyskurs-analysa [Integrative method and operative technics of discourse-analysis]*. Saabrukken : Palmarium LAMBERT Academic Publishing.
- Kravchenko, N.K. (2012). *Practicheskaja discursologija: shkoly, metody, matodyky sovremennogo dyskurs-analysa [Practical discursology: schools, methods and technics of modern discourse-analysis]*. Luck : Volyn'polygraph.
- Kravchenko, N. (2015a). Formal conversational and pragmatic properties of dialogue: to the question of correspondences. *Problemy zistavnoj semantyky*, 135-141.
- Linehan, C., McCarthy, J. (2000). Positioning in practice: Understanding participation in the social world. *The Journal for the Theory of Social Behaviour*, 30 (4), 435-453.
- McLean, K.C., Pasupathi, M., Pals, J.L. (2007). Selves creating stories creating selves: A process model of self-development. *Personality and Social Psychology Review*, 11, 262-278.
- Potter, J., & Wetherell, M. (1987). *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior*. London: Sage.
- Sacks, H. (1992). *Lectures on Conversation*. Oxford : Wiley-Blackwell.
- Schegloff, E.A. (1996). Issues of Relevance for Discourse Analysis: Contingency in Action, Interaction and Co-Participant Context. *Computational and Conversational Discourse: Burning Issues – An Interdisciplinary Account*, 3-38.
- Schegloff, E.A. (1999). Discourse, Pragmatics, Conversation, Analysis. *Discourse Studies*, 1(4), 405-435.
- Schegloff, E.A. (2000). Overlapping Talk and the Organization of Turn-Taking for Conversation *Language in Society*, 29 (1), 63.
- Searle, J. R., & Vanderveken, D. (1985) *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Searle, John R. (1975). Indirect speech acts. *Syntax and Semantics, 3: Speech Acts*, 59-82.
- Swan, D., & Linehan, C. (2001). Positioning as a means of understanding the narrative construction of self: A story of lesbian escorting. *Narrative Inquiry*, 10 (2), 403-427.
- Van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. New York : Cambridge University Press.
- Van Dijk, T.A. (1997). The Study of Discourse. *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, 1, 1-34.
- Van Dijk, T.A. (2003). *Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction*. Barcelona: Ariel.
- Wetherell, M. (1998). Positioning and interpretative repertoires: Conversation analysis and post-structuralism in dialogue. *Discourse and Society*, 9, 387-412.
- Zurher, L.A. (1983). *Social Roles: Conformity, Conflict and Creativity*. London: Sage, Beverly Hills, CA.

ILLUSTRATIVE MATERIALS

Saul Bellow. (1970). *Herzog*. New York: Fowcett Crest Book.

Kravchenko Nataliia Kimovna – Doctor of Philology, Full Professor, Kyiv National Linguistic University (Velyka Vasylkivska Str., 73, Kyiv, Ukraine); e-mail: nkravchenko@outlook.com

УДК 811.111

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ НЮАНСЫ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН А.В. Кузнецова (Житомир, Украина)

А.В. Кузнецова. Дополнительные смысловые нюансы как когнитивный феномен. Статья посвящена анализу дополнительных смысловых нюансов в художественном дискурсе. К рассмотрению текстолингвистических явлений применяется когнитивный подход. Дополнительные смысловые нюансы трактуются как особый, детерминированный авторской интенцией вид имплицитной речи, имеющий концептуальную природу, и декодирование которого предполагает восприятие суммарного смысла других видов имплицитной речи данного дискурса: неаллюзивных намеков, аллюзий и символов. Исследование проводится на материале текста романа С. Ахерн. Показано, что создание и декодирование указанных видов имплицитной речи коррелирует с когнитивными операциями. Декодирование дополнительных смысловых нюансов происходит в два этапа и предполагает действие когнитивных операций, основными из которых являются операции спецификации и перспективизации.

Ключевые слова: дополнительные смысловые нюансы, имплицитная речь, имплицитный смысл, когнитивная операция, концептуальная природа.

Г.В. Кузнецова. Додаткові смислові нюанси як когнітивний феномен. Стаття присвячена аналізу додаткових смислових нюансів у художньому дискурсі. Для розгляду текстолінгвістичних явищ застосовується когнітивний підхід. Додаткові смислові нюанси розуміються як особливий, детермінований авторською інтенцією вид імпліцитного мовлення, що має концептуальну природу й декодування якого передбачає сприйняття сумарного смислу інших видів імпліцитного мовлення даного дискурсу: неалюзивних натяків, алюзій та символів. Дослідження проводиться на матеріалі тексту роману С. Ахерн. Показано, що створення й декодування вказаних видів імпліцитного мовлення корелює з когнітивними операціями. Декодування додаткових смислових нюансів відбувається у два етапи й передбачає дію когнітивних операцій, основними з яких є операції специфікації й перспективізації.

Ключові слова: додаткові смислові нюанси, імпліцитне мовлення, імпліцитний смисл, когнітивна операція, концептуальна природа.

G.V. Kuznyetsova. Additional sense nuances as a cognitive phenomenon. The article introduces the analysis of additional sense nuances in a belles-lettres discourse. Cognitive approach is used to studying the phenomena of text-linguistics. Additional sense nuances are treated as a separate kind of implicit speech, which is determined by the author's intention and is conceptual in its nature. Its decoding presupposes the anticipation of accumulated sense of other types of implicit speech in the discourse: non-allusive hints, allusions, and symbols. The study is conducted on the material of the text of C. Ahern's novel. It is shown that the creation and decoding of implicit speech kinds mentioned correlates with cognitive operations. The decoding of additional speech nuances takes two stages and rests on cognitive operations, the basic of them being the operations of specificity and perspective.

Key words: additional sense nuances, cognitive operation, concept nature, implicit speech, implicit sense.

1. Введение

Дополнительные смысловые нюансы рассматриваются как один из видов имплицитной речи, как явление скрытой прагмалингвистики, поскольку для нюансов

смысла характерно отсутствие четких структурных критериев вычленения [Масленникова 1999; Матвеева и др. 2009] в тексте, который вслед за И.И. Пирог [Пирог 2015: 182] трактуется в данной работе как форма фиксации дискурса, в нашем случае художественного дискурса. Недостаточная изученность смысловых текстовых нюансов, а также значительный интерес к явлениям прагмастилистики, в частности к их концептуальной репрезентации и когнитивной природе, определяют **актуальность** предлагаемого исследования, **объектом** которого являются когнитивные особенности создания дополнительных смысловых нюансов в свете проявления когнитивных процессов. **Предмет** исследования можно определить как совокупность номинантов, вербально (но непрямо) или имплицитно актуализирующих дополнительные смысловые нюансы в виде текстовых концептов, а **цель** можно представить как анализ текстовой значимости и прагматической роли этих концептов в свете их когнитивной сущности. **Материалом** для статьи послужил текст романа “A Place Called Here” (S. Ahern).

2. Постановка проблемы

Прагмастилистическое понятие дополнительных смысловых нюансов (далее – ДСН) изучается в одном ряду с явлениями «размытости», нечеткости периферийной части значения понятия (концепта), которое приводит к своеобразному «растягиванию», увеличению объема понятия и позволяет использовать такую речевую единицу для называния явления, которому в данный момент в данном языке трудно или невозможно найти название [Матвеева 2003а], то есть ДСН рассматриваются как особый тип имплицитного смысла, который не выражен вербально, но присутствует в ткани текста (в нашем случае, художественного) и может декодироваться реципиентом-читателем.

Пионером в изучении ДСН является Г.Г. Матвеева, в работах которой сформулированы основные принципы выделения и исследования этого интереснейшего и малоизученного явления. Основным исходящим постулатом теории исследователя можно назвать импликацию Г.П. Грайса, которые позволяют говорящему воплотить свое коммуникативное намерение, не прибегая к вербальному выражению того, что понимается реципиентом из общего смысла высказывания. Как указывает Г.Г. Матвеева, значительная часть понимания связана не с языковыми правилами, приписывающими предложению определенное значение на основе значения его компонентов, но с нашей способностью делать заключения о действительном намерении говорящего, не совпадающем с тем, что буквально им «говорится» [Матвеева и др. 2009]. В силу своего значительного выразительного потенциала, отсутствия формальных критериев выделения и когнитивной природы создания и восприятия (которая практически всегда ощущалась интуитивно, но не получила достаточного обоснования и освещения до сих пор), имплицитные значения и смыслы в речевых произведениях изучались неоднократно на материале нескольких языков [напр., Исаева 1996; Масленникова 1999; Воронушкина 2014]. Следует отметить отсутствие единой трактовки понятия имплицитного значения как такового, а также отсутствие попыток классифицировать или систематизировать речевые актуализации такого значения по информационно-смысловому принципу [Воронушкина 2014] ввиду их вышеуказанной размытости и нечеткости. В названных работах рассматриваемые имплицитные (часто называемые скрытыми) смыслы

понимаются достаточно широко: начиная от механизма создания метафоры до скрытых смыслов больших сообщений и целых текстов, однако такая расширительная трактовка представляется неоправданной, так как в таком случае метафоризация, коннотации, текстовые пресуппозиции и импликации, основывающиеся на декодировании любых номинантом, рассматриваются в одном ряду. Представляется, что изложенный ниже анализ и его результаты послужат доказательством несколько иного подхода к изучению проблемы.

3. Изложение основного материала

Понимание ДСН как одного из видов имплицитного смысла основывается на трактовке Г.Г. Матвеевой и ее последователей (хотя художественный текст как форма фиксации художественного дискурса пока не входит в круг интересов этой лингвистической школы), однако представляется целесообразным остановиться на важнейшем свойстве ДСН, в отношении которого в работах этой школы наблюдается некоторое противоречие. Речь идет об осознанности или неосознанности ДСН как отправителем, так и получателем сообщения. Так, в работах этой лингвистической школы неоднократно подчеркивается, что содержанием прагмалингвистических единиц в скрытой прагмалингвистике являются нюансы смысла, а формой их актуализации выступают речевые сигналы, т.е. грамматические и текстуальные формы, отражающие машинальную актуализацию автором своих скрытых интенций на неосознаваемом уровне в процессе осуществления речевого поступка [Матвеева и др. 2009: 74; Матвеева 2003, а также Галоян 2013; Самарина, Похлебина 2013]. Однако эти же скрытые смыслы выступают средством реализации тактики скрытого речевого воздействия, в результате возникает вопрос об осознанности такого воздействия и такой тактики. Представляется, что уместнее говорить об отсутствии анализа при выборе автором конкретных речевых моделей и языковых средств для выражения своих мыслей, однако осознанность интенций очевидна, достаточно вспомнить известное высказывание Р. Блакара о том, что у автора всегда есть выбор языковых единиц для выражения некоего смысла, и этот выбор никогда не бывает случаен [Блакар 1987: 92], иными словами, такой выбор всегда осознан и необходимо предполагает намерение автора. Более обоснованной представляется точка зрения А.А. Масленниковой, согласно которой неосознанным и обладающим низкой (или нулевой) степенью интенции является выбор грамматических конструкций, которые имеют скрытое дополнительное значение, тогда как выбор лексикона, речевых образцов и композиционных особенностей в художественном тексте всегда осознан и интенционален [Масленникова 1999: 6].

Такая точка зрения разделяется в настоящей работе, следовательно, ДСН понимаются как особый вид имплицитного смысла и имплицитной речи, характерный для художественного дискурса, который не находит непосредственной актуализации посредством вербально представленных в тексте номинантам, имеет концептуальную природу и занимает наивысшую, смыслоорганизующую позицию в ряду других видов имплицитной речи художественного дискурса. В числе видов имплицитной речи рассматриваются текстовые символы, намеки (в том числе аллюзии), высказывания с трансформированными идиомами и собственно ДСН [Kuznyetsova 2015: 93]. Создание ДСН рассматривается как речевая тактика скрытого воздействия автора на адресат, которая актуализируется автором-адресатом

и декодируется читателем-реципиентом мгновенно, одновременно с восприятием вербально выраженного смысла текста, причем для читателя-реципиента восприятие и декодирование ДСН происходит неосознанно. В конкретной речевой ситуации реципиент-читатель в процессе чтения текста подсознательно накапливает достаточно многочисленные и разнообразные речевые сигналы ДСН, воспринимая таким образом скрытые интенции адресата-автора. Можно вспомнить высказывания В.М. Телия, которая говорила о дополнительных смыслах как о коннотативных элементах в составе смысловой сущности [Телия 1986: 236]; реализуясь только в тексте/ дискурсе, они не могут соотноситься со значением или компонентом значения какой-либо отдельной языковой единицы. Поэтому ниже предлагается попытка показать, что ДСН выделяются на основе соотношения и смыслового взаимодействия других, часто всех компонентов дискурса, актуализирующих имплицитный смысл.

Рассмотрим особенности создания ДСН в тексте романа “A Place Called Here” (С. Ahern) [Ahern 2007]. Главный персонаж романа, молодая женщина по имени Сэнди Шортт, с детства проявляет необычно сильное беспокойство по поводу пропавших вещей: одного носка после стирки в стиральной машине, завалившегося куда-то карандаша или блокнота, старого игрушечного медвежонка после поездки. Беспокойство настолько сильное, что Сэнди в поисках буквально переворачивает вверх дном весь дом и привлекает к поискам родителей. Родители Сэнди очень волнуются за свою дочь и прибегают к помощи школьного психолога, который работает с девочкой до самого окончания ею школы. После школы Сэнди начинает работать в ирландской полицейской службе по розыску исчезнувших людей. Однажды утром, перед встречей с одним из клиентов, Сэнди бежит на обычную утреннюю пробежку и неожиданно попадает в незнакомый лес, откуда не может найти дорогу назад; она оказывается как бы в параллельном мире, куда попадают исчезнувшие люди и пропавшие вещи, в месте, где вполне можно жить, работать, создавать семьи, но откуда нельзя вернуться в реальный мир. Кроме того, в этом мире никто ничего не теряет. В этом месте (которое называется “Here”) беспокойство оставляет Сэнди впервые за много лет, хотя там для нее многое удивительно. Через несколько дней Сэнди неожиданно теряет часы, не находит их и понимает, что получила знак того, что именно она может вернуться в реальный мир, что вскоре и происходит.

Для показа концептуальных этапов создания ДСН данного художественного дискурса целесообразно остановиться на его художественных концептах, которые, как указывается в лингвистических работах по этой тематике, имеют ментальный характер, характеризуются динамичностью и большей частью вербальной репрезентацией [Воркачев 2003; Давидюк 2014: 87], а также психологической сложностью, расплывчатостью, художественной ассоциативностью и содержат значительную часть невербализованной информации [Демьянков 2001; Демьянков 2007; Ніконова 2008; Попова 2007; Радзієвська 2010; Шевченко 2006]. Анализ концептов данного художественного дискурса осуществляется с применением элементов методики идентификации концептов, предложенной В.Г. Никоновой [Ніконова 2008; Ніконова 2011]. Центральный смысл методики состоит в выделении из ключевых фрагментов тематических линий, в которых, в свою очередь, выделяется тематическая доминанта, представленная тематическим словом, а также смысловые

реляты. На основании тематических слов происходит определение художественных концептов, вербализованных в этих фрагментах. При анализе создания ДСН используются элементы методики метаописания (Е.М. Кагановская), методики когнитивно-эмотивного анализа (М. Берк), а также наша методика построения ассоциативных цепочек, состоящих из когнитивных шагов-умозаключений.

Концептуальное пространство анализируемого дискурса организовано вокруг эксплицитно выраженных ключевых концептов ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON), ПОИСК/SEARCH, НАХОЖДЕНИЕ/FINDING. Эти концепты образуют одну тематическую линию и вербализуются посредством различных номинантов, хотя для описываемого дискурса характерно небольшое разнообразие номинантов. Так, концепт ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) идентифицируется следующим образом:

- ПРОПАЖА – ЭТО НЕСЧАСТЬЕ: *she was Jenny-May Butler, the sweet missing girl from the nice family who cried on the nine o'clock news every night [Ahern: 2]. She was never found – not her body, not a trace of her; it was as though she had disappeared into thin air [Ahern: 3]. It disturbed me that frequently my missing possessions were nowhere to be found [Ahern: 4].*

- ПРОПАЖА – ЭТО ПРИВЫЧКА/КАПРИЗ: *I disappear regularly, I lose contact regularly, no one checks on me and I like it this way [Ahern: 23]. This was the longest search Jack had ever endured and he wished his brother would come out of his finding place now, show himself with that proud smile and end the game [Ahern: 39].*

Концепт ПОИСК/SEARCH обнаруживает такие дискурсные идентификации:

- ПОИСК – ЭТО ПРОФЕССИЯ: *I'm in the business of searching and I know how it works [Ahern: 23]. "I run a missing persons agency, Bobby." [Ahern: 310].*
- ПОИСК – ЭТО ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ: *When my favourite pair of socks went missing I turned the house upside down while my worried parents looked on, not knowing what to do [Ahern: 4]. I felt for my wrist to check the time and remembered again my watch was gone. My heart started to pound as it always did when something of mine was missing. I would immediately become restless and ache to start looking. My hunts were like an addiction, the feeling pre-search like craving [Ahern: 245].*

Концепт НАХОЖДЕНИЕ/FINDING определяется в дискурсе таким образом:

- НАХОЖДЕНИЕ – ЭТО ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЬ: *They disappeared during a school camping trip in the sixties and were never found. But there they were now, older, wiser and their innocence lost. I had found them [Ahern: 56]. But I had a passion to just find. Finding this place was just one big answer to a life-long question that had caused me to sacrifice everything [Ahern: 122].*

Представленные фрагменты показывают, что художественные концепты данного дискурса не характеризуются значительной вариативностью смысловых релятивов-ассоциаций. Это свидетельствует о вполне определенной интенции автора: сконцентрировать внимание читателя на определенном образом организованном смысле, тем самым запрограммировав особенности читательского понимания и интерпретации. Вполне очевидно, что выделенные концепты находятся в ассоциативно-смысловой связи между собой. Принимая во внимание высокую повторяемость вербализации данных концептов в дискурсе (на некоторых страницах актуализация концепта ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) доходит до 8;

средняя частотность – 1,5 актуализации на страницу; актуализация концепта ПОИСК/SEARCH – до 5; средняя частотность – 0,7 актуализаций на страницу), у реципиента читателя создается впечатление, что интенция автора предельно ясна. Писатель хочет сказать, что для персонажа наивысшим счастьем является нахождение места, где находятся исчезнувшие люди и вещи. Однако восприятие смыслов дискурса в целом обнаруживает наличие ДСН: достижение столь желанной цели приносит лишь ИЛЛЮЗИЮ СЧАСТЬЯ, которое оборачивается для персонажа (Сэнди Шортт) глубокой печалью, ведь самые близкие ей люди (родители, любимый человек) ей не верят, все так же считая, что девушка немного не в себе.

Создание указанного ДСН можно разделить на два этапа. На первом этапе происходит восприятие таких видов имплицитной речи, актуализированных в данном дискурсе, как неаллюзивные намеки, аллюзии и символы, в их смысловом взаимодействии. Восприятие всех номинантов, которые актуализируют их, возбуждает целый ряд различных ассоциаций, которые накапливаются по мере разворачивания ткани текста. Интерпретация реципиентом-читателем смыслов, выраженных автором, зиждется на восприятии читателем когнитивных операций, действующих при создании этих смыслов автором. Эти операции впервые обоснованы и описаны в работах Р. Лэнекера [Langacker 1990; Langacker 2008: 55–84 и др.]

1. Рассмотрим намеки, которые содержатся в описании отношений Джека (брата которого ищет Сэнди) и его девушки Глории:

Gloria, his girlfriend of eight years, always slept. She had slept soundly through the entire year of Jack's horrid nightmare, and still she dreamed. Still she had hopes for tomorrow. She had fallen into a deep sleep after hours spent at the garda station, the first day they worried about not hearing from Donald after four days of silence. She slept after the gardai had spent the day searching the river for his body [Ahern: 31].

Многочисленность тематического повтора в приведенном выше фрагменте (частотность вербальных актуализаторов повтора концепта СОН/SLEEP составляет 12 в пределах двух страниц текста при незначительной лексической вариативности и синтаксическом параллелизме), употребление подобных актуализаторов концепта СОН/SLEEP по всей ткани дискурса, а также смысловой контраст с фрагментами текста, описывающими поступки Джека в тот же период (*He had stayed awake at nights looking through maps, rereading reports, double-checking times... Jack's horrid nightmare*) создают эффективный намек, который актуализирует концепт ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/ LACK OF UNDERSTANDING.

В аспекте когнитивных операций для толкования приведенных выше намеков наибольшая роль принадлежит **фокусированию** ('focusing' по Р. Лэнекеру), основным средством вербализации при этом является тематический повтор, который во взаимодействии с широким контекстом обеспечивает **выделение** ('prominence' по Р. Лэнекеру), и намек таким образом функционирует как когнитивная фигура на фоне текста.

Этот же концепт актуализуется во фрагментах текста, посвященных отношению родителей Сэнди к ее странностям. Например:

I didn't have a bad relationship with my parents. ... Ever since I was ten they had tiptoed around me, watched me warily. They had pretend conversations and false laughs that echoed around the house. They would try to distract me, create an ease

and normality in the atmosphere, but I knew that they were doing it and why, and it only made me aware that something was wrong [Ahern: 12].

I think that's the moment I began to hate seeing myself in their eyes, and unfortunately it was the beginning of my dislike of being in their company [Ahern: 59].

Интерпретация намеков здесь основывается на пошаговых цепочках умозаключений: 1) Родители относились к дочери бережно, но настороженно > Они пытались искусственно привести ситуацию к норме > Родители не знали, в чем причина странности их дочери. 2) Сэнди чувствовала растерянность родителей > Она страдала от их беспомощности в этой ситуации > Она видела, что не найдет понимания у родителей. Такие цепочки умозаключений разворачиваются в ментальной деятельности читателя-реципиента из-за неконтролируемых читателем когнитивных особенностей словесных ассоциаций, которые, по свидетельству исследователей, возникают через сознательно ориентированные распознавания, опирающиеся на аксиологические, логические или/и эмотивные ориентиры, которые могут быть выражены через понятия [Santos 2010]. Представляется, что наряду с фокусированием трактовка намеков здесь предполагает действие **спецификации** ('specification' по Р. Лэнекеру), так как интерпретация информации здесь предполагает умозаключение.

2. Особая роль в создании имплицитных смыслов в анализируемом дискурсе принадлежит аллюзиям (всего выделено 79 текстовых фрагментов, в которых актуализированы аллюзии, причем для данного дискурса характерна высокая плотность употребления аллюзий) в особенности литературным аллюзиям, которые составляют около 30%. Их интерпретация и декодирование также коррелируют с когнитивными операциями **фокусирования** и **спецификации**, однако представляется, что превалирует именно **спецификация**, для которой операция фокусирования создает как бы когнитивный фон. Обобщение, как сущностный компонент спецификации, здесь имеет повышенную значимость, так как включает экспрессивно-образный элемент, присущий литературным аллюзиям [Дронова 2004; Thomas 1986: 92]. Наибольшей частотностью и дискурсивной значимостью отмечены аллюзии на повесть американского писателя "The Wizard of Oz" (L. Frank Baum). Рассмотрим имплицитные смыслы таких аллюзий:

'OK, well, it's a children's movie,' I stressed to Helena, 'made in the thirties about a little girl called Dorothy Gale who is swept away in a cyclone to a magical land. Once there, she embarks on a quest to see the wizard, who can help her return home. It's ridiculous to ask a group of adults to do it.'" I laughed, but realized no one was laughing with me.

'And this wizard, does he help her?'

'Yes,' I said slowly, feeling it odd the story was being taken so seriously. 'The wizard helps her and she learns that she could have returned home the whole time. All she had to do was tap her ruby heels together and say 'There's no place like home, there's no place like home.'

'He still didn't laugh. 'So she returns home in the end?'

There was a silence and I finally understood why. I nodded slowly.

'And what does she do while she's in this magical land?'

'She helps her friends,' I said quietly.

'It doesn't seem such a silly story to me,' Joseph said seriously. 'One the people here will very much like to see.'

I thought about that. In fact, I thought about it all night, until I was dreaming of ruby slippers and cyclones and of talking lions and houses that fell on witches, until the phrase "There's no place like home" was echoing so loudly and continuously in my head that I woke up saying it aloud and I was afraid to go back to sleep [Ahern: 260-261].

Эта развернутая аллюзия имплицитно актуализует концепт ПОИСК/SEARCH, который здесь имеет признаки концепта-сценария: и для самого романа "A Place Called Here" и для вышеназванной повести-аллюзии поиск (в частности, его релятив – поиск пути домой) является центральной проблемой. Кроме того, ассоциации с повестью-сказкой, где речь идет о нереальном событии, усиливает ассоциации нереальности происходящего в месте под названием *Here* в анализируемом дискурсе.

Ассоциация с нереальность поиска прослеживается также в другом фрагменте с аллюзиями на ту же повесть:

'I need a heart,' Derek cried out. 'I need a brain,' Bernard announced theatrically. 'And I need courage,' Marcus said quietly in his bored tone. The audience laughed as they all hopped off with Dorothy stage right, arm in arm [Ahern: 505]. – Здесь имплицитно показана тщетность поиска для сказочных персонажей (один из них ищет сердце, другой – мозги, третий – храбрость; смех зрителей также является имплицитным сигналом нереальности и тщетности поиска).

3. Первый этап построения / трактовки ДСН включает также интерпретацию символов, которые в данном дискурсе актуализируют концепт ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) и в силу когнитивной операции выделения приобретают в анализируемом дискурсе символический смысл. Такие художественные символы в данном дискурсе вербализованы номинантами, которые называют группы пропавших вещей Сэнди. Их всего три: носок/носки, наручные часы и игрушечный медвежонок. Символическое значение приобретает также имя исчезнувшей девочки Дженни-Мэй, поскольку именно ее исчезновение было первым в жизни Сэнди. Рассмотрим примеры:

– *'What pair are they?' ... 'My blue ones with the white stripes' I answered on the typical occasion I insisted on bright coloured socks, bright and identifiable so that they could easily be found [13]. 'The sock made me feel better because it was the brightest thing I'd ever seen', he laughed. 'It was even labeled, for Christsake' [288].* – Этот символ повторяется в тексте 17 раз.

– *I liked Jenny-May Butler a lot more when she was gone than when she was here and that also interested me [3]. 'What made you want to find missing people? It's such an unusual career.'*

I laughed. 'Now there's a question.' I thought back to when it all began. 'Two words,' I smiled. 'Jenny-May Butler. She lived across the road from me when I was a child in Leitrim, but she went missing when she was ten.' [455]. – Частотность повторения этого символа составляет 11.

– *Staring up at me with his one eye was my dear friend Mr Pobbs[291]. 'I told you I'd find you, Mr Pobbs,' I whispered [293].* – Частотность этого символа – 5.

Символический смысл всех приведенных номинантов детерминирован не только их частотностью, но и тем, что они актуализируют не просто концепт

ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON), а и его релятив ПРОПАЖА, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НАЙДЕНА, имплицитно создавая таким образом когнитивное взаимодействие между концептами ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) и НАХОЖДЕНИЕ/FINDING.

Второй этап декодирования ДСН состоит в превалирующем действии когнитивной операции **спецификации**, которая предполагает обобщение более детализированной информации, в тесной связи с **перспективизацией** (perspective). По Р. Лэнекеру, перспективизация предполагает существование определенной точки зрения, которая “экспонирует аранжировку обзора” [Langacker 2008: 76; перевод наш – А.К.]. Представляется, что по мере восприятия дискурса читателем-реципиентом у него на подсознательном когнитивном уровне формируется такая точка зрения, которая в какой-то мере является манипулятивным аранжировщиком читательский процессов восприятия.

Эта же точка зрения и позволяет читателю воспринять спроектированные автором ДСН, которые можно сформулировать для данного дискурса как ИЛЛЮЗИЯ СЧАСТЬЯ, ЗАКЛЮЧЕННОГО В НАХОЖДЕНИИ МЕСТА ИСЧЕЗНУВШИХ ВЕЩЕЙ/ЛЮДЕЙ. Представляется, что приведенный выше анализ выделенных видов имплицитной речи, которые являются компонентами создания ДСН, показывает, что ДСН являются как бы квинтэссенцией суммарных имплицитных смыслов. То есть, ДСН можно смоделировать следующим образом:

- в основании модели находится сам дискурс, представленный текстом, со всеми эксплицитными и имплицитными смыслами;

- из этого основания восходит некоторое число векторов разной длины (значимости), которые являются знаками разных видов имплицитной речи, актуализированных в данном дискурсе; для каждого дискурса количество таких векторов индивидуально, а равно и их длина; одинаковым является направление;

- ДСН представляются в виде суммарной проекции всех этих векторов, которая в смысловом плане заключает своеобразный имплицитный когнитивный вывод.

Такая модель сможет быть только нежесткой, так как для каждого дискурса наличие, плотность и текстовая значимость видов имплицитной речи индивидуально, так же как и количество их актуализаций.

Представляется, что ДСН художественного дискурса можно образно представить как его “духовную сущность”. Очевидно, что в интерпретации ДСН читатели могут значительно отличаться друг от друга из-за индивидуального характера ассоциаций, возникающий при чтении, а также из-за вариативности фоновых знаний и уровня восприятия вообще.

4. Выводы

Дополнительные нюансы смысла художественного дискурса представляют собой когнитивный феномен, суммарную проекцию всех видов имплицитного смысла, актуализированный всеми видами имплицитной речи данного дискурса. Декодирование ДСН, которые могут быть представлены в виде модели, происходит в два этапа. Так же как и другие виды имплицитного смысла, ДСН имеют концептуальную природу. ДСН могут анализироваться в аспекте их корреляции с когнитивными операциями, наиболее важными из которых представляются операции спецификации и перспективизации. Интерпретация ДСН существенно

варьируется в зависимости от определённых параметров читателя-реципиента, что представляется **перспективным** для исследований на материале различных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Наука, 1987. – С. 88–125.
2. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М. : Гнозис, 2003. – Вып. 24. – С.5–12.
3. Воронушкина О.В. Виды скрытых смыслов и способы их экспликации / О.В. Воронушкина // Вестник Алтайск. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 21.– С. 62–67.
4. Галоян Я.Э. Межкультурные аспекты языка деловых переговоров / Я.Э. Галоян // Личность, речь и юридическая практика : сб. науч. трудов. – Вып. 16. – Ростов-н/Д. : ДЮИ, 2013. – С. 43–46.
5. Давидюк Ю.Б. Ефект ошуканого очікування у семантичній, темпоральній та сюжетній структурі англословного художнього дискурсу: дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Давидюк Юлія Борисівна. – К. : КНЛУ, 2014. – 223 с.
6. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – М. : Моск. гос. ин-т иностр. языков им. М. Тереза. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
7. Демьянков В.З. Термин “концепт” как элемент терминологической культуры / В.З. Демьянков // Язык как материя смысла : сб. ст. в честь акад. Н.Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2007. – С. 606–622.
8. Дронова Е.М. Проблемы перевода стилистического приема аллюзии в англо-ирландской литературе первой половины XX века) [Электронный ресурс] / Е.М. Дронова. – Режим доступа : http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/lin/2004-01/lin0401_15.pdf
9. Исаева Л.А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте (на материале русского языка) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19 «Теория языка» / Л.А. Исаева. – Краснодар, 1996. – 38 с.
10. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А.А. Масленникова. – Санкт-Петербург, 1999. – 40 с.
11. Матвеева Г.Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя / Г.Г. Матвеева // Личность, речь и юридическая практика. – Вып. 6. – Ростов/Д : ДЮИ, 2003. – С. 122–128.
12. Матвеева Г.Г. Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике. – Ростов н/Д, 2003а [Электронный ресурс] | / Г.Г. Матвеева. – Режим доступа : <http://rspu.edu.ru/projects/deutch/note32.html>. – Заголовок с экрана.
13. Матвеева Г.Г. Два направления в современной прагмалингвистике / Матвеева Г.Г., Самарина И.В., Селивестрова Л.Н. // Вестник Санкт-Петербургск. ун-та. – Вып. 1. – Ч. II. – 2009.– Серия 12. – С. 77–90.
14. Ніконова В.Г. Трагедійна картина світу в поезії Шекспіра : [монографія] / В.Г. Ніконова. – Д. : ДУЕП, 2008. – 364 с.

15. Ніконова В.Г. Художній концепт: процедури реконструкції та моделювання (на матеріалі трагедій В. Шекспіра) / В.Г. Ніконова // Вісник Київ. нац. лінгв. ун-ту. Серія: Філологія. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2011. – Т. 14, № 2. – С. 113–122.
16. Пірог. І.І. Аргументація в аспекті когнітивних операцій / І.І. Пірог // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : тези доповідей XIV наук. конференції з міжнарод. участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 182–183.
17. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
18. Радзівєвська Т.В. Текст як засіб комунікації : [монографія] / Тетяна Вадимівна Радзівєвська. – К. : Інформ. аналіт. агентство, 2010. – 491 с.
19. Самарина И.В. Прагматика мультипликационного дискурса / И.В. Самарина, А.А. Похлебина // Личность, речь и юридическая практика : сб. науч. трудов. – Вып. 16. – Ростов-н/Д : ДЮИ, 2013. – С.183–186.
20. Телия В.Н. Коннотативный аспект номинативных единиц / В.Н. Телия – М. : Просвещение, 1986. – 312 с.
21. Шевченко И.С. Подходы к анализу концепта в современной когнитивной лингвистике / И.С. Шевченко // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 192–195.
22. Ahern C. A Place Called Here / C. Ahern. – L. : Harper, 2007. – 485 p.
23. Kuznyetsova A. Implicit Meaning in a Belles-Lettres Text: Speech Means in a Cognitive Paradigm / A. Kuznyetsova // New Developments in Linguistic Pragmatics (NDLP 2015). – Book of Abstracts (12-14 April). – Lodz : University of Lodz, 2015. – P. 93.
24. Langacker R.W. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.
25. Langacker R.W. Cognitive grammar: a basic introduction / R.W. Langacker. – Oxford; N.Y. : Oxford Univ. Press, Inc., 2008. – 573 p.
26. Santos A. Property generation reflects word association and situated stimulation, 2010 [Електронний ресурс] / [Santos A., Chaigneau S.E., Simmons W.K., Barsalou L.W.]. – Режим доступа : www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/filedownloads/6831_en.pdf
27. Thomas R.F. Virgil's "Georgics" and the art of reference / R.F. Thomas // Harvard Studies in Classical Philology. – 1986. – № 90. – P. 71–98.

REFERENCES

- Ahern, C. (2007). *A Place Called Here*. L.: Harper.
- Blakar, R. (1987). Yazyk kak instrument social'noy vlasti [Language as an instrument of social power]. M.: Nauka, 88-125 (in Russian).
- Galojan, Ja. Je. (2013). Mezhhkul'turnye aspekty jazyka delovyh peregovorov [Language intercultural aspects of business negotiations]. *Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika: Sbornik nauch. trudov. – Personality, speech and juridical practice: Collection of scientific works, 16*. Rostov-n/D, 43-46 (in Russian).
- Davydyuk, Yu.B. (2014). Efekt oshukanogo ochikuvannya u semantychnij, temporalnij ta syuzhetnij strukturi anglo-movnoho xudozhnogo dykursu. Diss. kand. filol. nauk [Defeated Expectancy in Semantic, Temporal and Plot Structure of English Literary Text. Cand. philol. sci. diss.]. Kyiv (in Ukrainian).

- Dem'jankov, V.Z. (2001). Ponjatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom jazyke [Notion and concept in belles-lettres literature and scientific language]. *Voprosy filologii [Questions of Philology]*. M.: Mosk. gos. in-t inostr. jazykov im. M. Toreza. – Moscow State Institute of Foreign Languages after M. Torez, 1, 35-47 (in Russian).
- Dem'jankov, V.Z. (2007). Termin "koncept" kak jelement terminologicheskoy kul'tury [The term "concept" as an element of terminological culture]. *Jazyk kak materija smysla: sb. statej v chest' akademika N.Ju. Shvedovoj –Language as a material of sense: collection of articles after the academician N. Ju. Shvedova*. M.: Azbukovnik, 606-622 (in Russian).
- Dronova, E. M. (2010). Problemy perevoda stilisticheskogo priema alljuzii v anglo-irlandskoj literature pervoj poloviny XX veka. [Problems of translation of stylistic means of allusion in the English-Irish literature in the first half of XX cent.] Available from: <http://www.ebiblioteka.lt/>
- Isaeva, L.A. (1996). Vidy skrytyh smyslov i sposoby ih predstavlenija v hudozhestvennom tekste (na m-le ruskogo jazyka). Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Types of hidden senses and ways of their presentation in a belles-lettres text (on the material of the Russian language). Dr. philol. sci. synopsis.]. Krasnodar (in Russian).
- Kuznyetsova, A. (2015). Implicit Meaning in a Belles-Lettres Text: Speech Means in a Cognitive Paradigm. *New Developments in Linguistic Pragmatics (NDLP 2015) – Book of Abstracts. 12-14 April, 2015*. Lodz: University of Lodz.
- Langacker, R.W. (1990). *Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Langacker, R.W. (2008). *Cognitive grammar: a basic introduction*. Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, Inc.
- Maslennikova, A.A. (1999) Skrytye smysly i ih lingvisticheskaja interpretacija: Avtoref. ...doktora filol. nauk [Hidden meanings and their linguistic interpretation. Dr. philol. sci. synopsis]. Saint-Petersburg (in Russian).
- Matveeva, G.G. (2003). K voprosu o rechevyh strategijah skrytogo vozdejstvija otravitelja teksta na ego poluchatelja [On the question of speech strategies of hidden impact of the text addressant on its recipient]. *Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika. – Personality, speech and juridical practice*, 6. Rostov/D, (in Russian).
- Matveeva, G.G. (2003a). Njuansy smysla v skrytoj pragmalingvistike [Sense nuances in hidden pragmalinguistics]. Available from: <http://rspu.edu.ru/projects/>
- Matveeva, G.G., Samarina I.V., & Selivestrova L.N. (2009). Dva napravlenija v sovremennoj pragmalingvistike [Two directions in modern pragmalinguistics]. *Vestnik Sankt-Peterburgsk. un-ta.– Saint-Petersburg Univ. Messenger*. 1, II, 12, 77-90 (in Russian).
- Nikonova, V.G. (2008). Tragedijna karty`na svitu v poety`ci Shekspira: [monografiya] [Tragic world image in Shakespeare's poetry] [monograph]. D.: DUEP.
- Nikonova, V.G. (2011). Xudozhnij koncept: procedury` rekonstrukciyi ta modelyuvannya (na materialy tragedij V. Shekspira). [Belles-lettres concept: procedures of reconstruction and modeling (on the material of Shakespeare's tragedies)]. *Visny`k Ky`yivs`k. nacional`n. un-tu. Seriya: Filologiya. – Kyiv National Linguistic Univ. Messenger, Philology*, 14, 2, 113-122 (in Ukrainian).
16. Pirog, I.I. (2015) Argumentation in terms of cognitive operations. Karazins`ki chy`tannya: Lyudy`na. Mova. Komunikaciya.: Tezy` dopovidej XIV nauk. konferenciji

z mizhnarod. uchastyu – Karazin readings: Person. Language. Communication. Proc. 14th scientif. conference with international participation. Kharkiv, 182-183 (in Ukrainian).

Popova, Z.D. (2007). *Kognitivnaja lingvistika [Cognitive Linguistics]*. Moscow: AST: Vostok-Zapad (in Russian).

Radziyevs`ka, T.V. (2010). *Tekst yak zasib komunikaciyi: [monografiya] [Text as a means of communication]*. Kyiv: Inform. analit. agentstvo.

Samarina, I.V., & Pohlebina A.A. (2013). Pragmatika mul'tiplikacionnogo diskursa [Pragmatics of multicomcommunicational discourse]. *Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika: Sbornik nauch. trudov. – Personality, speech and juridical practice: Collection of scientific works, 16*. Rostov-n/D, 183-186 (in Russian).

Santos, A., Chaigneau, S.E., Simmons, W.K., & Barsalou, L. W. (2010). *Property generation reflects word association and situated stimulation*. Available from: www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/

Telija, V.N. (1986). Konnotativnyj aspekt nominativnyh edinic [Connotative aspect of nominative units]. Moscow State University: Prosveshhenie (in Russian).

Thomas, R. F. (1986). Virgil's "Georgics" and the art of reference. *Harvard Studies in Classical Philology, 90*, 71-98.

Shevchenko, I.S. (2006). Podhody k analizu koncepta v sovremennoj kognitivnoj lingvistike [Approaches to the analysis of concept in modern cognitive linguistics]. *Visnik Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin National Univ. Messenger, 725*, 192-195.

Vorkachev, S.G. (2003). Koncept kak "zontikovyj termin" [Concept as an "umbrella" term]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija – Language, conscious, communication. M.: Gnozis. 24, 24*, 5-12 (in Russian).

Voronushkina, O.V. (2014). Vidy skrytyh smyslov i sposoby ih jeksplikacii [Types of hidden senses and means of their explication]. *Vestnik Altajsk. gos. ped. un-ta. – Altay State Pedagogical Univ. Messenger, 21*, 62-67 (in Russian).

Кузнецова Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и современных технологий обучения Житомирского государственного университета имени Ивана Франко (ул. Большая Бердичевская, 40, Житомир, 10008, Украина); e-mail: mleadummin@gmail.com

УДК 811.111'373'42:159.91.001.361(043.3)

**АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ**
Е.П. Матузкова (Одесса, Украина)

Матузкова Е.П. Английская идентичность как лингвокультурный феномен: когнитивно-дискурсивный аспект. В статье сформулированы методологические принципы изучения коллективной идентичности как лингвокультурного феномена, что служит основанием выдвижения новой целостной теории лингвокультурной коллективной идентичности как когнитивно-дискурсивного продукта саморефлексии и внешней рефлексии членов социума. В фокусе исследования – когнитивно-дискурсивный аспект лингвального воплощения лингвокультурного феномена английской коллективной идентичности в англоязычном документальном дискурсе. Проанализированы существующие классификации идентичности и разработана авторская модель системно-структурной организации идентичности. Выделены основные междисциплинарные лингвистические подходы к изучению идентичности – коммуникативно-функциональный, когнитивно-лингвистический и когнитивно-дискурсивный. С учётом современного научного знания уточнён категориальный аппарат современной лингвокультурологии, обоснованы теоретико-методологические принципы когнитивно-дискурсивного лингвокультурологического подхода к изучению идентичности и введены понятия индивидуальной и коллективной лингвокультурной идентичностей. Реконструирован лингвокультурный гиперконцепт **АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ** как вариант когнитивно-дискурсивного описания любой этнокультурной коллективной идентичности.

Ключевые слова: английская идентичность, дискурс английской идентичности, идентичность, когнитивно-дискурсивный подход, лингвокультурная идентичность, лингвокультурный гиперконцепт, междисциплинарная категория.

Матузкова О.П. Англійська ідентичність як лінгвокультурний феномен: когнітивно-дискурсивний аспект. У статті сформульовано методологічні принципи вивчення колективної ідентичності як феномену, що слугує підґрунтям висунення нової цілісної теорії лінгвокультурної колективної ідентичності як когнітивно-дискурсивного продукту рефлексії соціуму. Виокремлено хронологічні етапи історико-поняттєвого становлення ідентичності як наукового поняття, а також уніфіковано й описано провідні загальногуманітарні міждисциплінарні науково-методологічні підходи до вивчення ідентичності. На підставі авторської моделі системно-структурної організації ідентичності сформульовано базове визначення ідентичності як міждисциплінарної категорії. Окреслено основні міждисциплінарні лінгвістичні підходи до вивчення ідентичності – комунікативно-функціональний, когнітивно-лінгвістичний, когнітивно-дискурсивний та введено поняття індивідуальної й колективної лінгвокультурної ідентичностей. Реконструйовано лінгвокультурний гіперконцепт **АНГЛІЙСЬКА ІДЕНТИЧНІСТЬ** як варіант когнітивно-дискурсивного опису будь-якої етнокультурної колективної ідентичності; параметризовано дискурс англійської ідентичності як простір вербалізації цього гіперконцепту; розглянуто і проаналізовано особливості вербалізації та дискурсивної актуалізації даного гіперконцепту.

Ключові слова: англійська ідентичність, дискурс англійської ідентичності, ідентичність, когнітивно-дискурсивний підхід, лінгвокультурна ідентичність, лінгвокультурний гіперконцепт, міждисциплінарна категорія.

Matuzkova O.P. English Identity as Linguocultural Phenomenon: Cognitive-Discursive Aspect.

The work formulates research methodology of collective identity as linguocultural phenomenon thus advancing a new holistic theory of linguocultural collective identity as a cognitive-discursive result of society reflection. The thesis singles out chronological periods of identity conceptual evolution, describes the major interdisciplinary scientific-methodological approaches to identity, builds a model of identity systemic and structural organization and suggests a basic definition of identity as an interdisciplinary category. It also outlines leading interdisciplinary linguistic approaches to identity – communicative-functional, cognitive-linguistic and cognitive-discursive; defines individual and collective linguocultural identities; constructs linguocultural hyperconcept ENGLISH IDENTITY as a model for cognitive-discursive description of any ethnic-cultural collective identity and typifies the discourse of English identity in which this hyperconcept is verbalized. The research proves that modern English identity is not a national or ethnic construct, but first and foremost linguocultural, based on the system of dominant key values: courtesy, domesticity, fair play, liberty, moderation and humour.

Key words: cognitive-discursive approach, English identity, English identity discourse, identity, interdisciplinary category, linguocultural hyperconcept, linguocultural identity.

Идентичность – сложный и многосторонний феномен, интегрирующий в единое целое культурный, ментальный, социальный, коммуникативный и языковой аспекты. Все ее многочисленные и сегодня уже труднообозримые определения так или иначе сводятся к тому, что идентичность индивида или группы создается обществом, в котором они живут, культурой, к которой они принадлежат, языком, которым они пользуются в ходе своей мыслительной и коммуникативной деятельности.

1. Постановка проблемы

Проблематика, обозначаемая сегодня как «проблематика идентичности», занимала значительное место в работах многих психологов, социологов и философов еще с начала XX века. Становление идентичности как научного понятия в течение XX века проходило в трех эпистемологических парадигмах: философской, психоаналитической и социологической. В *логике, неклассической и постклассической философии* формирование понятия «идентичность» неразрывно связано с проблематикой таких понятий как «тождество», «различие», «индивидуальность», «личность», «личностность» и «другой» (Т. Адорно, М. Бахтин, Е. Гуссерль, Ж. Делез, Ж. Деррида, С. Кьеркегор, Э. Левинас, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер и многие другие). В *психологии, социальной психологии, социологии и культурной антропологии* становление данного понятия проходило в русле эволюции понятий «Я», «личность», «самость», «самосознание», «бессознательное», «личностное самоопределение» и др. (У. Джеймс, Дж. Келли, Ч. Кули, Ж. Лакан, Дж. Мид, З. Фрейд, Е. Фромм, Е. Эриксон и мн. др.).

В научной парадигме XXI века актуальные вопросы идентичности разрабатываются не столько в рамках узкоспециальных теорий и концепций, сколько в русле **междисциплинарных** научных теорий и подходов, зародившихся и формировавшихся в XX веке. Доминирующими общегуманитарными научными подходами к изучению идентичности сегодня являются *психоаналитический* (Е. Белинская, Д. Зиммер, Э. Олсон, В. Соснин и мн. др.), *социологический* (В. Агеев, В. Гекас, Л. Дробижева, Д. Сноу, В. Хотинец и мн. др.), *когнитивный* (Т. Водолажская, У. Дойз, А. Квятковска, К. Макгартти, Р. Пенни, Г. Солдатова и мн. др.) и *конструкционистский* (Г. Андреева, М. Дуглас, Н. Иванова, Т. Румянцева, Т. Стефаненко, Ф. Франселла и мн. др.). В каждом из этих подходов идентичность получает многочисленные и разнообразные интерпретации.

Проблематика исследований идентичности в *лингвистических студиях* (главным образом, в зарубежных) также разнопланова и многовекторна. Ученые обращаются к решению проблем соотношения языка и идентичности, идентичности и дискурса, к методологическим подходам к изучению идентичности (Л. Енина, М. Макаров, К. Mendoza-Denton и др.), а также к особенностям языкового отражения, формирования и конструирования *индивидуальной* (Т. Бородина, С. Гарагуля, Н. Герман, Е. Катанова, М. Макаров, М. Школовая, Р. Harre и др.); *коллективной* (Е. Бурда-Лассен, Дж. Джозеф, С. Попов, К. Liebhart, М. Reisig, D. Washbrook, R. Wodak и др.); *региональной* (Н. Купина, О. Михайлова, Р. Corfield и др.); *гендерной* (Е. Грищенко, Е. Ощепкова, А. Ермолаев, D.Cameron, Р. Eckert и др.), *культурной* (Ю. Бовкунова, П. Быков, Л. Гришаева, Л. Цурикова, Р. McIlvenny и др.) и *этнической* (И. Валуйцева, А. Донцов, Е. Селиванова, Ж. Уталиева, G. Fishman, G. Jackson, R. Le Page, A. Tabouret-Keller и др.). Значительное место также занимают исследования, связанные с особенностями репрезентации английскости, английской этничности/этнической идентичности (М. Цветкова, Th. Turville-Petre, A. Wierzbicka и др.).

Идентичность как комплексное понятие и многогранный феномен сегодня все чаще становится объектом исследования различных лингвистических дисциплин и лингвистических направлений (социолингвистики, психолингвистики, этнопсихолингвистики, лингвопрагматики, когнитивной лингвистики, гендерной лингвистики / лингвистической гендерологии, лингвоконцептологии, антропологической лингвистики, межкультурной коммуникации, дискурсологии, лингвокультурологии). При этом, как показывает наш обзор таких лингвистических студий, в некоторых из них прослеживается тенденция междисциплинарного рассмотрения феномена идентичности не только в рамках коммуникативно-функциональной (прагматической) и когнитивной парадигм, но и в рамках их (парадигм) тесной взаимосвязи. Такой синтез обуславливает зарождение междисциплинарного *когнитивно-дискурсивного подхода* к изучению идентичности в русле новой когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Однако следует отметить, что междисциплинарность рассмотрения идентичности наряду с новыми перспективами и возможностями, может привести к размыванию предметной сферы и методологии исследования, особенно на текущем этапе формирования лингвистической междисциплинарной теории идентичности. В этой связи применение комплекса лингвистических дисциплинарных подходов неизбежно предполагает доминирование одного или двух в рамках их тесной взаимосвязи. Идентичность является не только когнитивно и коммуникативно конструируемой сущностью, но и культурным феноменом, поэтому в нашей концепции она исследуется как когнитивно-дискурсивная *лингвокультурологическая* категория.

Актуальность когнитивно-дискурсивного лингвокультурологического исследования идентичности не вызывает сомнений. Несмотря на то, что описание проблемы «язык – культура – сознание» имеет давнюю традицию, многие аспекты изучения этой триады продолжают оставаться открытыми для научного познания как в общетеоретическом плане, так и в прикладном. Кроме того, все новые обстоятельства развития современных социокультурных процессов, резко возросшие в наше время глобализационные контакты стран и народов и освещение в гуманитарных науках возникающих в связи с этим проблем обуславливают

включение темы «язык – культура – сознание – идентичность» в число важнейших общезыковедческих проблем и задают новые векторы исследований в этом направлении. Теоретическое осмысление принципов взаимодействия составляющих указанной цепочки приобретает немаловажное значение. Этим, в частности, объясняется и небывалое развитие антропологически ориентированных лингвистических наук и областей знания, среди которых ведущие позиции, по признанию многих, занимает лингвокультурология (Н. Алефиренко, С. Воркачёв, В. Воробьев, В. Красных, В. Маслова, В. Телия и мн. др.).

Актуальность темы статьи определяется расширением круга научных интересов украинских учёных, эволюцией языкознания, появлением в его парадигме новых *междисциплинарных* направлений, в том числе формированием целостной теории идентичности, методологические принципы которой в украинской лингвистике только начинают разрабатываться. Интерес современной украинской германистики к изучению проблем взаимодействия языка, культуры, сознания и идентичности, а также важная роль коллективной этнокультурной идентичности в современной жизнедеятельности общества также объясняют актуальность выбора темы статьи. Исследование языковых способов отображения и конструирования английской коллективной идентичности в современной англоязычной документальной прозе является проблемой новой и совершенно не разработанной в теоретико-методологическом и прикладном аспектах.

Объектом исследования является английская идентичность в социогуманитарной, в частности лингвокультурологической парадигме XXI века.

Предметом исследования выступает когнитивно-дискурсивный аспект лингвального воплощения лингвокультурного феномена английской коллективной идентичности в англоязычной документальной прозе.

Материалом исследования послужили 8000 дискурсивных фрагментов, отобранных методом сплошной выборки из текстов последних трёх десятилетий, в которых вербализуется результат саморефлексии (самоидентифицирующие фрагменты – англичане о себе) и внешней рефлексии (внешнеидентифицирующие фрагменты – не англичане о них) об английской идентичности.

Целью статьи является системное описание современной английской коллективной идентичности как лингвокультурного феномена и конструирование когнитивно-дискурсивной модели английской коллективной идентичности, обоснование целостной теории коллективной лингвокультурной идентичности, трактуемой как когнитивно-дискурсивный продукт саморефлексии и внешней рефлексии членов социума, входящих/ не входящих в данное этнокультурное сообщество.

Методологическую базу нашей работы формируют актуальные научные принципы антропоцентризма, междисциплинарности и релятивизма, а также когнитивный и конструкционистский общегуманитарные подходы к изучению идентичности. Данные подходы позволяют более полно выявить механизмы формирования и трансформации идентичности в условиях современного общества, роль самого субъекта (индивида или общности) в создании определённых идентичностей, взаимосвязь индивидуального и коллективного, сознательного и бессознательного, категоризации, концептуализации и сравнения, обеспечивающих

формирование и функционирование идентичности, а также точнее описать коллективный аспект идентичности.

Исследовательская методика диссертации также развивает идеи отечественных и зарубежных представителей когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы (Л. Белехова, О. Воробьёва, И. Колегаева, О. Кубрякова, В. Красных, А. Мартынюк, С. Потапенко, И. Шевченко и др.), коммуникативно-функционального, когнитивно-лингвистического и когнитивно-дискурсивного подходов к изучению идентичности (С. Гарагуля, Е. Горошко, Д. Камерон, С. ЛаБель, М. Макаров, Е. Селиванова, Г. Яворская, Р. Хадсон, Д. Уошбрук и др.), опираясь на базовые положения лингвокультурологии и межкультурной коммуникации (Н. Алефиренко, К. Баркер, С. Воркачëв, Л. Гришаева, Д. Келлнер, В. Карасик, В. Маслова, А. Приходько, В. Телия, Э. Холл, Я. Цурикова и др.).

2. Идентичность: определение и классификация

Введение термина «идентичность» в широкий междисциплинарный научный обиход и актуализация проблематики идентичности в социогуманитарном знании XX–XXI веков были связаны с изменением социокультурной реальности в постмодернистских обществах второй половины XX века с их постсовременной культурой и особым, уникальным мировосприятием постмодернистского типа личности.

Включение дискурса идентичности в сферу социогуманитарного знания было обусловлено, помимо прочего, и усилением интегративных тенденций в научном познании, его гуманитаризацией и антропоцентризмом. Идентичность из узкодисциплинарного понятия постепенно превращается в междисциплинарную категорию, получая в XXI веке новый понятийный статус. В эволюции идентичности как научного понятия на протяжении XX–XXI веков прослеживаются четыре этапа: артикуляция понятия (1900–1960), актуализация понятия (1960–1980), универсализация понятия (1980–2000); категоризация понятия (2000 – по настоящее время).

Идентичность как сложный и многогранный феномен получает многочисленные и разнообразные интерпретации в различных теориях, гуманитарных дисциплинах и ведущих общегуманитарных междисциплинарных подходах – психоаналитическом, социологическом, когнитивном и конструкционистском. В определениях идентичности в рамках конструкционистского подхода синтезируется эволюция основных положений всех других общегуманитарных подходов к изучению идентичности, что позволяет рассматривать конструкционистский подход как ведущий методологический вектор современной теории идентичности. Следует отметить, что множественность научных интерпретаций идентичности иллюстрирует до сих пор нерешенную, глобальную проблему общей теории идентичности, проблему, связанную с необходимостью выработки унифицированного и ясного определения идентичности как в рамках каждого из междисциплинарных подходов, так и в рамках отдельных социогуманитарных дисциплин, в которых идентичность сегодня является базовым понятием.

Авторское понимание идентичности как феномена и научного понятия базируется на анализе проблематики классификации идентичности, её структуры и системных характеристик, построении модели системно-структурной организации

идентичности, на основании которой вводится комплексное определение идентичности, рассматриваются основные черты современной идентичности, и обосновывается разделение терминов «идентичность» и «идентификация».

Идентичность как система имеет определенную структуру, остающуюся неизменной при любых изменениях системы. Выделение основных структурных уровней идентичности весьма относительно в силу их тесной взаимосвязи, но методологически необходимо, поскольку позволяет сформулировать базисное определение идентичности. В нашей работе предлагаются три структурных уровня идентичности: индивидуально-коллективный, субъектно-объектный и когнитивно-эмоциональный.

Индивидуально-коллективный уровень представлен двумя структурными компонентами: индивидуальной идентичностью и коллективной идентичностью. Индивидуальная идентичность – осознание себя как уникальной личности и как члена группы, которая значима для индивида. Коллективная идентичность касается специфики существования и развития общности как целостности. *Субъектно-объектный уровень* включает два структурных компонента: самоидентичность и внешнюю идентичность. Осознание субъектом себя как того, кто обладает определенными идентифицирующими характеристиками, есть суть самоидентичности, подтверждение (или отрицание) этого «обладания» со стороны окружающих (значимых других) составляет суть внешней идентичности. *Когнитивно-эмоциональный структурный уровень* идентичности является синтезом когнитивного и эмоционально-ценностного компонентов, во взаимодействии которых проявляется функциональная целостность как индивида, так и коллектива.

Идентичность, тем самым, определяется как результат осведомленности и эмоционального оценивания (когнитивно-эмоциональный уровень) субъектом индивидуально-групповых и коллективных характеристик (индивидуально-коллективный уровень), подтвержденных (или нет) значимыми другими (субъектно-объектный уровень), при конструировании образа себя, группы и окружающего мира на основе значимых идентифицирующих, в том числе группоинтегрирующих и групподифференцирующих признаков.

Идентичность формируется в ходе когнитивно-эмоционального процесса осмысления субъектом (индивидом или группой) своей целостности, то есть индивидуальности личности и ее принадлежности к социальной группе или единства коллективной общности. Благодаря этому реализуется отождествление субъектом себя с другими объектами (другими «Я», группами) или коллективная целостность общности. В результате возникает тождественность индивида самому себе (индивидуально-личная идентичность), его тождественность с группой (индивидуально-социальная идентичность) и тождественность самого коллектива (коллективная идентичность).

Идентичность выступает в качестве иерархически организованной структуры, в которой соединяются и взаимодействуют разнообразные характеристики, образующие систему видов, подвидов и разновидностей.

Индивидуальная идентичность условно подразделяется на два взаимосвязанных и взаимозависимых вида, определяющих ее как систему: личную идентичность и социальную идентичность. *Личная идентичность* является результатом когнитивно-эмоционального конструирования индивидом своей индивидуальной

тождественности и целостности, подтвержденной другими. *Социальная идентичность* предстает в нашей классификации как результат когнитивно-эмоционального конструирования индивидом своей тождественности с группой/общностью. *Половую, возрастную и гендерную идентичности* определяем как виды личной идентичности, подвиды индивидуальной идентичности и разновидности идентичности в целом. *Национальную, этническую, политическую, гражданскую, классовую, профессиональную, религиозную и т.д.* идентичности относим к видам социальной либо коллективной идентичностей и разновидностям идентичности как родового термина.

Коллективная идентичность рассматривается как результат когнитивно-эмоционального конструирования коллективом своей тождественности на основе комплекса группоидентифицирующих признаков, обеспечивающих взаимозависимость и взаимосвязь членов такого коллектива, его целостность и единство. Коллективная идентичность находит свое проявление в идентичностях отдельных индивидов и складывается из таких идентичностей.

В результате анализа научного дискурса идентичности были выделены следующие её отличительные *черты*: множественность, альтернативность, прерывность, динамичность, незаконченность, иллюзорность, неуловимость, сложность и противоречивость. Феномен идентичности характеризуется как многогранное явление, толкование и научное определение которого задается соответствующими подходами и теориями, как узкоспециальными, так и междисциплинарными, а также концепциями отдельных ученых.

В нашем исследовании мы четко разграничиваем понятия «идентичность» и «идентификация». *Идентификация* рассматривается как когнитивно-эмоциональный механизм формирования идентичности, благодаря которому осуществляется конструирование субъектом своей тождественности. *Индивидуальная идентификация* – это механизм формирования личной и социальной идентичностей в процессе социализации и инкультурации индивида в основе которого лежит уподобление и/или отождествление (механизмы деятельности самосознания). *Коллективная идентификация* представляет собой механизм формирования и сохранения коллективного самосознания и коллективной идентичности, в ходе которого осуществляется сопоставление и/или сравнение с другими коллективами и формируется тождественность (~ идентичность) коллектива.

3. Идентичность и язык

В социогуманитарном знании XX века вопросы соотношения идентичности и языка возникли с зарождением самой теории идентичности. Признание определяющей роли языка в формировании и функционировании идентичности, ее качественно новое «языковое» и текстуальное осмысление в контексте антиэкзистенциалистских философско-методологических подходов (М. Фуко, К. Баркер, К. Мерсер, С. Холл и др.) способствовали активизации исследований этого многогранного феномена в современной лингвистике.

Несмотря на многоплановость и разновекторность лингвистических исследований идентичности, всех их объединяет несколько основополагающих положений. Во-первых, эти исследования объясняют, каким образом язык конструирует различные проявления идентичности и как, в свою очередь, он их

отражает. Во-вторых, в них фокусируется внимание на том, как языком создаются и в языке отражаются большие и малые социальные категории и группы (возраст, гендер, нация, этнос, класс и т.д.). В-третьих, изучение взаимосвязи языка и идентичности также помогает понять, каким образом концептуализируется социальный мир, окружающий человека. И, наконец, все эти исследования стремятся объяснить, как с помощью идентичности человек определяет свою индивидуальную и коллективную «отличность», и как, определив ее, использует язык для того, чтобы занять свое место в социокультурном пространстве, а другим отвести их место.

В то же время анализ лингвистических работ по проблемам идентичности позволяет выявить ряд существенных «сквозных» пробелов, наличие которых очерчивает перспективы дальнейшего комплексного изучения этого многогранного феномена. Во-первых, в работах по идентичности зачастую нет четко выработанной и научно обоснованной методологии лингвистических исследований этого феномена, даже если таковая и декларируется. Причем речь идет об отсутствии методологии как в рамках лингвистики в целом, так и в границах отдельных лингвистических областей и направлений. Во-вторых, в лингвистических работах нередко игнорируются философские и социогуманитарные основы идентичности как феномена индивидуального и коллективного сознания и как соответствующей научной категории. Это проявляется в использовании ложных принципов разграничения видов и разновидностей данного явления, в некорректной трактовке его структурной и системной организации, в смешении понятий «идентичность» и «идентификация» и т.д. Все это приводит к использованию различных по своей сути понятий как взаимозаменяемых, к терминологической неясности и непоследовательности, а в итоге к несостоятельности и неубедительности некоторых заключений и обобщений.

Вместе с тем однобокость и ограниченность исследований идентичности рамками исключительно одной лингвистической области или дисциплины тормозит развитие лингвистического научного дискурса идентичности. Анализ конкретного материала, несомненно, продуктивен и оправдан, особенно в начале становления лингвистической теории идентичности. Но все же законы эволюции современного научного знания, междисциплинарность самого объекта изучения требуют перехода к следующему этапу – изучению идентичности как междисциплинарной лингвистической категории.

Сложность и многогранность феномена идентичности неизбежно предполагает соответствующий фокус его рассмотрения с применением комплекса различных дисциплинарных подходов. Такие лингвистические научно-методологические подходы находятся в стадии зарождения и становления, в них в разной степени апробируется методика общегуманитарных подходов к изучению идентичности.

Коммуникативно-функциональный (или в другой терминологии – коммуникативно-дискурсивный) подход методологически базируется на социологическом и конструкционистском общегуманитарных междисциплинарных подходах к изучению идентичности. Исследования в рамках данного лингвистического подхода проводятся на стыке таких лингвистических дисциплин и направлений, как коммуникативная лингвистика, лингвопрагматика, социолингвистика, гендерная лингвистика, дискурсология, лингвистика текста,

лингвокультурология и межкультурная коммуникация (Е. Горошко, М. Макаров, М. Школова, Г. Яворская и др.).

Идентичность как коммуникативно-функциональная (коммуникативно-дискурсивная) категория рассматривается в качестве коммуникативно-конструируемой сущности, которая возникает и формируется в результате различных коммуникативных процессов в различных типах дискурса, ими же конструируется и в них репрезентируется. Соответственно, подчеркивается ее «языковая», intersubъектная, интеракциональная, деятельностная природа.

Другим проявлением общегуманитарных междисциплинарных подходов к рассмотрению идентичности служат исследования в рамках *когнитивного лингвистического подхода*, осуществляемые на стыке таких лингвистических дисциплин, как когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, когнитивная семантика, психо- и этнолингвистика, психосемантика (С. Гарагуля, В. Наумов, В. Карасик, Е. Селиванова, И. Шалина и др.). Следует отметить, что в таких исследованиях идентичность в редких случаях оказывается объектом непосредственного изучения. Зачастую проблематика идентичности лишь косвенно затрагивается в фокусе векторных направлений современной когнитивистики (изучение языковой личности, языковой картины мира, соотносённости языка и национального/этнического сознания, исследование концептов, принадлежащих коллективному когнитивному пространству и т.п.), становясь своеобразным «углом зрения», под которым рассматривается то или иное явление.

Значимость изучения феномена идентичности в когнитивном ключе несомненна, так как позволяет выделить его сущностные характеристики и установить закономерности его взаимосвязи с ментальными процессами концептуализации, категоризации, идентификации и т.п. Такие исследования вносят свой вклад в перспективу выработки комплексной лингвистической теории идентичности и задают векторы становления междисциплинарного когнитивного подхода к изучению идентичности.

Исследования идентичности междисциплинарны не только в каждой из двух доминирующих сегодня в лингвистике научных парадигм – коммуникативно-функциональной и когнитивно-лингвистической, но и в рамках их тесной взаимосвязи. Синтез этих двух парадигм в немногочисленных исследованиях идентичности последних десятилетий (Е. Катанова, Т. Сазонова, Т. Баранова) свидетельствует о том, что в современной лингвистике в русле становления новой когнитивно-дискурсивной парадигмы зарождается межпарадигмальный *когнитивно-дискурсивный лингвистический подход* к изучению феномена идентичности.

4. Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая категория

Тема «язык – культура – сознание – идентичность» без сомнений входит в число важнейших общезыковедческих проблем современности. Поскольку идентичность является не только когнитивно и коммуникативно конструируемой сущностью, но и, прежде всего, культурным феноменом, в нашей концепции она исследуется как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая категория. Интегративный характер лингвокультурологии, которая базируется на достижениях психологии, культурологии, психолингвистики, этнопсихолингвистики, социолингвистики,

когнитивной лингвистики, лингвострановедения, лингвосинергетики и других наук, позволяет наиболее полно описать идентичность как сложный продукт сопряжения языка, культуры и сознания. Подобный фокус изучения идентичности составляет основу нового межпарадигмального когнитивно-дискурсивного лингвистического подхода к изучению идентичности.

Культура понимается в работе как сверхсложная, интегративная, неустойчивая, целостная система, в определенной своей сущности предстающая в виде информационной структуры. Культура представляет собой духовный опыт человека, отдельных человеческих сообществ и всего человечества в целом. Содержание такого опыта составляют ценностные смыслы вещей, процессов, явлений, отношений и действий, выраженные в специфических знаках и знаковых системах. Культура как системный феномен высшей степени абстракции, как совместно используемая информация имеет сложную специфику актуализации в реально существующих культурных системах.

Каждая конкретная культура существует в неразрывном взаимодействии двух форм ее бытия – *объективной и субъективной*, что обеспечивает ее идентичность и, значит, самосохранение и самобытность при всех изменениях в нормативно-ценностной и смысловой сферах. Идентичность здесь выступает как существенное и относительно константное проявление и, соответственно, осмысление тех культурно-ценностных доминант данного общества, которые оказываются функционально необходимыми в процессе его развития. Это и есть тот «иммунитет», который вырабатывает каждая из культур в процессе диалога с другими культурами и с «метакультурой» в целом.

Идентичность всегда бывает культурной идентичностью. Исходя из этого неоспоримого постулата, *культурную идентичность* трактуем не как вид идентичности, а как модальность ее существования, необходимую составляющую идентичности вообще, индивидуальной и коллективной, в частности, а также каждого из ее видов и разновидностей.

Несмотря на то, что индивидуально-личная, индивидуально-социальная и коллективная культурные идентичности тесно взаимосвязаны, соответствующие понятия не являются тождественными и взаимозаменяемыми и поэтому должны быть методологически чётко разведены. *Индивидуально-личная культурная идентичность* определяется нами как целостный образ самого себя, слитый с культурой в ее универсальной и локальной диалогичности. *Индивидуально-социальная, или социокультурная идентичность* представляет собой результат когнитивно-эмоционального процесса осмысления индивидом социально-принятой системы культурных ценностей и отождествления себя с этой системой.

Коллективная культурная идентичность – это самосознание общности, которое выступает как динамическая информационно-знаковая система и является результатом саморефлексии общности, т.е. конструирования и представления общности как самобытного целого в единстве культурных ценностей, норм, установок и стереотипов.

В основе предлагаемого в нашей работе понятия «*лингвокультурная идентичность*» лежит положение о том, что лингвокультурная идентичность представляет собой единство коллективного и индивидуального, которые существуют в постоянном диалоге друг с другом. *Индивидуальную лингвокультурную*

идентичность можно рассматривать как результат когнитивно-эмоционального процесса осмысления, усвоения и принятия культурнозначимой информации, кодированной языком и им создаваемой в ходе познания действительности индивидом – представителем определенной лингвокультуры. Такое овладение ценностно-смысловым пространством языка формирует постоянные характеристики языкового сознания и коммуникативного поведения, которые, в свою очередь, определяют тип личности, а значит и идентичность, и в этом смысле выступают как доминанты сознания и поведения, образующие общую систему ценностно-смысловых доминант дискурсивной деятельности человека.

Коллективная лингвокультурная идентичность может рассматриваться как одна из форм коллективной тождественности определенной лингвокультуры. Это многоуровневая ментально-лингвальная динамическая система, возникающая как результат саморефлексии общности в ходе конструирования и представления её единства как самобытного целого на основе культурных ценностей и с помощью языка. Если рассматривать лингвокультуру как комплекс языковых единиц, заполняющих ценностно-смысловое пространство языка определенного этнокультурного сообщества, то *лингвокультурную коллективную идентичность* можно представить как систему ценностно-смысловых доминант лингвокультурного пространства соответствующей общности, воплощенных в языке и им создаваемых.

В лингвокультурной идентичности как модальности этнической или национальной идентичностей, язык, культура, ментальность выступают в роли основных группоинтегрирующих признаков, т.е. выполняют ведущую идентифицирующую функцию.

Лингвокультурная модальность всегда присутствует во всех проявлениях идентичности, любая идентичность лингвокультурна.

Значимость изучения лингвокультурной идентичности несомненна и актуальна, поскольку серьезных лингвистических исследований такого плана практически нет ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике. Будучи приверженцами антропоцентрического и диалогического исследовательских подходов, мы глубоко убеждены в том, что индивидуальное и коллективное сознание как два типа антропной проекции мира неразрывны и взаимосвязаны, и это следует учитывать при исследовании языка и речи. Однако, изучение коллективного сознательного/бессознательного, отраженного в языке и культуре, может дать значительно больше информации про особенности отдельного человека. Именно поэтому, а также в силу полного отсутствия в лингвистике подобных исследований, для нас в первую очередь интересен феномен *коллективной лингвокультурной идентичности*, её сущность, условия сохранения устойчивости и возможности её трансформаций, факторы и языковые механизмы формирования, осознания и отражения такой идентичности и многие другие проблемы. Некоторые из них мы рассмотрим далее на примере английской коллективной идентичности.

5. Английская коллективная идентичность как когнитивно-дискурсивная категория

Для обозначения английской самобытности в современной документальной литературе используются как взаимозаменяемые несколько понятий – «английскость» (*Englishness*), «английское национальное самосознание» (*English nationalism*),

«английская идентичность» (*English identity*), «английская национальная идентичность» (*English national identity*), «английская культурная идентичность» (*English cultural identity*), «английская этническая идентичность» (*English ethnic identity*) и т.д. Все эти понятия тесно переплетены и взаимосвязаны, поэтому в литературе в последнее время конкретные воплощения национальной и/или этнической идентичности все чаще называются «русскостью», «английскостью» и т.д. Английскость при этом превращается в довольно широкое и емкое понятие, которое может ассоциироваться как с этническим, так и национальным аспектом. Вышеупомянутые понятия, однако, не являются тождественными.

В английской коллективной идентичности отражается синергетическое сопряжение языка, культуры и коллективного языкового сознания. Понятие «английская коллективная идентичность» не может полностью отождествляться с понятием английскости (*Englishness*). Как нам представляется, оно более широко по объему. Это не только типичные характеристики Англии, её культуры и английского национального характера – того, что обычно включается в понятие «английскость». Это не столько общность знаний и представлений, воплощённых в образе Родины и самих себя, сколько **квинтэссенция сопряжения** образа Англии и самих англичан (себя), образа других (отличных от англичан), а также образа Англии и англичан в глазах других в ценностном и языковом измерениях.

Единицей лингвокультурологического описания английской коллективной идентичности служит лингвокультурный гиперконцепт **АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ** – иерархически организованная многоуровневая концептуальная система гиперонимического типа, объективируемая в дискурсе разнообразием языковых форм, в которой макроконцепты высшего уровня абстракции в результате дискурсивного развёртывания не только модифицируются сами, но и генерируют развитие концептов и субконцептов более низкой степени абстракции. Основными признаками данного лингвокультурного гиперконцепта являются предельная этнонимичность и этномаркированность; высокая номинативная плотность; двойственный характер имен гиперконцепта, обусловленный наличием в их семантике логико-понятийной и эмоциональной частей; многомерность гиперконцепта, куда входят представления о самой английской идентичности, об английскости, Англии и англичанах; многопризнаковость. Вариативность лингвокультурного гиперконцепта **АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ** проявляется в способности вербализоваться в само- и внешнеидентифицирующих дискурсивных фрагментах разной протяженности широким набором знаков (слов, словосочетаний, высказываний, предложений), между которыми в той или иной пропорции распределены семантические признаки концепта.

Пространством вербализации лингвокультурного гиперконцепта **АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ** является дискурс английской коллективной идентичности, который классифицируется как один из видов дискурса идентичности и рассматривается как вербализованная речемыслительная деятельность, обладающая лингвистическим и экстралингвистическим планами и осуществляемая на английском языке представителями английской (самоидентифицирующий дискурс) и других (внешнеидентифицирующий дискурс) лингвокультурных общностей. *Самоидентифицирующий дискурс* представляет самообраз себя и Англии, то, как англичане описывают себя и свою страну. С другой стороны, это образ других, то, как

англичане описывают других, в отличие от себя, что можно условно обозначить как сравнительно-самоидентифицирующий дискурс. *Внешидентифицирующий дискурс* отражает образ англичан в глазах других общностей, это то, как другие представляют и описывают Англию и англичан.

Значительный интерес представляет изучение реализации дискурса английской коллективной идентичности в одной из его *модификаций* – документальном дискурсе (*non-fiction*). Его можно охарактеризовать как фактографическое, моносубъектное, документированное описание англичан в ситуациях, варьирующихся от научной до сниженно-бытовой. Эта модификация дискурса английской коллективной идентичности представляется оптимальной для анализа языковых средств, которые выполняют своеобразную «моделирующую функцию» [Борботько 2011: 58] при создании дискурсивных образов и, соответственно, для выявления признаков и качеств, входящих в структуру ЛГК АИ: здесь нет художественного вымысла, здесь умеренно используется терминология, личное (эмоционально-оценочное) отношение автора к наблюдаемым фактам либо отсутствует, либо объясняется в самом описании.

Отметим, что термин «документальный дискурс» является производным от общепринятых и тождественных терминов «документальная литература», «документальная проза», «нон-фикшн». Эти термины широко употребляются преимущественно в англоязычной традиции для обозначения речеванровой разновидности дискурса (первый термин) и жанра литературы (остальные термины), для которого характерны сугубо реалистическое и документально точное изложение событий и персонажей через призму образного и эстетического восприятия автора. Как известно, документальная проза включает множество жанров и поджанров или «тем», среди которых – публицистика и очень популярные в английской традиции и не столь распространённые у нас путевые заметки (*travelogue*) и так называемая «страноведческая» (краеведческая) проза или литература (*country studies literature, exploration literature*). Употребление и соотношение терминов «документальный дискурс» и «документальная литература» в нашем исследовании обусловлено обосновываемой в работе двуплановой сущностью дискурса и его типологией: дискурс английской коллективной идентичности как и любой дискурс включает в себя лингвальные и экстралингвальные компоненты и реализуется в тексте, поддающемся непосредственному лингвистическому анализу. Документальный дискурс английской коллективной идентичности как модификация дискурса английской идентичности в нашей работе представляется как дискурс, который реализуется посредством англоязычных документальных текстов, принадлежащих представителям конкретных лингвокультурных общностей.

Исследуемый гиперконцепт объективируется в англоязычном документальном дискурсе идентичности с помощью идентификаторов и идентем (дискурсивные микрофрагменты), идентифицирующих высказываний (дискурсивные фрагменты) и идентифицирующих контекстов (дискурсивные макрофрагменты), представленных словами, словосочетаниями, предикативными высказываниями, предложениями, микротекстами. Анализ предложенных конститuentов дискурса, которые вербализуются лексическими и лексико-синтаксическими единицами разного формата, позволяет выделить и описать особенности конструирования в современном документальном дискурсе главных сущностных признаков лингвокультурного гиперконцепта АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ и, соответственно, основные черты

и доминирующие идентифицирующие признаки английской коллективной идентичности как феномена.

Дискурс английской коллективной идентичности не только воспроизводит содержание и многогранность своего базового понятия «английская коллективная идентичность», но и создаёт, конструирует его, наполняя новым смыслом. Соответственно, «деконструкция» этого понятия состоит в описании содержательного наполнения одноименного гиперконцепта, выявлении его существенных семантических признаков, эмоционально-оценочной окраски и других значимых характеристик.

Сопоставление и обобщение дискурсивных определений английской идентичности в самоидентифицирующем (англичане о себе) и внешнеидентифицирующем (не англичане о них) типах дискурса при всем разнообразии этих определений позволяют сделать следующие выводы относительно *современной* специфики когнитивно-семантического содержания лингвокультурного гиперконцепта АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.

Когнитивно-семантическое содержание лингвокультурного гиперконцепта АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ включает два основных блока: 1) *логико-понятийный* и 2) *эмоционально-оценочный*. Логико-понятийный блок в свою очередь состоит из *характеризующих признаков*, с помощью которых конструируются *черты* феномена английской идентичности, и *конститутивных*, конструирующих идентифицирующие признаки, на основании которых формируется современная английская общность и представление об её идентичности.

Характеризующие признаки гиперконцепта в обоих типах дискурса идентичности представлены следующими основными и тесно взаимосвязанными друг с другом признаками: **ментефактность, герменевтичность, сложность, изменчивость, неуловимость, скрытость, векторность и элективность.**

Среди *конститутивных* признаков исследуемого лингвокультурного гиперконцепта преобладают **психологический, ценностный, поведенческий, языковой, расово-этнический, символический и территориальный**. Однако подобная представленность признаков в концептуальной структуре не отражает значимости всех из них в качестве *ведущих* идентифицирующих признаков *современной* английской общности. Языковой, расово-этнический, территориальный и символический признаки, хотя и являются частотными по упоминанию в дискурсивных фрагментах, классифицируются участниками самоидентифицирующего и внешнеидентифицирующего дискурсов как не актуальные в XXI веке, утратившие свою прежнюю ведущую роль в качестве основных интегрирующих и дифференцирующих идентифицирующих признаков.

Анализ конститутивных признаков лингвокультурного гиперконцепта АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ показал, что сегодняшнее понятие английской коллективной идентичности – это не столько национально-этнический конструкт, обеспечивающий тождественность общности на основе языкового, территориального, расово-этнического, символического, исторического, гражданско-правового (последние два признака вообще не вошли в состав основных в дискурсе) идентифицирующих признаков, сколько лингвокультурный феномен, основанный на ментальном, ценностном и поведенческом единстве членов данной общности. С этой точки зрения, *современная* английская коллективная идентичность как результат

синергетически возникшего сопряжения языка, сознания и культуры является прежде всего **лингвокультурной** идентичностью и определяется как система ценностно-смысловых доминант лингвокультурного пространства английской общности, воплощённых в языке и создаваемых языком.

Ядро ценностного признака лингвокультурного гиперконцепта АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ составляют такие *ключевые* доминанты как **вежливость** (*courtesy*), **гражданские права и свобода** (*liberty*), **прагматизм** (*pragmatism*), **привязанность к дому** (*domesticity*), **умеренность** (*moderation*), **честность** (*fair play*), **юмор** (*humour*). Именно они представляют квинтэссенцию современной английской коллективной идентичности как лингвокультурного феномена и являются главным этнообразующим началом английской лингвокультурной общности.

Семантические признаки, соотносимые с эмоционально-оценочным компонентом лингвокультурного гиперконцепта АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ в дискурсивных идентифицирующих фрагментах не столь многочисленны как логико-понятийные. Отношение англичан к своей идентичности конструируется двумя основными концептуальными признаками: **неуверенность и лояльность** (благожелательное равнодушие), что объясняется английской умеренностью-сдержанностью (*English moderation*) – одной из ценностно-смысловых доминант английской лингвокультуры.

Общепризнано, что исследование какой-либо лингвокультуры носит в том числе и сопоставительный характер и полностью реализует свой эвристический потенциал на фоне «другой» лингвокультуры. Тем самым перспективы дальнейшего изучения заключаются в сопоставлении английской идентичности и украинской, русской, а также других западных идентичностей. Кроме того, интерес представляет и изучение признакового содержания лингвокультурного гиперконцепта АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ в других модификациях дискурса, а также исследование междискурсной, речежанровой и идиостилевой вариативности указанного гиперконцепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко; [2-е изд.]. – М. : Флинта: Наука, 2012. – 288 с.
2. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько; [изд. 4-е]. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.
3. Бородина Т.А. Идентифицирующее высказывание: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания (на материале немецких художественных текстов) : автореф. дис... на оискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т.А. Бородина. – Воронеж, 2008. – 23 с.
4. Воркачев С.Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре : монография / С.Г. Воркачев. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 151 с.
5. Воркачев С.Г. *Singularia tantum*: идеологема «народ» в русской лингвокультуре : монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2013. – 254 с.

6. Герман Н.Ф. Изучение феномена лингвокультурной идентичности языковой личности / Н.Ф. Герман // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. – Вып. 6 (Часть II). Междунар. сб. науч. трудов. – Москва-Пятигорск : Изд-во Пятигорск. гос. лингв. ун-та, 2007. – С. 265–270.
7. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 368 с.
8. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М.В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШД, 1999. – 200 с.
9. Иванова Н.Л. Социальная идентичность: теория и практика / Н.Л. Иванова, Т.В. Румянцева. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 453 с.
10. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2010. – 351 с.
11. Карасик В.И. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
12. Катанова Е.Н. Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на материале амер. и брит. парлам. дебатов): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Катанова Елена Николаевна. – Воронеж, 2009. – 224 с.
13. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
14. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре : монография / В.А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
15. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / А.П. Мартинюк. – Харків : Вид-во ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 194 с.
16. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности / [ред. Л.И. Гришаева, Т.Г. Струкова]. – Воронеж : ВГУ, 2002. – 647 с.
17. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов; [изд. 3-е, исп. и доп.]. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 240 с.
18. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании / М.К. Попова. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 170 с. (Серия «Монография»; Вып. 5).
19. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография / И.В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 472 с.
20. Приходько А.М. Концепти і концептосфери в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
21. Селіванова О.О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке : монографічне видання / О.О. Селіванова. – Черкаси : Ю. Чабаненко, 2012. – 488 с.
22. Шевченко І.С. Проблеми типології дискурсу / І.С. Шевченко, О.І. Морозова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : кол. монографія / [за загальн. ред. Шевченко І.С.]. – Харків : Константа, 2005. – С. 233–236.
23. Школовая М.С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации : дис.... канд. филол. наук : 10.02.19 / Школовая Марианна Сергеевна. – Тверь, 2005. – 150 с.
24. Яворська Г.М. Лінгвістика в дослідженні міждисциплінарних об'єктів (до аналізу колективних ідентичностей) / Г.М. Яворська // Мова. Людина. Світ.

До 70-річчя професора М. Кочергана : зб. наук. статей. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 46–59.

25. Bauman Z. *Identity. Conversations with Benedetto Vecchi* / Z. Bauman. – Cambridge : Polity Press, 2010. – 104 p.
26. Baumann G. *Contesting Culture: Discourses of Identity in Multiethnic London* / G. Baumann. – Cambridge : CUP, 1996. – 216 p.
27. Giddens A. *Modernity and Self-Identity* / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1991. – 256 p.
28. Giles J. *Writing Englishness 1900-1950: An Introductory Sourcebook on National Identity* / J. Giles, N. Middleton. – London and New York : Routledge, 1995. – 285 p.
29. Joseph J. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious* / J. Joseph. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2004. – 268 p.
30. Kumar K. *The Making of English National Identity* / K. Kumar. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 367 p.
31. LaBelle S. *Language and Identity. Introduction* / S. LaBelle // *The language, Society and Power Reader*. Ed. by A. Mooney and others. – London and New York : Routledge, 2011. – С. 291–293.
32. Mendoza Denton N. *Language and Identity* / N. Mendoza Denton // *The Handbook of Language Variation and Change*. – Malden; MA; Oxford, UK : Blackwell, 2002. – 807 p.
33. Wierzbicka A. *English. Meaning and Culture* / A. Wierzbicka. – Oxford : OUP, 2006. – 352 p.

REFERENCES

- Alefirenko, N.F. (2012). *Lingvokul'turologija: cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka: ucheb. Posobie [Linguistic culturology: value-semantic space of language]*. M.: Flinta: Nauka.
- Bauman, Z. (2010). *Identity. Conversations with Benedetto Vecchi*. Cambridge: Polity Press.
- Baumann, G. (1996). *Contesting Culture: Discourses of Identity in Multiethnic London*. Cambridge: CUP.
- Borbot'ko, V.G. (2011). *Principy formirovanija diskursa: Ot psiholingvistiki k lingvosinergetike [Principles of formation of discourse: from psycholinguistics to lingvosinergetike]*. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM».
- Borodina, T.A. (2008). *Identificirujushhee vyskazyvanie: kognitivnyj, semantiko-strukturnyj i funkcional'nyj aspekty opisaniya (na materiale nemeckih hudozhestvennyh tekstov) [Identification of saying: cognitive, semantic, structural and functional aspects of their description (based on German literary texts)]: dis.... kand. filol. nauk synopsis: Voronezh*.
- German, N.F. (2007). *Izuchenie fenomena lingvokul'turnoj identichnosti jazykovej lichnosti [The study of the phenomenon of linguistic identity of the linguistic person]. Aktual'nye problemy kommunikacii i kul'tury. – Actual problems of communication and culture, 6 (Part 2)*
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press.
- Giles, J., & Middleton N. (1995). (Eds.). *Writing Englishness 1900-1950: An Introductory Sourcebook on National Identity*. London and New York: Routledge.

- Grishaeva, L.I., & Curikova, L.V. (2003). *Vvedenie v teoriju mezhkul'turnoj kommunikacii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. Voronezh: VGU.
- Ivanova, N.L., & Rumjanceva, T.V. (2009). *Social'naja identichnost': teorija i praktika* [Social identity theory and practice]. Moscow: SGU.
- Joseph, J. (2004). *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Karasik, V.I. (2010). *Jazykovaja kristallizacija smysla* [Linguistic crystallization of the sence]. M.: Gnozis.
- Karasik, V.I., Prohvacheva O.G. (2005). *Inaja mental'nost'* [A different mentality]. M.: Gnozis.
- Katanova, E.N. (2009). *Funkcional'nyj analiz samoidentificirujushhijh vyskazyvanij (na m-le amer. i brit. parlam. debatov): dis. ...kand. fil. nauk: [Functional analysis of the self-identified statements (on the material of Amer. and Brit. Parliamentary debates): Dr. philol. sci. diss]*. Voronezh.
- Krasnyh, V.V. (2003). «Svoj» sredi «chuzhijh»: mif ili real'nost'? ["Insider" among "outsiders": Myth or Reality?]. M.: ITDGG «Gnozis».
- Kumar, K. (2003). *The Making of English National Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- LaBelle, S. (2011). *Language and Identity. Introduction. In: The language, Society and Power Reader. (Ed. by A. Mooney and others). (pp. 291-293)*. London & New York: Routledge.
- Maslova, V.A. (2007). *Homo lingualis v kul'ture: Monografija* [Homo lingualis inculture: Monograph]. M.: Gnozis.
- Martyniuk, A.P. (2012). *Slovnyk osnovnykh terminiv kohnityvno-dyskursyvnoi linhvistyky. – [Glossary of terms osnovnih cognitive-discursive linguistics.]*. Kharkiv: Vydavnytstvo KhNU imeni V.N.Karazina.
- Mendoza, D. N. (2002). *Language and Identity. In: The Handbook of Language Variation and Change*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Grishaeva, L.I., & Strukova T.G. (Red.). (2002). *Mezhkul'turnaja kommunikacija i problemy nacional'noj identichnosti* [Cross-cultural communication and issues of national identity].– Voronezh: VGU.
- Naumov, V.V. (2010). *Lingvisticheskaja identifikacija lichnosti* [Linguistic identification of the person]. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM».
- Popova, M.K. (2004). *Nacional'naja identichnost' i ee otrazhenie v hudozhestvennom soznanii. [National identity and its reflection in the artistic consciousness]*. Voronezh: VGU.
- Privalova, I.V. (2005). *Interkul'tura i verbal'nyj znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii): Monografija. [Intercultural and verbal mark (Linguocognitive foundations of intercultural communication): Monograph]*. M.: Gnozis.
- Prykhodko, A. M. (2008). *Kontsepty i kontseptosfery v kohnityvno-dyskursyvnoi paradyhmi linhvistyky* [Concepts and concept spheres in a cognitive-discursive linguistic paradigm]. Zaporizhzhia: Premier.
- Selivanova, O.O. (2012). *Svit svidomosti v movi. Myr soznanyia v yazyke* [World Consciousness in the language]. Cherkasy: Iu. Chabanenko.

- Shevchenko, I.S., & Morozova, O.I. (2005). Problemy typolohii dyskursu. red). *Dyskurs yak kohnityvno-komunikatyvnyi fenomen: Kol. Monohrafiia Shevchenko I. S.*(red.). [Problems of discourse typology. In: Shevchenko I. S. (Ed.) *Discourse as a cognitive-communicative phenomenon*]. (pp. 233-236). Kharkiv: Konstanta.
- Shkolovaja, M.S. (2005). *Lingvisticheskie i semioticheskie aspekty konstruirovaniia identichnosti v jelektronnoj kommunikacii. Dis.... kand. filol. Nauk. [The linguistic and semiotic aspects of the construction of identity in the electronic communications. Dr. philol. sci. diss]*. Tver'.
- Vorkachev, S.G. (2013). *Strana svoja i chuzhaja: ideja patriotizma v lingvokul'ture: Monografija [One's own and foreign country: the idea of patriotism in linguoculture]*. M.: INFRA-M.
- Vorkachev, S.G. (2013). *Singularia tantum: ideologema "narod" v russkoj lingvokul'ture: Monografija [Singularia tantum: ideologem "people" in Russian linguoculture]*. Volgograd: Paradigma.
- Wierzbicka, A. (2006). *English Meaning and Culture*. Oxford: OUP.
- Yavorska, H.M. (2006). Linhivistyka v doslidzhenni mizhdystsyplinarnykh ob'iektiv (do analizu kolektyvnykh identychnosti). *Mova. Liudyna. Svit. Do 70-richchia profesora M. Kocherhana. Zbirnyk naukovykh statei. [Linguistics in multidisciplinary studies. In: Language. Person Worls. Devoted to the 70th anniversary of M. Kocherhan]* (pp. 46-59). Kyiv: KNLU.
- Zakovorotnaja, M.V. (1999). *Identichnost' cheloveka. Social'no-filosofskie aspekty [The identity of the person. Social and philosophical aspects]*. Rostov-na-Donu: SKNC VShD.

Матузкова Елена Прокопьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода Одесского национального университета имени И.И.Мечникова (Французский бульвар 24/26, Одесса, 65058, Украина); e-mail: olenamatuzkova@yahoo.com

УДК 81`1:82 – 1 (410.1)

**МЕТАМОРФОЗА В АНГЛИЙСКИХ
 ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XIX–XX ВЕКОВ:
 ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ
 И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ
 О.А. Москвичёва (Херсон, Украина)**

О.А. Москвичёва. Метаморфоза в английских поэтических текстах XIX–XX веков: лингвосемиотический и лингвокогнитивный аспекты. В статье выявлены лингвосемиотические и лингвокогнитивные особенности формирования и специфика функционирования метаморфозы в английских поэтических текстах XIX–XX веков на основе интегрированного подхода. Установлено, что метаморфоза представляет собой тропеическую синтактико-стилистическую фигуру, при помощи которой осуществляется трансформация превращаемого в превращённое при обязательной экспликации причины изменения – каузатора – и предикатов метаморфозы, воплощающих идею превращения, трансформации, возрождения. Семиотичность метаморфозы установлена посредством анализа разных кодов, зафиксированных в её словесных знаках, а когнитивность – реконструкции концептуального пространства метаморфозы. Доказано, что концептуальное пространство метаморфозы наполнено концептами, концептуальными метафорами и метонимиями. Комплексный анализ функционирования метаморфозы в стихотворных текстах английской поэзии XIX–XX вв. позволил выявить текстообразующую, апеллятивную, мирозозидающую, пространствформирующую, семиотическую функции метаморфозы.

Ключевые слова: каузатор, квазиморфоза, когнитивно-семиотическая модель метаморфозы, метаморфоза, превращаемое, превращённое, предикаты метаморфозы, псевдоморфоза.

О.А. Москвичова. Метаморфоза в английських поетичних текстах XIX–XX століть: лінгвосеміотичний і лінгвокогнітивний аспекти. У статті виявлені лінгвосеміотичний і лінгвокогнітивний особливості формування та функціонування метаморфози в английських поетичних текстах XIX–XX століть на основі інтегрованого підходу. Встановлено, що метаморфоза являє собою тропеїчну синтактико-стилістичну фігуру, за допомогою якої здійснюється трансформація перетворюваного в перетворене при обов'язковій експлікації причини зміни – каузатора – і предикатів метаморфози, що втілюють ідею перетворення, трансформації, відродження. Семіотичність метаморфози встановлено завдяки аналізу різних кодів, зафіксованих у її словесних знаках, а когнітивність – реконструкції концептуального простору метаморфози. Доведено, що концептуальний простір метаморфози наповнений концептами, концептуальними метафорами і метоніміями. Комплексний аналіз функціонування метаморфози у віршованих текстах английської поезії XIX–XX ст. дозволив виявити текстотвірну, апеллятивну, світотвірну, просторо формувальну, семіотичну функції метаморфози.

Ключові слова: каузатор, когнітивно-семіотична модель метаморфози, метаморфоза, перетворюване, перетворене, предикати метаморфози.

O.A. Moskvichova. Metamorphosis in Poetic Texts of the English Poetry of the 19–20th Centuries: Linguistic, Semiotic and Cognitive Perspective. The article revealed linguosemiotic and linguocognitive properties of metamorphosis formation and functioning in the 19–20th centuries English poetic texts on the basis of an integrated approach. I have revealed that the metamorphosis as a trope is syntactic-and-stylistic figure, with the helps conversion of the transformable into the transformed with a mandatory explication of the reasons for the change – its cause – and metamorphosis predicates which embody the idea of conversion, transformation, rebirth. The semiotic metamorphosis character is revealed by analyzing different codes represented in its verbal signs, and its cognitive character by reconstruction of the metamorphosis conceptual space. I have proved that the metamorphosis conceptual space consists

of concepts, conceptual metaphors and metonymies. A comprehensive analysis of the functioning of the metamorphosis in the 19–20th centuries English poetic texts revealed text-forming, appellative, world-forming, space-forming, semiotic metamorphosis functions.

Key words: cause, cognitive and semiotic metamorphosis model, metamorphosis, metamorphosis predicates, the transformable, the transformed.

1. Введение

Статья посвящена исследованию лингвокогнитивных и лингвосемиотических особенностей метаморфозы в английских поэтических текстах XIX–XX веков. Основные положения статьи соответствуют научным исследованиям в русле современной когнитивной парадигмы, что и определяет **актуальность** исследования, которая обусловлена новым ракурсом изучения тропов и стилистических фигур, механизмов их формирования и функционирования в разных периодах поэтического творчества. Основной **целью** статьи является изучение лингвосемиотической и лингвокогнитивной природы метаморфозы путём комплексного лингвостилистического, когнитивного и семиотического анализа её семантической структуры, а также функций метаморфозы в английских поэтических текстах романтизма, модернизма, постмодернизма. **Объектом** исследования выступают особенности формирования и функционирования метаморфозы в поэтической речи. **Предметом** – структурные (синтаксические и стилистические), семантико-когнитивные и лингво-семиотические характеристики метаморфозы в английских поэтических текстах романтизма, модернизма, постмодернизма. **Материалом** исследования послужил корпус английской поэзии общим объёмом 4537 страниц (4560 стихотворений), среди которых 297 поэтических текста содержат метаморфозу.

Эволюционные процессы метаморфозы свидетельствуют о том, что в архаическую эпоху она представляет собой синкретический способ познания мира, а в мифах и фольклоре – форму бытия мифопоэтического смысла, основу возникновения символов. В античных литературных текстах при помощи метаморфозы объясняются причины хода бытия, морально-этические нормы поведения людей. Мифы, в основе которых лежала метаморфоза, выполняли дидактические задачи, служили воплощением назидательных мотивов, правил поведения, что в целом выражалось в присущих им дидактической и регулятивной функциях. Во времена Средневековья, Возрождения и Нового Времени метаморфозы приобретают форму художественного приёма превращения литературных образов и обобщения мифологических превращений в поэтических текстах. А начиная с романтизма метаморфоза окончательно оформляется в тропеическую стилистическую фигуру в английской поэтике.

Первые теоретические исследования метаморфозы связаны с интерпретацией “Метаморфоз” Овидия, который при помощи метаморфозы обобщил древнегреческую мифологию и показал скоротечность бытия человека, изменчивость явлений природы.

В античной поэтике метаморфоза рассматривается как литературный приём, присутствие которого в тексте воплощает мотивы наказания или награды благодаря превращению мифологических или литературных образов. Концепт МЕТАМОРФОЗА становится синонимичным концепту ЭВОЛЮЦИЯ [Степанов 2004: 147]. В русской исторической поэтике на материале славянского фольклора описана синтаксическая и семантическая структуры метаморфозы [Веселовский 2011: 417–495]. В частности устанавливается тот факт, что в основе возникновения

метаморфозы лежит психологический параллелизм, посредством которого человек воспринимал образы окружающего мира и переносил на явления природы своё собственное восприятие жизни. В теоретической поэтике метаморфоза трактовалась как превращение, которое в русском и украинском языках выражено творительным падежом и возвратными глаголами-сказуемыми “становиться”, “обернуться”, “превращаться”, “возродиться”, “воскресать” [Нечуй-Левицкий 2003: 110–121; Потеня 1989: 285–286]. В формальной поэтике метаморфоза изучалась наравне с антитезой, сравнением, метафорой [Якобсон 2000: 83-89], а в структурно-семиотической поэтике акцентировалась способность метаморфозы к объединению реального и воображаемого миров [Лотман 2001: 670-673]. Теоретическое наследие в русле лингвопоэтики послужило толчком к разработке структуры метаморфозы [Дикарева 2003; Крохмальний 1997], которая состоит из входного и выходного образов, а также предикатов превращения. Результаты исследования семантики метаморфозы позволили констатировать наличие классификации предикатов превращения на материале русского языка [Дикарева 2003], логико-семиотической модели метаморфозы на материале украинского языка [Слухай 2005]. В когнитивной поэтике метаморфоза изучалась как способ формирования образного пространства поэтического текста [Белехова 2004].

2. Изложение основного материала

В статье описаны лингвосомиотические и лингвокогнитивные особенности формирования и функционирования метаморфозы в английских поэтических текстах XIX–XX веков опираясь на интегрированный подход. Методика нашего исследования метаморфозы состоит из нескольких этапов.

Первый этап отражает обобщение теоретических подходов к изучению метаморфозы в разных научных парадигмах и содержит эволюцию метаморфозы, которые прогнозируют формулировку собственного интегрированного подхода к рассмотрению метаморфозы в английской поэзии. Когнитивный базис метаморфозы раскрывается через выявление концептуальных схем и культурно-смысловых кодов, которые являются основой метаморфоз. Исследование метаморфозы сквозь призму когнитивной и семиотической лингвистики позволило нам построить обобщённую когнитивно-семиотическую модель метаморфозы.

Второй этап исследования заключается в выявлении семантических, синтаксических, стилистических особенностей номинативных единиц, которыми выражены в поэтических текстах превращаемое, превращённое, каузатор метаморфозы, а также тех лексических единиц, которыми выражены предикаты метаморфозы (глаголы в настоящем, прошедшем, будущем времени, активном и пассивном залоге, в форме простых и сложных сказуемых).

Третий этап направлен на выявление когнитивной природы метаморфозы и раскрытие лингвокогнитивных механизмов её формирования. Образосозидательность метаморфозы обусловлена общей доминантной концептуальной схемой НЕКТО / НЕЧТО превращается в ДРУГОЕ. В номинативных единицах превращаемого, превращённого, каузатора реконструированы концепты и концептуальные метафоры с целью создания концептуального пространства метаморфозы.

Четвёртый этап предусматривает выявление символов в превращаемом, превращённом и каузаторе, а также построение семиотических моделей метаморфоз путём определения кодов, зафиксированных в словесных знаках метаморфоз.

Пятый этап направлен на определение функционирования метаморфозы в английских поэтических текстах романтизма, модернизма, постмодернизма. На этом этапе выполнены количественные подсчёты процентного соотношения количества предикатов в стихотворениях с метаморфозой, доминирующих функций, концептуальных схем, кодов. Количественный анализ позволил подтвердить тенденции и изменения, которые происходили в семантической структуре метаморфозы в различные периоды её развития.

Синтаксический и стилистический анализ метаморфозы констатирует многокомпонентный характер её структуры: входной образ – превращаемое, выходной образ – превращённое и предикат превращения. Эти компоненты составляют метаморфозу. В её состав включаем также каузатор, мотивационную основу превращения, которая представляет собой причину, мотив, инструмент, необходимый для осуществления трансформации превращаемого в поэтическом тексте. Превращаемое и превращённое выражены в английских стихотворениях словом или словесным поэтическим образом, предикаты – глаголами-сказуемыми, семантика которых содержит сему “превращения”, “возрождения”, “изменения”, “перехода из одного состояния в другое”. В качестве примера проанализируем фрагмент поэтического текста Э. Бронте:

“Long neglect has worn away / Half the sweet enchanting smile; / Time has changed the bloom to grey; / Mould and damp the face defile.” [Brontë: 18].

В аспекте синтаксической структуры метаморфоза выражена простым предложением. Превращаемое (“*bloom*”) и превращённое (“*grey*”) являются дополнениями. В стилистическом плане они являются метонимиями и символизируют “молодость” (“цветение” – “*bloom*”) и “старость” (“седина” – “*grey*”). Глагол-сказуемое в форме настоящего совершенного времени (“*has changed to*”) выражен предикатом превращения, а каузатор – существительным “*время*” (“*time*”) в роли подлежащего. Отметим, что концепт ВРЕМЯ наиболее часто акцентирован как каузатор метаморфозы в английской поэзии. Подобный вывод подтверждён в результатах докторского исследования концепта ВРЕМЯ в англоязычной картине мира Е.В. Бондаренко [Бондаренко 2009].

В зависимости от синтаксической структуры и от места расположения в поэтическом тексте, метаморфозы могут быть простыми и сложными, выраженными распространёнными синтаксическими конструкциями, которые состоят из тропов и других стилистических фигур. Также, выделены локализованные метаморфозы, сосредоточенные в едином фрагменте текста, и дисперсные метаморфозы – рассеянные по всей ткани поэтического текста. Наиболее частотными выявлены сложные и дисперсные метаморфозы. Компоненты таких метаморфоз представляют собой словесные поэтические образы, которые благодаря своей рассеянности вдоль стихотворения придают ему особую экспрессивность. Например, стихотворение М. Колридж “*Gifts*”:

I tossed my friend a wreath of roses, wet / With early dew, the garland of the morn. / He lifted it – and on his brow he set / A crackling crown of thorn. / Against my foe I

hurled a murderous dart. / He caught it in his hand – I heard him laugh — / I saw the thing that should have pierced his heart / Turn to a golden staff [Coleridge: 563].

В предложенном примере компоненты метаморфоз рассредоточены по поэтическому тексту. Превращаемое первой метаморфозы акцентировано словосочетанием “*a wreath of roses*” (“венок из роз”) и дополнено в стилистическом плане эпитетом “*with early dew*” (“ранняя роса”) и метафорой “*the garland of the morn*” (“гирлянда утра”). Превращённым этой метаморфозы выступает словосочетание “*a crackling crown of thorn*” (“потрескавшийся терновый венец”). Превращаемым другой метаморфозы – словосочетание “*a murderous dart*” (“убийственная стрела”), а превращённым – словосочетание “*a golden staff*” (“золотая стрела”). Предикатом метаморфоз – глагол “*turn to*” (“превратиться”). Компоненты сложных, дисперсных метаморфоз поэтического текста рассредоточены в инициальной, медиальной и финальной его позициях, а предикат, выраженный глаголом “*turn to*”, объединяет две метаморфозы стихотворения воедино. Имплицитность каузатора и символический характер поэтического текста делает возможным вариативность интерпретаций. Обобщённый смысл стихотворения “человек не способен оценить последствия своих поступков” выявлен благодаря противопоставлению обоих метаморфоз, которые являются антитезами, и приёму обманутого ожидания: ХОРОШЕЕ превращается в ПЛОХОЕ (венок из роз в терновый венец), а ЗЛО превращается в БЛАГО (смертоносная стрела в золотую стрелу).

На основании семантического анализа глаголов-предикатов превращения построено лексико-семантическое поле, состоящее из трёх лексико-семантических групп глаголов, ядром которых служат глаголы 1) с семой “*превращения*”; 2) “*возрождения*”; 3) “*изменения состояний*”. Поле построено по прототипическому принципу: в центральную зону помещены глаголы наиболее синонимические к ядерному компоненту, а на периферии размещены глаголы и глагольные словосочетания контекстуально синонимические к ядерным в результате образного переосмысления в семантическом пространстве поэтического текста. Лексико-семантическое поле предикатов превращения охватывает 55 глаголов-сказуемых (см. Рис. 1, где “1” – глаголы с семой “*превращения*”; “2” – с семой “*возрождения*”; “3” – с семой “*изменения состояний*” (sth = something; sb = somebody. – О.М.):

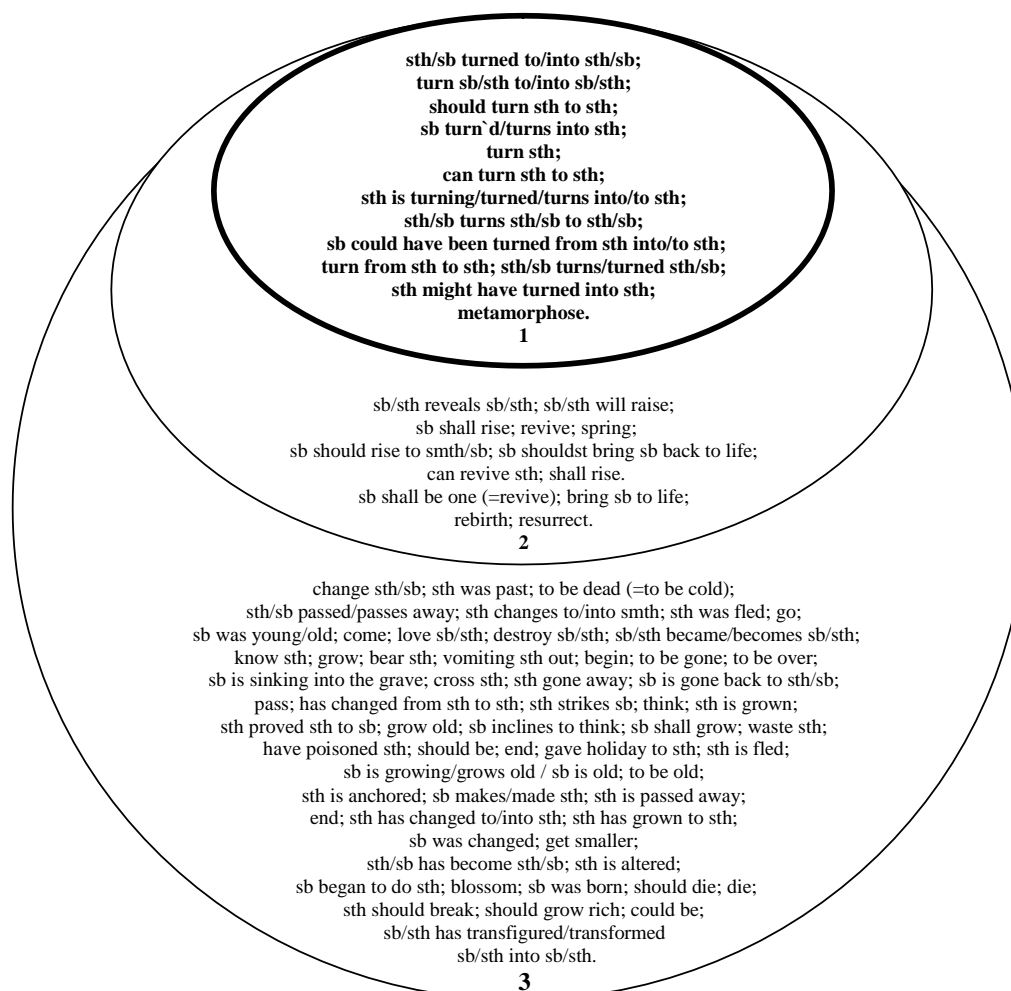

Рис. 1. Семантическое поле предикатов метаморфоз в английских поэтических текстах романтизма, модернизма, постмодернизма

При отсутствии системы падежей в английском языке в английских поэтических текстах выявлены предикаты метаморфозы, семантика которых указывает на превращение. Именно эти предикаты и являются теми сигналами, свидетельствующими о наличии метаморфозы в стихотворении. Выявленные предикаты метаморфозы объединяют её элементы в единое синтаксическое целое, т.к. грамматически и логически размещены рядом. Предикаты метаморфозы эксплицированы в стихах в форме простых или сложных сказуемых, в активном или пассивном залоге, в настоящем, прошедшем или будущем временах.

Проведённый количественный анализ предикатов метаморфоз в романтизме, модернизме и постмодернизме позволяет утверждать, что доминантными являются предикаты с семей “превращения” – 37 % (637 реализаций) и “изменения состояний” – 38 % (653 реализации). Последние вербализированы в стихотворениях в единичных случаях, а предикаты с семей “превращения” наиболее частотны. Предикаты с семей “возрождения” также выявлены в единичных случаях реализации в поэтических текстах и составляют, соответственно, 25 % (430 реализаций).

Экстаполяция и переосмысление теоретического наследия, посвященного исследованию метаморфозы в структурном, логико-семиотическом, семантико-структурном и системном аспектах позволило определить многокомпонентность структуры метаморфозы. В результате проведённого исследования установлено, что метаморфоза состоит из превращаемого (А), превращённого (В), каузатора (С), предикатов превращения (Р). Выявление особенностей реализации метаморфозы в английских поэтических текстах позволило обобщить структуру метаморфозы в виде абстрактной формулы “*A p B под влиянием C*”, которую графически изображаем таким образом (см. Рис. 2):

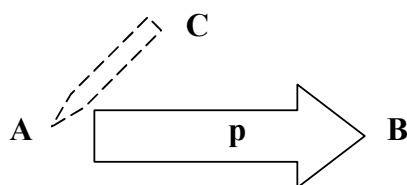
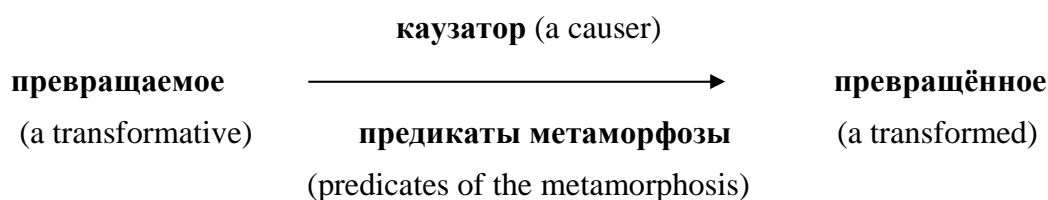

Рис. 2. Абстрактная формула метаморфозы

На основании формулы метаморфозы построен её фрейм НЕКТО / НЕЧТО превращается в ДРУГОЕ под влиянием КАУЗАТОРА ($A \rightarrow B$ under the influence of C (a CAUSER) (A turns into / transforms into B under the influence of C (a Causer)) ($\rightarrow$ графический знак метаморфозы. – О.М.).

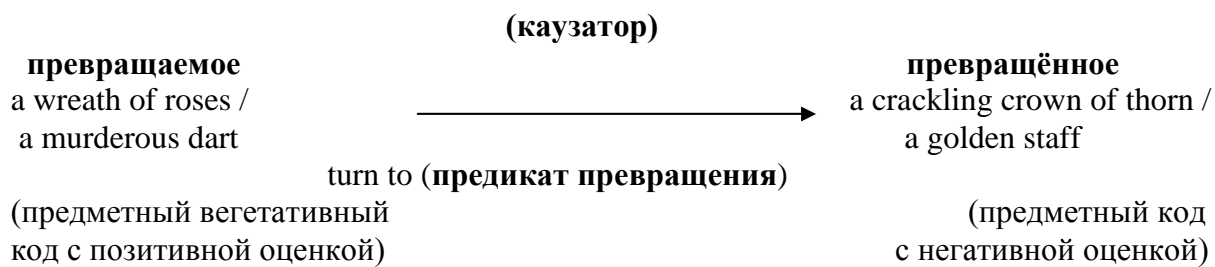
Дальнейший комплексный анализ метаморфозы, направленный на выявление её лингвокогнитивных и лингвoseмиотических особенностей, позволил разработать лингво-семиотическую и когнитивно-семиотическую модели метаморфозы, которые позволяют объяснить механизмы образования метаморфозы в поэтическом тексте.

Логико-семиотическая модель метаморфозы отображает логическую связь между знаками, которыми обозначены компоненты метаморфозы:

Лингво-семиотическая модель метаморфозы, кроме указанных компонентов, включает в себя и словесные знаки, которыми выражены элементы метаморфозы в поэтическом тексте, а когнитивно-семиотическая модель содержит концепты и концептуальные метафоры, реконструированные благодаря концептуальному анализу семантики номинативных единиц превращаемого, превращённого и каузатора.

Лингвoseмиотический анализ семантики номинативных единиц, обозначающих превращаемое, превращённое метаморфозы, направлен на выявление кодов, зафиксированных в этих компонентах, и построение семиотических моделей метаморфоз. Лингво-семиотическую модель метаморфозы поэтического текста М. Колеридж “*Gifts*” изобразим следующим образом:

Семиотический анализ номинативных единиц превращаемого и превращённого метаморфоз свидетельствует о том, что доминантными семиотическими моделями метаморфоз в романтизме являются:

- антропный код → социальный код (*a child → an adult and rich personality*);
- код чувств и эмоций с позитивной оценкой → код чувств и эмоций с негативной оценкой (*a person in love → a lonely person*);
- антропный код → вегетативный код (*a girl → a flower*);
- вегетативный код → антропный код (*a tree → a young man*);
- сакральный код → профанный код (*paradise → the real life*);
- антропный код → сакральный код (*a person → a smile of God*).

В модернизме и постмодернизме доминантными семиотическими моделями являются такие:

- код чувств и эмоций с позитивной оценкой → код чувств и эмоций с негативной оценкой (*hope or love → false; a person in love → a lonely person*);
- код времени → код природы (*age → inhabited cloud*);
- антропный код → абстрактный код (*I → nothing or an ogre*);
- соматический (телесный) код → предметный код (*lungs → a stone*).

Магистральными концептуальными схемами экстраполяции периода романтизма выступают ЖИВОЕ в НЕЖИВОЕ, МОЛОДОСТЬ в ЗРЕЛОСТЬ, ОДНО ЧУВСТВО И ЭМОЦИЯ в ДРУГОЕ ЧУВСТВО И ЭМОЦИЮ; а в модернизме и постмодернизме – ЖИВОЕ в НЕЖИВОЕ, ОДНО ЧУВСТВО И ЭМОЦИЯ в ДРУГОЕ ЧУВСТВО И ЭМОЦИЮ.

Таким образом, в английских поэтических текстах с метаморфозой эпох романтизма, модернизма и постмодернизма кроме элементов лингво-семиотической модели метаморфозы в номинативных единицах превращаемого и превращённого реконструированы концепты, концептуальные метафоры и концептуальные метонимии. Соответственно, семиотичность метаморфозы выявлена в наличии кодов в компонентах метаморфозы. Когнитивно-семиотическую модель метаморфозы изображаем так (см. Рис. 3, где А – превращаемое, В – превращённое, С – каузатор, Р – предикаты метаморфозы):

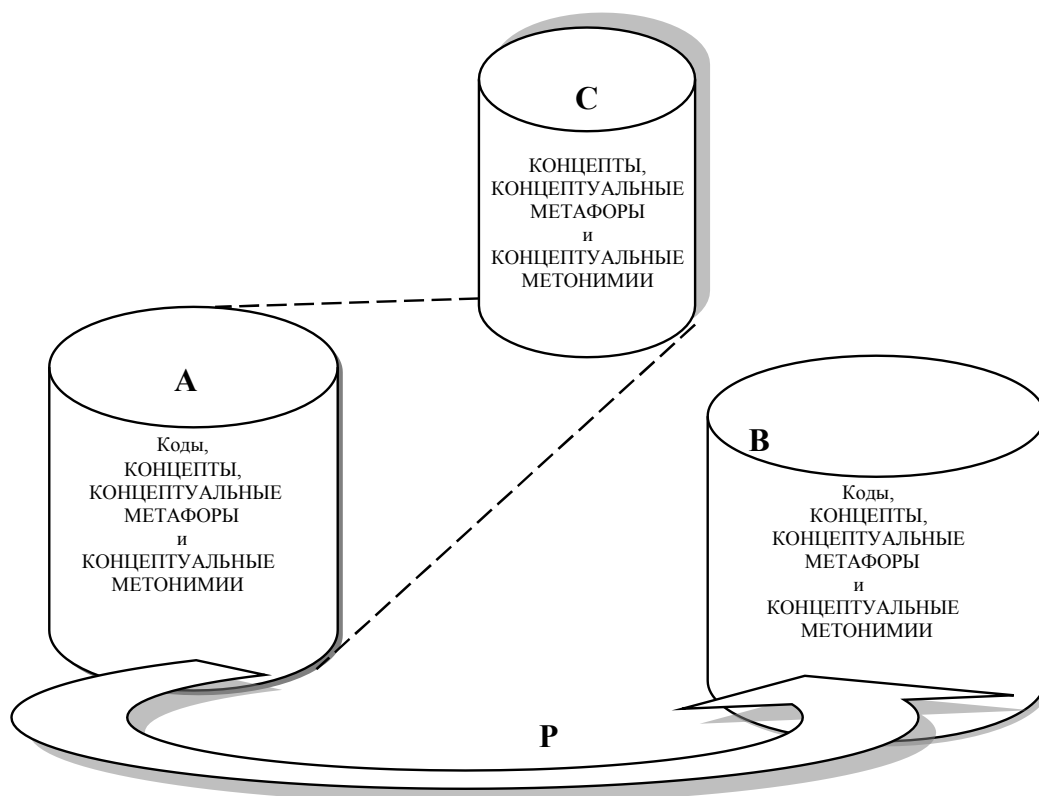

Рис. 3. Когнитивно-семиотическая модель метаморфозы

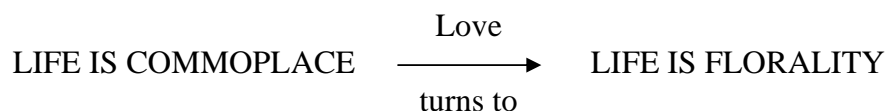
Реконструкцию концептов и концептуальных метафор в превращаемом, превращённом и каузаторе проиллюстрируем на примере стихотворения М. Блайнд “Marriage”:

Love springs as lightly from the human heart / As springs the lovely rose upon the brier, / Which turns the common hedge to floral fire, / As Love wings Time with rosy-feathered dart. / But marriage is the subtlest work of art / Of all the arts which lift the spirit higher; / The incarnation of the heart's desire- / Which masters Time - set on Man's will apart. / The Many try, but oh! how few are they / To whom that finest of the arts is given / Which shall teach Love, the rosy runaway, / To bide from bridal Morn to brooding Even. / Yet this - this only - is the narrow way / By which, while yet on earth, we enter heaven [Blind: 155].

Стихотворение посвящено размышлениям лирической героини о сущности брака и любви. В первых четырёх строках стиха декодируем изменение “любви” (“Love”), “выпрыгивающей” (“springs”) из сердца и “пускающей стрелу” (“wings”), подобно цветущей розе. Любовь “превращает” (“turns to”) “изгородь” (“the common hedge”) в “цветущую изгородь” (“floral fire”). В элементах метаморфозы выявляем превращение “обыденности” (“the common”) в “цветущую любовь” (“the floral love”):

Love
 the common $\longrightarrow$ the floral fire
    turns to

В номинативных единицах “обыденность” (“*the common*”) и “цветущий огонь” (“*the floral fire*”) реконструируем концептуальные метафоры ЖИЗНЬ – ОБЫДЕННОСТЬ (LIFE IS COMMONPLACE) и ЖИЗНЬ – ЦВЕТЕНИЕ (LIFE IS FLORALITY):

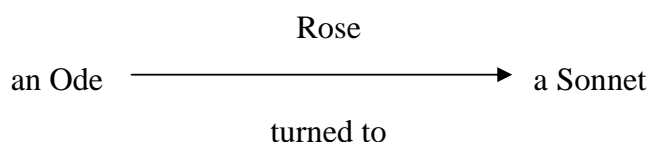
Согласно Дж. Лакоффу и М. Тернеру, к базовым концептуальным метафорам относится метафора LIFE IS BEING PRESENT HERE (ЖИЗНЬ – ПРИСУТСТВИЕ ЗДЕСЬ) [Лакофф 2004: 7–31]. В превращаемом LIFE IS COMMONPLACE и превращённом LIFE IS FLORALITY реконструируем эту базовую концептуальную метафору и полагаем, что она изменилась при помощи механизма улучшения [Никонова 2008: 18–19], т.к. в поэтическом тексте уточняется смысл жизни человека без любви и с её приходом. Жизнь – не существование здесь и сейчас, а процесс, наполненный чувствами и эмоциями. Так, определяем трансформацию одной концептуальной метафоры в другую.

Таким образом, согласно результатам проведённого исследования установлено, что метаморфоза представляет собой тропеическую синтактико-стилистическую фигуру, при помощи которой осуществляется трансформация превращаемого в превращённое при обязательной экспликации причины изменения – каузатора – и предикатов метаморфозы, воплощающих идею превращения, трансформации, возрождения.

Комплексный анализ функционирования метаморфозы в стихотворных текстах английской поэзии XIX–XX веков позволил выявить текстообразующую, апеллятивную, мирозозидающую, пространствоформирующую, семиотическую функции метаморфозы. Текстообразующая функция, реализованная категориями когезии и когерентности, направлена на создание целостности поэтического текста. Воплощение текстообразующей функции метаморфозы проиллюстрируем на примере поэтического текста А. Добсона “*Rose Leaves*”:

I intended an Ode, / And it turned to a Sonnet. / It began à la mode, / I intended an Ode; / But Rose cross'd the road / In her latest new bonnet; / I intended an Ode; / And it turned to a Sonnet [Dobson: 651].

Метаморфоза обрамляет поэтический текст, поскольку превращаемым является “ода” (“*an Ode*”), превращённым – “сонет” (“*a Sonnet*”), предикатом – глагол “превратиться” (“*turned to*”) в прошедшем времени, каузатором превращения – “роза” (“*Rose*”), которая символически трактуется нами как девушка. “Роза” (“*Rose*”) написана поэтом с большой буквы, тем самым акцентируется внимание на том, что на голове у девушки была новая шляпка. Не только метафорически, но и символически роза понимается нами как девушка, соответственно, предполагаем, что “Роза” (“*Rose*”) – имя собственное:

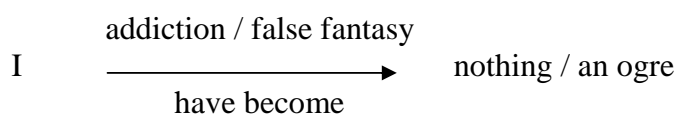
Элементы лингво-семиотической модели метаморфозы (превращаемое “ода” (“*an Ode*”), превращённое – “сонет” (“*a Sonnet*”), предикат – глагол “превратиться” (“*turned to*”)) репрезентированы в стихотворении в составе сложносочинённого предложения (“*I intended an Ode, / And it turned to a Sonnet. / <...>*”). Так, простой или локализованной метаморфозой актуализируется текстовая категория когезии. Данная микросинтаксическая конструкция расположена в инициальной и финальной позициях поэтического текста, а её фрагмент повторяется в медиальной позиции. Благодаря рассредоточенности указанных синтаксических конструкций по всей ткани поэтического текста сложной или дисперсной метаморфозой актуализирована текстовая категория когерентности.

Текстообразующая функция метаморфозы воплощена в английских поэтических текстах при актуализации текстовых категорий когезии и когерентности. Способность превращаемого, превращённого, каузатора, предиката быть расположенными в микросинтаксических конструкциях акцентирует категорию когезии. Когерентность определена логико-семантической, синтаксической, стилистической целостностью между элементами метаморфозы, благодаря которой метаморфоза является синтактико-стилистической фигурой и объединяет поэтический текст в единый текстовый конструкт с идеей превращения. Категория когезии выявлена в стихотворениях с простой или локализованной метаморфозой, категория когерентности – со сложной или дисперсной метаморфозой.

Апеллятивная функция метаморфозы проявляется в стихотворных текстах, выражающих интенцию поэта повлиять на читателя, изменить его мировоззрение, привлечь внимание к глобальным проблемам общества. Данная функция свойственна сложным (дисперсным) метаморфозам, в которых инкорпорированы другие тропы, а именно: метафоры, метонимии, эпитеты и т.д. Например, апеллятивную функцию метаморфозы наблюдаем в стихотворении К. Никсон “*Addiction*”, в котором отображено превращение человека в “ничто”:

What have I become / in this false fantasy? / Thriving on something sweet, / submerging into another world. / Without it I tumble / transforming into nothing. / I'm locked in a stalemate not capable to stir. / Look closely through my eyes, / as deep as the end of sight. / See! My ailment and do / your very best to repair. / Save me from this ogre / I have become, before / I sit in a dark painful void... / lost inside my addiction [Nixon: 2].

В поэтическом тексте метаморфоза рассредоточена по всему стихотворению. Лирическая героиня спрашивает себя, во что она превратилась, поскольку “она” (“*I*”) обернулась “ничем” (“*nothing*”), нырнула в другой мир, тёмную пустоту. Ей больно там и она просит освободить её от пустоты и от “чудовища” (“*an ogre*”), которым она стала (“*have become*”). Каузатором этой метаморфозы являются “склонность” (“*addiction*”) и “лживая фантазия” (“*false fantasy*”):

Современность, характеризующаяся обесцениванием существующих морально-этических ценностей, возвращает, на примере предложенного стихотворения, элемент

дидактичности метаморфозе, поскольку в нём представлено переосмысление философской экзистенциальной категории. Человек не способен превратиться в ничто, не смотря на то, что с точки зрения архаического мышления хаос был обёрнут Богом на Вселенную. Поэтический текст заставляет задуматься над тем, насколько чудовищным становится современное молодое поколение, погрузившись в тёмную бездну, растворившись в виртуальном пространстве.

Благодаря наличию в стихотворении каузаторов “склонность” (“*addiction*”) и “лживая фантазия” (“*false fantasy*”) предполагаем, что стихотворение является предупреждением молодому поколению остерегаться чрезмерной увлечённости (“*addiction*”) виртуальной Вселенной – интернетом (“*false fantasy*”). При интерпретации стихотворения выявлена актуальность симулякров, копий действительности в поэтическом творчестве.

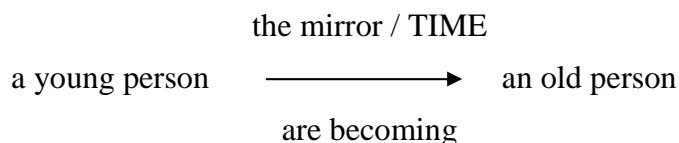
В современном обществе интернет превратился с поисковой системы в виртуальную реальность, симулякр, видение (“*false fantasy*”). Апеллятивность метаморфозы в данном поэтическом тексте определяем в обращении поэтессы к общественности обернуться и не тратить время в интернете, т.к. он представляет собой квинтэссенцию позитивного и негативного и заставляет людей становиться зависимыми.

Мирозозидающая функция состоит в способности метаморфозы отображать игру миров, превращение реальных и нереальных (воображаемых) миров. Путем анализа мирозозидающей функции выделены виды метаморфозы – квазиморфоза и псевдоморфоза. Сигналами квазиморфозы в поэтическом тексте являются союзные слова “*if*”, “*as though*”, “*as if*”, фразы “*It seems*”, “*I’ve dreamed about*”, “*I thought*” / “*in my mind*”, условные придаточные предложения. Сигналом псевдоморфозы – объединение предикатов метаморфозы с модальными глаголами (“*it might have turned into a rage*”) (“*<...>* / *It might have turned into a rage* / *But sunny gleams of her eyes* / *Reduced the raise of temper* / *And smoothing touch of the embrace* / *Returned the warmth of ties* / *<...>*” [Hill: 1]. Квазиморфоза воплощает превращения в грёзах лирических героев поэтических текстов, псевдоморфоза – невозможность изменений в реальном или воображаемом мире. Наличие квазиморфозы в стихотворении с её мирозозидающей функцией выявлено в поэтическом тексте А. Даннета “*Looking Ahead*”:

You stare in the mirror as if you wish / to go through, your hair clotting with silver / water, to arrive safely under new / lights, to end despair and breathe the good air / of freedom. You are at the border. Cross / now. You see what you are becoming. Wet / arms pull viscously. Your cold face answers / to a kiss or a slap. It is always / summer, you thought, and yet there is a darkness / hurrying in. Up again, then. Move out. / There is another stopping-place beyond. / Legend describes it as an oasis. / You drink and taste only sweetness. After, / in the mirror’s stare, you remember nothing [Dunnet: 1-2].

Написанный в форме маленького рассказа поэтический текст свидетельствует о том, что человек из “молодого” (“*a young person*”) становится “старым” (“*an old person*”) при наличии предиката “становиться” (“*are becoming*”). Женщина, сидящая у зеркала, видит, как седина покрывает её волосы. Она должна пересечь грань и нырнуть вглубину зеркала, а поэт просит женщину внимательно следить за моментом превращения. При проникновении в бездну зеркала женщина пересекает границу между двумя реальными мирами – миром молодости и миром зрелости. Таким образом, выявляем мирозозидаемость этой квазиморфозы, акцентированной

союзным словом “*as if*”, каузатором которой является “зеркало” (“*the mirror*”), т.к. оно является границей между мирами. В номинативной единице “*the mirror*” реконструируем концепт ВРЕМЯ (TIME):

Миросозидательность метаморфозы выявлена в поэтических текстах, в которых описаны возрастные изменения личности с течением времени, перемены мировоззрения. На фоне исследования указанной функции метаморфозы обнаружена её пространствоформирующая функция, которую понимаем как физические или психологические изменения лирических героев поэтического текста. Горизонтальное изменение художественного пространства выявляем при превращении лирического героя стихотворения из молодого в старого, также изменении чувств, эмоций, состояний, мировоззрения. Вертикальное направление художественного пространства определяем наличием в стихотворении трансформации лирического героя из реального мира в воображаемый, например, при воскрешении после смерти.

Примером воплощения горизонтального направления художественного пространства поэтического текста является стихотворение Ч.С.Калверли “*Changed*”:

I know not why my soul is racked:/ Why I ne'er smile as was my wont:/ I only know that, as a fact, / I don't. / I used to roam o'er glen and glade / Buoyant and blithe as other folk: / And not unfrequently I made / A joke. / A minstrel's fire within me burned. / I'd sing, as one whose heart must break, / Lay upon lay: I nearly learned / To shake. / All day I sang; of love, of fame, / Of fights our fathers fought of yore, / Until the thing almost became / A bore. / I cannot sing the old songs now! / It is not that I deem them low; / 'Tis that I can't remember how / They go. / I could not range the hills till high / Above me stood the summer moon: / And as to dancing, I could fly / As soon. / The sports, to which with boyish glee / I sprang erewhile, attract no more; / Although I am but sixty-three / Or four. / Nay, worse than that, I've seemed of late / To shrink from happy boyhood—boys / Have grown so noisy, and I hate / A noise. / They fright me, when the beech is green / By swarming up its stem for eggs: / They drive their horrid hoops between / My legs: - / It's idle to repine, I know; / I'll tell you what I'll do instead: / I'll drink my arrowroot, and go / To bed [Calverley: 500-501].

Превращения в стихотворении сосредоточены вокруг словесного поэтического образа “<...> / *Until the thing almost became / A bore. / <...>*”, в котором номинативной единицей “*вещь*” (“*the thing*”) метафорически имплицирована жизнь лирического героя. В стихотворении речь идёт об изменении мира молодости на мир зрелости, а скрипером, соединяющим эти два разных мира, является указанный словесный поэтический образ, поскольку до него в стихотворении описана молодость лирического героя, а после – зрелость. В словесном поэтическом образе выявляем метаморфозу с предикатом, выраженном глаголом “становиться” (“*became*”). В превращении “*молодого поэта*” (“*a young minstrel*”) в “*человека 63 или 64 лет*” (“*a man of sixty-three or sixty-four*”) содержится превращение “*мира молодости*” (“*the world of youth*”) в “*мир зрелости*” (“*the word of maturity*”). Для лирического героя мир

молодости был наполнен “шуткой” (“*a joke*”) и “поэтическим огнём” (“*a minstrel’s fire*”), которые трансформировались в последствии в “скуку” (“*a bore*”), т.к. он вспоминает юность, полную любви, славы, песен. В возрасте 63 или 64 лет ему остается только выпить целебной настойки и лечь спать, поскольку бурная молодость превратилась в спокойную старость. Так, каузаторм метаморфозы является “*время*” (“*time*”), а все превращения обобщаем в линво-семиотической модели метаморфозы, отображающей перемену миров, “*мира молодости, полной шуток и поэтического огня*” (“*the world of youth full of joke and minstrel’s fire*”) в “*мир старости, полной скуки и пустоты*” (“*the world of senility full of emptiness*”):

	(time)		
the world of youth full of joke and minstrel`s fire	→		the world of senility full of emptiness
	became		

В предложенном поэтическом тексте с метаморфозой, воплощённой в словесном поэтическом образе, определяем изменения лирического героя в художественном пространстве поэтического текста на фоне изменения миров. В мире молодости устанавливаем наличие глаголов “*used to roam*” (“*пришлось странствовать*”), “*made*” (“*делать*”), “*burned*” (“*гореть*”), “*learned*” (“*учиться*”), “*sang*” (“*петь*”) в прошедшем времени. Мир зрелости наполнен глаголами “*cannot / can`t*” (“*не в состоянии*”), “*deem*” (“*полагать*”), “*hate*” (“*ненавидеть*”). Превращаемое в мире молодости, молодой лирический герой, акцентирован в строфе “*<...> / I used to roam o'er glen and glade / <...>*”, превращённое – зрелый лирический герой – “*<...> / Although I am but sixty-three / Or four. / <...>*”. Таким образом, выявляем оппозицию между прошедшим и настоящим временами в этих синтаксических конструкциях.

Предполагаем, что мирозозидающая функция определяет и движение или направление пространства поэтического текста по горизонтальной оси. Перемены событий в жизни, изменение молодого человека в старого с годами, эмоционального состояния человека, происходят в реальном текстовом мире и должны занимать определённый промежуток времени. В оппозиции прошедшего и настоящего грамматических времён в стихотворении, а также при наличии наречия “*now*” (“*теперь*”) в мире зрелости, устанавливаем горизонтально ориентированную метаморфозу. Словесный поэтический образ с метаморфозой “*<...> / Until the thing almost became / A bore. / <...>*” не только активизирует наличие превращения жизни лирического героя в грусть, а и свидетельствует о наличии горизонтального направления линейного художественного пространства в направлении “назад” – “вперёд”. Метаморфоза интенсифицирует это направление, поскольку под отправным пунктом изменения пространства “назад” понимаем мир молодости, а под пунктом “вперёд” – мир зрелости. Синтаксические конструкции “*<...> / I used to roam o'er glen and glade / <...>*” :: “*<...> / Although I am but sixty-three / Or four. / <...>*”; глаголы “*used to roam*”, “*made*”, “*burned*”, “*learned*”, “*sang*” :: “*cannot / can`t*”, “*deem*”, “*hate*”; наречие “*now*” являются маркерами горизонтальной оси трансформации миров в пространстве поэтического текста. Приходим к выводу, что на фоне мирозозидающей функции метаморфозы существует и пространствоформирующая, горизонтальное направление которой проиллюстрируем так (см. Рис. 4):

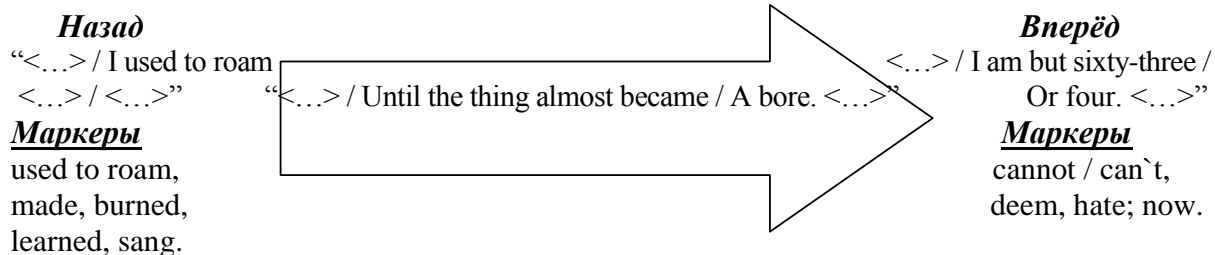

Рис. 4. Горизонтальная ось пространствоформирующей функции метаморфозы

Превращение реального мира в квазиреальный, такой, который человечество только представляет, делает возможной вертикальное изменение пространства поэтического текста. Высказанную гипотезу подтвердим стихотворением Ч. Косли “*Miller`s end*”:

When we moved to Miller`s End, / Every afternoon at four / A thin shadow of a shade / Quavered through the garden-door. / Dressed in black from top to toe / And a veil about her head / To us all it seemed as though / She came walking from the dead. / With a basket on her arm / Through the hedge-gap she would pass, / Never a mark that we could spy / On the flagstones or the grass. / When we told the garden-boy / How we saw the phantom glide, / With a grin his face was bright / As the pool he stood beside. / `That`s no ghost-walk,` Billy said. / `Nor a ghost you fear to stop – / Only old Miss Wickerby / On a short cut to the shop.` / So next day we lay in wait, / Passed a civil time of day, / Said how pleased we were she came / Daily down our garden-way. / Suddenly her cheek is paled, / Turned, as quick, from ice to flame. / `Tell me,` - said Miss Wickerby. / `Who spoke of me, and my name?` / `Bill the garden-boy.` She sighed, / Said, `Of course, you could not / know / How he drowned – that very pool – / A frozen winter – long ago.` [Causley: 134-137].

В поэтическом тексте содержатся две метаморфозы, первая из которых – превращение “ледяной щеки женщины” (“*an iced cheek*”) в “пылающую” (“*a flamed cheek*”) с предикатом “превратиться” (“*turned from smth., to smth.,*”), выраженным глаголом в прошедшем времени:

an iced cheek $\longrightarrow$ a flamed cheek
turned from smth., to smth.,

В стихотворении речь идёт о старухе, Мисс Викарбай, которую прохожие считали привидением, т.к. каждый вечер она проходила поблизости, подобно тонкой тени в чёрном. Женщина не оставляла следов на траве, поэтому прохожие спросили о ней у мальчика-садовника Билли. Именно он развеял сомнения и ответил, что женщина была не привидением, а старой Мисс Викарбай. Последняя, узнав от прохожих, кто развеял их сомнения, покраснела и ответила, что с ними разговаривал мальчик, утонувший много лет назад. Сравнение Мисс Викарбай с привидением в тексте, актуализация глагола “казаться” (“*seemed*”), свидетельствуют о превращении реального “мира живых” (“*the world of alive*”) в квазиреальный, воображаемый “мир привидений” (“*the world of ghosts and phantoms*”). Благодаря наличию фразы “<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>” происходит превращение этих миров, в которых герои занимают свои места.

Мисс Викирбай очутилась в мире живых, а мальчик-садовник Билли – в мире привидений. В стихотворении выявляем наличие трансформации реального мира в квазиреальный, поскольку мы только верим в мир привидений и не уверены в его достоверности. Прохожие ошибочно перепутали женщину с привидением, а предложение с метаморфозой (внезапное покраснение бледных щёк Мисс Викирбай) расставляет всё на свои места. Поэтому строка “<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>” со всеми элементами лингво-семиотической модели метаморфозы является каузатором превращения миров в этом тексте:

“<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>”
the world of alive $\longrightarrow$ the world of ghosts and phantoms

Стихотворение является образцом энигматической символики, поскольку в тексте пересекаются реальный и воображаемый миры, живые люди и привидения, голос и молчание. Происходит мистическая встреча живых и мертвых, метаморфоза миров, где истинным выступает мир привидений, а ложным – мир реальности. Эти два мира зеркально противоположны один другому и отображаются в предложении “<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>”, после которого понятно их логическое положение в тексте.

Пространствоформирующую функцию метаморфозы в горизонтальной направленности выявляем в поэтических текстах на фоне изменения одного реального мира в другой – реальный при перемене эмоций, чувств, состояния, возраста, мировоззрения лирических героев. Трансформация реального мира в воображаемый, представляемый (квазиреальный) свидетельствует о наличии в стихотворении пространствоформирующей функции метаморфозы в вертикальной направленности. В анализируемом поэтическом тексте вертикальная ось указанной функции подчиняется направлению “верх” – “низ”. Смерть ассоциируется у человечества с движением “вниз”, а воскрешение – с движением “вверх”. В стихотворении установлена игра и переверот текстовых миров: прохожие думали, что Мисс Викирбай была привидением и это ошибочное предположение интенсифицировано словесными поэтическими образами “<...> / *She came walking from the dead.* / <...>”, “<...> / *A thin shadow of a shade / Quavered through the garden-door.* / <...>”; метафорическими эпитетами “*a thin shadow*” (“тонкая тень”), “*the phantom glide*” (“плавное движение привидения”).

Мёртвым был мальчик-садовник Билли, который воскрес и разговаривал с прохожими рядом с прудом, в котором когда-то утонул (“<...> / *With a grin his face was bright / As the pool he stood beside.* / <...>”). Строфа с метаморфозой “<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>” является медиатором между миром живых и миром мёртвых, позволяет интерпретировать логическое расположение Мисс Викирбай в мире живых, а мальчика-садовника Билли – в мире мёртвых. Таким образом, выявляем на примере этого стихотворения вертикальное изменение пространства. Прохожие поняли, что привидение – это мальчик, а в финале поэтического текста выявлен глагол “*drowned*” (“утонуть”), семантика которого интенсифицирует движение “вниз”.

Воскрешение мальчика в реальном мире живых из воображаемого мира мёртвых и есть тем движением “вверх” в образе “привидения” (“*a ghost*”). Именно эта

номинативная единица повторяется до строки с метаморфозой (“<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>”) в мире живых (“*the phantom*” = “*the ghost*”, “*ghost-walk*”, “*a ghost*”) и является маркером вертикальной оси пространствоформирующей функции метаморфозы (см. Рис. 5):

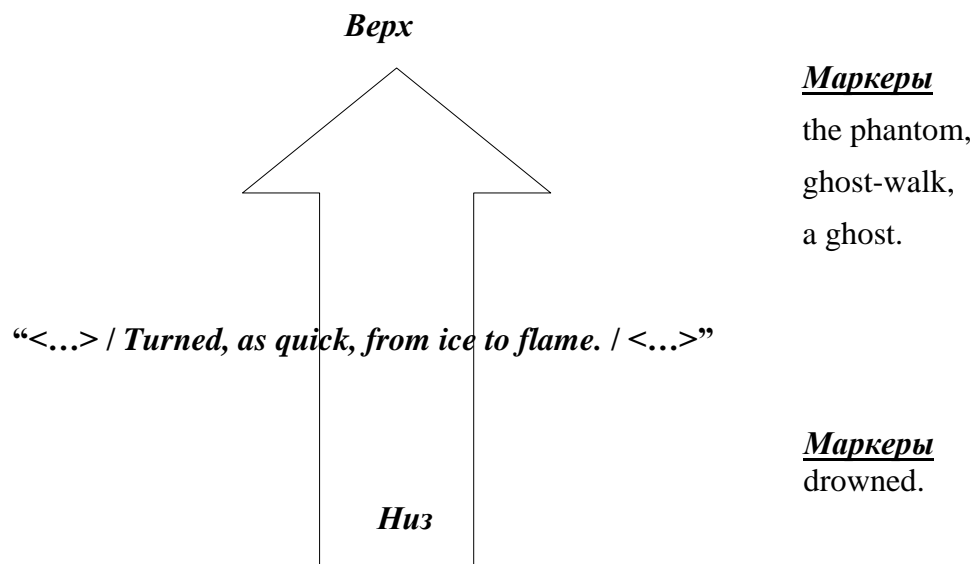

Рис. 5. Вертикальная ось пространствоформирующей функции метаморфозы

Пространствоформирующая функция метаморфозы в горизонтальной направленности акцентирована в поэтических текстах при доминировании грамматического аспекта в маркерах этой функции. Вертикальная направленность отмечена при доминировании семантического критерия в маркерах этой функции. Пространствоформирующая функция метаморфозы выявлена в английских поэтических текстах во время исследования мирозозидающей функции и отдельно от неё в стихотворениях не акцентирована, поскольку отсутствие мирозозидающей функции привлекает внимание к текстовым категориям проспекции и ретроспекции, а также ориентационным концептуальным метафорам.

В романтических, модернистских и постмодернистских метаморфозах воплощена семиотическая функция через семиотические механизмы кодирования и декодирования ценностей путём воплощения кодов и символов в номинативных единицах превращаемого и превращённого. В поэтическом наследии Англии выявлено слияние кодов при изменении их оценки и перемене одного кода на такой же самый. Согласно проведённому исследованию воплощения семиотической функции метаморфозы в английских поэтических текстах в превращаемом, превращённом и каузаторе выявлены символы, которые обобщены в таблицах (см. Табл. 1 и Табл. 2):

Таблица 1

Символы романтической метаморфозы

Превращаемое	Превращённое	Каузаторы
a ladybird	sea / ocean	the Cupid
	the rose	the worm
a swallow	an apple-tree / an apple	
water	a sty (the swine)	a serpent
a wreath of roses	ocean	
a dart	a golden staff	a dog
the garden		
the Cupid		
a chapel		
a red rose	a white rose	
	a crown of thorn	

Таблица 2

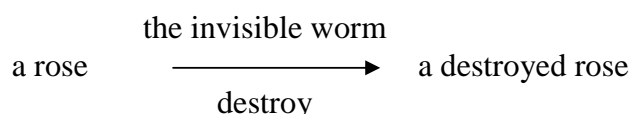
Символы модернистской и постмодернистской метаморфозы

Превращаемое	Превращённое	Каузаторы
a rose	rain	a rose
a soldier		a butterfly
sea	sky	the worm
the flower	a dust of England	
	water	
	the quicksand	
	wind	
blood		

В качестве примера предлагаем стихотворение В.Блейка *“The Sick Rose”*:

O Rose, thou art sick! / The invisible worm, / That flies in the night, / In the howling storm, / Has found out thy bed / Of crimson joy; / And his dark secret love / Does thy life destroy [Blake: 166–167].

В поэтическом тексте семиотическая функция метаморфозы воплощена благодаря наличию символов в превращаемом и превращённом. Так, превращаемое метаморфозы предлагаемого стихотворения выражено номинативной единицей *“роза”* (*“a rose”*), которая является культурологическим символом. Превращённым – *“повреждённая роза”* (*“a destroyed rose”*), предикатом является глагол *“разрушать”* (*“destroy”*), а каузатором – *“невидимый червь”* (*“the invisible worm”*):

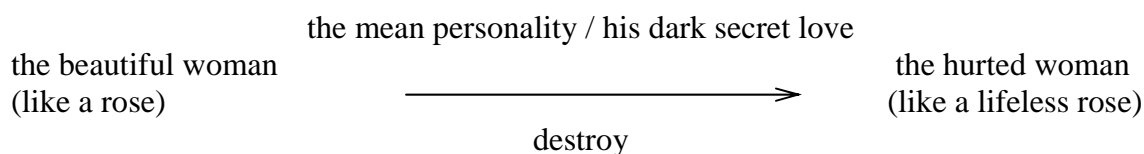

Роза – символ женской красоты, а червь – символ разрушения [Бидерман 1996: 175–185]. Символически метаморфозу поэтического текста можно трактовать не только как превращение цветка, а и как превращение или гибель девушки из-за любви к подлому человеку, причине этой метаморфозы. В поэтическом тексте

вегетативный код и код чувств и эмоций не меняются, а трансформируется оценка с позитивной на негативную.

Соответственно, модель метаморфозы приобретает такой вид:

Исследование особенностей функционирования метаморфозы в английских поэтических текстах XIX–XX веков показало, что в романтизме, модернизме и постмодернизме доминирующей функцией является мирозозидающая и пространствоформирующая. Результаты исследования функций метаморфозы обобщены в таблице (см. Табл. 3):

Таблица 3

Обобщённое процентное и количественное соотношение реализации функций метаморфозы в английских поэтических текстах романтизма, модернизма и постмодернизма

<i>Функции метаморфозы</i>	<i>Культурно-исторические периоды</i>					
	Романтизм		Модернизм и постмодернизм		Романтизм, модернизм и постмодернизм (обобщение результатов количественного подсчёта реализации функций)	
	%	Количество реализаций в стихах	%	Количество реализаций в стихах	%	Количество реализаций в стихах
<i>Текстообразующая</i>	35 %	469	23 %	86	41 %	705
<i>Мирозозидающая и пространствоформирующая</i>	42 %	563	47 %	177	33 %	568
<i>Семиотическая</i>	15 %	203	9 %	36	18 %	310
<i>Апеллятивная</i>	8 %	107	21 %	79	8 %	137

3. Выводы

Таким образом, в английских поэтических текстах с метаморфозой главная роль принадлежит текстообразующей функции. Наличие символов и симулякров в словесных знаках превращаемого, превращённого и каузатора позволило установить достаточный процент семиотической функции. Превращение одного реального мира в другой – реальный, а также реального мира в воображаемый в стихотворениях с метаморфозой обуславливает высокий процентный показатель мирозозидающей и пространствоформирующей функций. Апеллятивная функция

составляет наиболее низкий показатель. Полученные результаты являются доказательством уменьшения дидактичности метаморфозы в сравнении с мифологическими и фольклорными метаморфозами и окончательно свидетельствуют об оформлении метаморфозы тропеической синтактико-стилистической фигурой [Москвичова 2014].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бидерман Г. Энциклопедия символов / Ганс Бидерман. – М. : Республика, 1996. – 329 с.
2. Бондаренко Е.В. ВРЕМЯ как лингвокогнитивный феномен в англоязычной картине мира : монография / Евгения Валерьевна Бондаренко. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 377 с.
3. Белехова Л.І. Словесний образ в американській поезії : лінгвокогнітивний аспект / Лариса Іванівна Белехова. – М. : ООО «Звездапад», 2004. – 376 с.
4. В двух измерениях : Современная британская поэзия в русских переводах. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 528 с.
5. Веселовский А.Н. Избранное : Историческая поэтика / Александр Николаевич Веселовский. – СПб. : Университетская книга, 2011. – С. 417–495.
6. Дикарева Л.Ю. Міфопоетика метаморфози і способи її об'єктивації у художньому мовленні : лінгвосоціотичний аспект (на матеріалі прози М.В. Гоголя та М.О. Булгакова) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / Дикарева Лариса Юріївна. – К., 2003. – 234 с.
7. Крохмальний Р.О. Українська романтична поезія 20–60-х років ХІХ століття : модуль метаморфози : дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 / Крохмальний Роман Олексійович. – Львів, 1997. – 188 с.
8. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Джордж Лакофф, Марк Джонсон. – М. : УРСС, 2004. – 253 с.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера / Юрий Михайлович Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2001. – С. 670–673.
10. Москвичова О.А. Метаморфоза у віршованих текстах англійської поезії ХІХ–ХХ століть : лінгвосоціотичний та лінгвокогнітивний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Москвичова Оксана Анатоліївна. – Херсон, 2014. – 263 с.
11. Нечуй-Левицький І. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології / Іван Нечуй-Левицький. – К. : Обереги, 2003. – С. 110–121.
12. Ніконова В.Г. Концептуальний простір трагічного в п'єсах Шекспіра : поетико-когнітивний аналіз : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Віра Григорівна Ніконова. – К., 2008. – 34 с.
13. Потебня А.А. Слово и миф / Александр Афанасьевич Потебня. – М. : Правда, 1989. – С. 285–286.
14. Слухай Н.В. Етноконцепти та міфологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології / Наталя Валентинівна Слухай. – К. : КНУ, 2005. – 167 с.
15. Степанов Ю.С. Протей : очерки хаотической эволюции / Юрий Сергеевич Степанов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 147.

16. Якобсон Р. Из воспоминаний / Роман Якобсон // Мир Велимира Хлебникова. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 83–89.
17. Dunnett Alan Selected Poetry [Электронный ресурс] / Alan Dunnett // Режим доступа : <http://www.alandunnett.co.uk>. – Р. 1–2.
18. Poets` Corner. Selected Poetry [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://www.theotherpages.org/poet`scorner>. – 2496 p.

REFERENCES

- Belekhova, L.I. (2004). *Slovesniy obraz v amerikanskiy poeziji: lingvokognitivniy aspekt. [Verbal Image Space of American Poetry: Cognitive Perspective]*. Moscow: The Starfall.
- Biderman, G. (1996). *Entsiklopediya simvolov. [Encyclopedia of Symbols]*. Moscow: The Republic.
- Bondarenko, Y.V. (2009). *VREMJA kak lingvokognitivnij fenomen v anglojazichnoy kartine mira. [TIME as Linguistic and Cognitive Phenomenon in the English World Image]*. Kharkov: Vasyl Karazin Kharkiv National University.
- Dikareva, L.Y. (2003). *Mifopoetika metamorphozi i sposobi yiyi objektivatsii u hudozhnomu movlenni: lingvosemiotichniy aspekt (na materialy prozi N.V. Gogolya ta M.A. Bulgakova). Diss. kand. filol. nauk. [Mythopoetics of metamorphosis and ways of its representation in the language of prose in the lingual-semiotic perspective (based on the materials of N. Gogol's and M. Bulgakov's works). Cand. philol. sci. diss.]*. Kyiv. (in Russian).
- Dunnett, A. (2015). *Selected Poetry* [Electronic Resource]. – Available from: <http://www.alandunnett.co.uk>
- Jacobson, R. (2000). *Iz vospominaniy. [From the Remembrance]*. Moscow: The Languages of the Russian Culture.
- Krokhmalniy, R.O. (1997). *Ukrainska romantichna poeziya 20 – 60^h rokiv XIX stolittya: modul` metamorphozi. Diss. cand. filol. nauk. [The Ukrainian Romantic Poetry of the 20-60th of the XIX Century: the Module of the Metamorphosis. Cand. philol. sci. diss.]*. Lviv. (in Ukrainian).
- Lakoff, G. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem. [Metaphors We Live By]*. Moscow: URSS.
- Lotman, Y.M. (2001). *Semiosphera. [Semiosphere]*. St-Petersburg: The Art.
- Moskvichova, O.A. (2014). *Metamorphoza u virshovanih textah anglijskoji poezii XIX-XX stolit` : lingvosemiotichniy ta lingvokognitivniy aspekti. Diss. cand. filol. nauk. [Metamorphosis in Poetic Texts of the English Poetry of the XIX-XXth Centuries: Linguistic, Semiotic and Cognitive Perspective. Cand. philol. sci. diss.]*. Kherson. (in Ukrainian).
- Nechuy-Levitskiy, I. (2003). *Svitoglyad ukrainskogo narodu. Eskiz ukrainskoyi miphologii. [The Viewpoint of the Ukrainian People. Sketch of Ukrainian Mythology]*. Kyiv: The Guard.
- Nikonova, V.G. (2008). *Kontseptualniy prostir tragichnogo v pyesah Shekspira: poetico-kognitivniy analiz. Aftoref. diss. dokt. filol. nauk. [Conceptual Space of the Tragic in Shakespeare's Plays: A Cognitive-Poetic Analysis. Author`s summary dr. philol. sci. diss.]*. Kyiv. (in Ukrainian).

- Poets` Corner. Selected Poetry* [Electronic Resource]. – Available from: <http://www.theotherpages.org/poet`scorner>
- Potebnya, A.A. (1989). *Slovo i mif. [Word and Myth]*. Moscow: The Truth.
- Slukhay, N.V. (2005). *Etnokontsepti i mifologiya shidnih slovyan v aspekti lingvokulturologii. [Ethnic Concepts and Mythology of the Eastern Slavs in the Aspect of the Linguistic Culture]*. Kyiv: Kyiv National University.
- Stepanov, Y.S. (2004). *Protey: ocherki haoticheskoy evolutsii. [Protey: the Sketch of the Chaotic Evolution]*. Moscow: The Languages of the Slavic Culture.
- V dvuh izmereniyah: Sovremennaya britanskaya poeziya v ruskih perevodah. (2009) [In Two Dimensions: The Modern English Poetry in the Russian Translation.]*. Moscow: The New Literary Review.
- Veselovskiy, A.N. (2011). *Istoricheskaya poetika. [Historical Poetics]*. St-Petersburg: The University Book.

Москвичёва Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского и турецкого языков факультета переводоведения Херсонского государственного университета (ул. 40 лет Октября, 27, Херсон, 73003); e-mail: moskvi-oksana@yandex.ru.

УДК 811'111

**IMAGE OF A LEADER'S LINGUISTIC PERSONALITY
 IN POLITICAL DISCOURSE
 L.L. Slavova (Kyiv, Ukraine)**

Л.Л. Славова. Образ языковой личности лидера в политическом дискурсе. В статье предложен новый подход к изучению языковой личности политического лидера с позиций политической лингвоперсоналогии. Автор характеризует жанровые и дискурсивные черты языковой личности политиков; доказывает влияние пресуппозиции на дискурсивный статус языковой личности политиков. Языковая личность политика выступает в таких ипостасях, как 1) индивидуальная личность, наделенная возрастными, гендерными и статусными характеристиками; 2) коллективная личность – выразитель идей стартума или нации; 3) обобщенно-символическая личность – ярлык стартума или этнонационального сообщества в восприятии других; 4) виртуальная личность, сконструированная институтом спичрайтерства. Последняя детально освещается в статье.

Ключевые слова: политический дискурс, пресуппозиция, речевые акты, фоновые знания, языковая личность.

Л.Л. Славова. Образ мовної особистості лідера у політичному дискурсі. У статті запропоновано новий підхід до вивчення мовної особистості політичного лідера з позицій політичної лінгвоперсоналогії. Авторка характеризує жанрові та дискурсивні риси мовної особистості політиків; доводить вплив пресупозиції на дискурсивний статус мовної особистості політиків. Мовна особистість політика виступає в таких іпостасях, як 1) індивідуальна особистість, наділена віковими, гендерними та статусними характеристиками; 2) колективна особистість – виразник ідей стратуму або нації; 3) узагальнено-символічна особистість – ярлик стратуму чи етнонаціональної спільноти в очах інших осіб; 4) віртуальна особистість, сконструйована інститутом спічрайтерства. Остання отримує детальне висвітлення у статті.

Ключові слова: мовна особистість, мовленнєві акти, політичний дискурс, пресупозиція, фонові знання.

L.L. Slavova. Image of a Leader's Linguistic Personality in Political Discourse. The article offers a new approach to studying the language personality of a political leader in different linguistic cultures from the perspectives of political linguistic personology. The author characterizes genre and discursive realization of communicative traits of politicians' linguistic personality; proves the influence of presupposition on the discursive status of politicians' linguistic personality. Linguistic personality of a politician can be manifested as 1) individual personality (age, gender and status characteristics); 2) collective personality representing the ideas of stratum or nation; 3) generalized symbolic personality – stratum label of national ethnic community in the eyes of others; 4) virtual personality constructed by the institute of speechwriting. The latter has been highlighted in a detailed way in the article.

Keywords: background knowledge, linguistic personality, political discourse, presupposition, speech acts.

Introduction

Ideas of political linguistic personology are based on the theory of linguistic personality [Bohin 1984; Vorkachov 2000; Karasik 2001; Karaulov 1987; Potapenko 2004; Susov 1989, etc.]; postulates of cognitive linguistics [Babushkin 1996; Boldyrev 2000, Zhabotynska 1999;

Kubryakova 2004; Lakoff 2003]; linguistic culture [Vorobiev 2008; Wierzbicka 1997, etc.], the theory of communication [Bacevych 2005; Pocheptsov 1998; Semenyuk 2010; Soloshuk 2006; Shevchenko 2005]; theory of political discourse [Baranov 2004; Vodak 1997; Shejgal 2004; Chudinov 2006; van Dijk 1997, etc.]; theory of speech genres [Arutyunova 1999; Bahtin 2000; Krysin 1976, etc.], and the concept of communicative strategies [Dijk 1997; Issers 2006; Mihaleva 2009; Parshina 2007; Snytko 2007].

The theory of linguistic personality includes such directions as theoretical and methodological [Bohin 1984; Ivancova 2008; Karaulov 1987]; psycholinguistic [Frumkina 1992]; sociolinguistic [Alefirenko 2006; Krysin 1976]; linguocognitive [Babushkin 1996; Karasik 2001; Shahnarovich 1995]; communicative pragmatic [Sentenberg 1994; Suhih 1993; Shahovskij 2001], cultural space [Vorob'ev 2008; Karasik 2001; Kochetkova 1999; Thorik 2000], intercultural communication [Donec 2001; Grishaeva 2007; Leontovich 2007]; scientific humanitarian [Synycya 2007]; linguo-didactic [Bohin 1984; Prohorov 2006].

Yu.M. Karaulov presented a model of linguistic personality on verbal-semantic, cognitive and motivational levels. The last two are related to the cognitive and onomasiological nature of a linguistic personality, which can be revealed through the process of reconstruction. The notion reconstruction is treated much wider nowadays and is correlated with the issues of categorization and conceptualization of different fragments of reality, in particular a political one, often treated by scientists as political discourse. We define political discourse as the combination of thesaurus of precedent phenomena, models of typical speech actions and genres of communication focused on the sphere of political communication [Vodak 1997; Chudynov 2006; Shejhal 2004].

The central concept of political discourse is a linguistic personality as a cognitive-discursive phenomenon, the study of which in this perspective is a new theoretical and methodological problem. From these positions the linguistic personality of a political leader is defined as a generalized image that embodies the typical features of representatives of this sphere and specific features characteristic of a particular linguoculture.

Topicality of the research is predermined by the orientation of cognitive linguistics, discourse studies alongside with linguistic personology at the establishment of relationships between a language and discursive consciousness, reflecting specific national picture of the world of representatives of the certain society and outlining an individual portrait of a linguistic personality in a certain type of discourse.

The aim of the paper is to disclose the notion of the virtual image of a politician's linguistic personality and characterize the means of its representation in political discourse. **The object** is the linguistic personality of a politician. The subject is the procedure of reconstructing the virtual image of a politician's linguistic personality.

The material of the research is contemporary American political discourse taken from the Internet sources and periodicals of late XX – early XXI century. In particular the speeches of G. Bush (Ukraine, 1991) and J. Biden (Ukraine, 2015) have been analyzed.

Data and methods. To achieve the aim we used different linguistic methods at different stages of investigation. They are elements of quantitative analysis; the elements of conceptual analysis, symptomatic **statistical method; elements of discourse analysis; interpretive text-analysis.**

Discussion. Linguistic personality of a politician is the basic concept of linguistic personology and is the generalized image that reflects the typical features of the representatives of this profession and specific features characteristic of this linguoculture.

Linguistic personality of a politician can be manifested as 1) individual personality (age, gender and status characteristics); 2) collective personality representing the ideas of stratum or nation; 3) generalized symbolic personality – stratum label of national ethnic community in the eyes of others; 4) virtual personality constructed by the institute of speechwriting.

The **virtual image of a politician's linguistic personality** is reconstructed on the basis of speech acts analysis. They are differentiated according to the role in the communication process and are used in various genre forms of political discourse.

The positioning of the speaker as an authoritative narrator, messenger and as a decisive actor is crucial. Certain kinds of speech acts, for example orders, requests, advising, warnings, promises, commitments, etc., can only be performed “felicitously” on the basis of recognized powers [Chilton 2003: 219]

The most typical speech acts in the genre of political speech are representatives. They are presented by simple statements and claims:

Centuries ago, your forebears named this country Ukraine, or "frontier," because your steppes link Europe and Asia [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

But as history tells us and shows, and as we know, Ukraine's leaders proved incapable of delivering on the promise of democratic revolution [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

Directives are one of the most power-dependent linguistic expressions of coercion:

In your heart, you know what's right. You know. Do it [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

Commissives (promises, threats and offerings) are an indispensable part of a political speech:

We will determine our support not on the basis of personalities but on the basis of principles [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

As long as you remain on that path, as long as you honor the obligation to the Ukrainian people, you never have to worry or doubt America and the United States will be by your side [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

Promises are the inverse of threats (which are close to warnings), and in political discourse the boundary is fragile, since the future action referred to in both acts may be something desirable to some hearers and something undesirable to others powers [Chilton 2003: 221].

Political leaders represent themselves, their views on social and political phenomena, their citizens and their opponents through verbal and nonverbal means of communication.

Analysis of appropriate language and speech markers used by politicians to express their world views allows determining the background knowledge in the structure of the leaders' linguistic personality.

In the discourse of political leaders their background knowledge is represented by conceptual metaphors, phraseological units, allusions, metonymy, and precedent phenomena.

Background knowledge is an effective tool in the perception of the world. Their content includes facts of the past and present life in the life of linguistic culture that are verbalized in the form of allusions, phraseology, quotations, precedent phenomena, etc.

Usage of precedent phenomena can be explained by the links to certain social and political events, the ability of concise description of events and phenomena, appeals to the famous personalities, creation of image and the impact in terms of audience perception. Presenting some important information through the use of precedent phenomena helps reveal the essence linguocultural realities.

Usage of precedent utterances, famous quotations enable a linguistic personality to visualize clearly the image that he wants to create in the imagination of the audience.

G. Bush quotes the words of Olexander Dovzhenko in his speech, giving the metaphoric image of Kyiv:

This beautiful city brings to mind the words of the poet Alexander Dovzhenko: "The city of Kiev is an orchard. Kiev is a poet. Kiev is an epic. Kiev is history. Kiev is art" [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

Then he refers also to an old Ukrainian proverb, which says:

*When you enter a great enterprise, free your soul from **weakness*** [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

One of G. Bush's precedent utterances is based on the lines from Taras Shevchenko:

Only in your own house can you have your truth, your strength, and freedom [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

The American political leader refers to the words of the former President Theodore Roosevelt:

Theodore Roosevelt, one of our great Presidents, once wrote: To be patronized is as offensive as to be insulted. No one of us cares permanently to have someone else conscientiously striving to do him good; what we want is to work with that someone else for the good of both of us. That's what our former President said [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

J. Biden quotes both American and Ukrainian famous people in different contexts:

A great poet Taras Shevchenko wrote verse after verse declaiming the spirit of Ukraine, urging his fellow Ukrainians rise up and claim their liberty. His poem "The Testament" ends with this reflection. And I quote:

Then, in the mighty family

Of all men that are free,

May be sometimes, very softly

You will speak of me?

May be sometimes very softly you will speak of me (Applause.) [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

The American Vice-President quotes the greatest Ukrainian poets and Ukrainian audience approvingly (*Applause.*) perceives it. It touches the soul of everyone present.

One of the quotations mentioned in Biden's speech is Thomas Paine's:

To quote an early American patriot, Thomas Paine, "These are the times that try men's souls." These are the times that try men's souls [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

Citing the words of Edmund Burke, British statesman, parliamentary orator and political thinker, made significant impact on the audience and gave the vivid image of what the parliament is:

Edmund Burke said it best in 1774, speaking to his constituency in Bristol, England. Here's what he said: "Parliament is a deliberative assembly of one nation, with one

interest – that of the whole; where not local purpose, not local prejudice ought to guide, but the general good” [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

Stylistic means and devices used in political speeches make them sound more convincing, brighter and more appealing.

A distinctive feature of American political speeches is the reference to the basic values of American society of democracy, freedom and equality.

We will support those in the center and the Republics who pursue freedom, democracy, and economic liberty [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

Their blood and courage delivering to the Ukrainian people a second chance for freedom [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

Most speeches of American political leaders include lexical units relating to religion:

And may I simply say, may God bless the people of Ukraine [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

May God bless our two great nations and may God protect our troops [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

The use of expressive means makes the political speech more emotional and appealing to the audience:

phraseological units (*death knell*):

And if the people resign themselves to exploitation and corruption for fear of losing whatever little they have left, that would be the death knell for Ukrainian democracy [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

metaphors:

We mean a system of government that derives its just power from the consent of the governed, that retains its legitimacy by controlling its appetite for power [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

For years, you had elections with ballots, but you did not enjoy democracy. And now, democracy has begun to set firm roots in Soviet soil [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

And the bright flame of hope for a new Ukraine snuffed out by the pervasive poison of cronyism, corruption, and kleptocracy. [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

Some of the source domains of conceptual metaphors to be distinguished are war and medicine. The frame WAR has 2 components:

1. Military actions (*a battle, fight, struggle*):

But the battle for our independence was underway well before the first shots were fired [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

But in addition, you also have a battle, a historic battle against corruption [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

They're watching you because their hopes for your success as you fight both the unrelenting aggression of the Kremlin and the cancer of corruption will

impact on them [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

We support the struggle in this great country for democracy and economic reform [https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech].

2. Place of military actions (*battlefields*):

Because as all of you know the struggle for Ukraine's freedom is not confined to the battlefields of the east.

The frame "Medicine" is represented by its component disease, illness (*cancer*):

But I can tell you, you cannot name me a single democracy in the world where the cancer of corruption is prevalent [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

Metaphors are more than just colorful; they structure thought [Political Keywords 2005: 46].

Among syntactic stylistic devices repetition and parallel constructions help create emotionality of a speech:

This is your moment. This is your responsibility. Each of you – if you'll forgive me for speaking to you this way in your body – each of you has an obligation to seize the opportunity that the sacrifices made in the Maidan, the sacrifices of the Heavenly Hundred. Each of you has an obligation to answer the call of history and finally build a united, democratic Ukrainian nation that can stand the test of time [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

This stylistic device helps logically highlight those parts of statements to which the speaker wants to draw attention of the audience. Giving information in such a way contributes to the logical and balanced presentation of information. In political speeches all four types of repetition in combination with parallel structures are found, but anaphora is more widely used.

The use of repetition and syntactic parallelism makes the speech more convincing:

No one should mistake saber rattling and bombast for strength. Let me say that again, no one should mistake saber rattling and bombast for real strength [<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>].

Such stylistic coloring indicates an intended pragmatic orientation, which, according to V.A. Kuharenko "is the best way to involve the recipient on the side of the author and convince him that the author's concept is true" [Kuharenko 1988: 3].

The Ukrainian mass media qualified the speech of J. Biden in the Ukrainian Parliament as a lesson of parliamentary arts. His speech can be compared with speeches of American political leaders before elections [<http://galinfo.com.ua>].

Informative for the qualification of political speeches, inaugural ones including, in various linguocultures is the ratio of keywords. Each keyword contains a network of associations, calling up different memories and imaginings. Keywords are used to create momentum and to adjust to emerging political realities [Political Keywords 2005].

The length of J. Biden speech is 3918 words. In comparison with G. Bush's speech it is almost twice bigger. The length of G. Bush's speech is 2152 words. Key words are most informative, they disclose the picture of the world perceived by the speaker.

In Table 1 we show the statistic representation of speeches of G. Bush during his visit to Ukraine in 1991 and the speech of J. Biden during his visit to Ukraine in 2015.

Table 1

**Statistic representation of G. Bush's speech (Ukraine, 1991)
and J. Biden's speech (Ukraine, 2015)**

G. Bush's speech during his visit in Ukraine in 1991	J. Biden's speech during his visit in Ukraine in 2015
freedom – 20 – 16,1%	Ukraine – 32 – 14, 6%
people – 19 – 15,3%	people – 27 – 12,3%
democracy – 12 – 9,7%	Ukrainian – 22 – 10%
American (s) – 11 – 8,9 %	world – 16 – 7,3%
government – 11 – 8,9 %	country – 11 – 5%
liberty – 9 – 7,25%	corruption – 11 – 5%
Ukraine – 8 – 6,45%	the United States – 9 – 4,1%
Economic – 8 – 6,45%	reform(s) – 9 – 4,1%
free – 8 – 6,45%	American(s) – 8
support – 8 – 6,45%	opportunity – 8 – 3,7%
Ukrainian – 5 – 4%	president – 8 – 3,7%
enterprise – 5 – 4%	Support – 8 – 3,7%
	time(s) – 7 – 3,2%
	Russian – 7 – 3,2%
	election(s) – 7 – 3,2%
	America – 6 – 2,7%
	commitment – 6 – 2,7%
	dignity – 6 – 2,7%
	nation – 5 – 2,3%
	freedom – 5 – 2,3%
124 – 100 %	218 – 100%

On the basis of the carried out analysis we may state that certain key words have been repeated (*freedom, support, Ukraine, Ukrainian, people, Americans*) in these two speeches. In G. Bush's speech we come across 5 words that are mentioned more than 10 times, and in the speech of J. Biden there are 6. Keywords are so ultimately tied to what a society values and detests, what it inspires and what it fears [Political Keywords 2005: 258].

In different historical periods of Ukraine American political leaders focus their attention on different values and concepts that reflect the reality of the Ukrainian society from their standpoint. Freedom, democracy and economic liberty are the key notions of G. Bush's speech. While J. Biden's message lies in the struggle against corruption, the necessity of further reforms, and fight against Russian's aggression, support and continuation of ideas of Revolution of Dignity.

Tomorrow's keywords may be different from today's, but some will persist. They persist because people persist and cultures persist and problems persist and opportunities persist and politics persists. For these reasons, too, we must give *peace* a chance [Political Keywords 2005: 261–262].

Conclusion

The virtual image of the politician's linguistic personality is reconstructed on the basis of analysis of different speech acts, which are differentiated according to the role in the communication process and used in various genre forms of political discourse. The influence of the presupposition on a discursive status of politicians' linguistic personality has been proved. Background knowledge is an effective tool in the perception of the world. Its content includes facts from the past and present of the life of a linguoculture that are verbalized in the form of allusions, phraseology, quotations, precedent phenomena, etc. Usage of the precedent phenomena is explained by certain socio-political events, the ability of concise description of events and phenomena, creating imagery and the impact on the audience in terms of perception. Presenting some important information through the use of precedent phenomena helps reveal the essence of linguocultural realities. Keywords proved to be informative for the qualification of political speeches.

LITERATURE

1. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности / Н.Ф. Алефиренко // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. – Ч. 1. – С. 6–10.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова; [2-е изд., испр.]. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XV. – 896 с.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
4. Баранов А.Н. Предисловие редактора / А.Н. Баранов // Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
5. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров / М.М. Бахтин // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249–298.
6. Бацевич Ф. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи / Ф. Бацевич. – Львів: ПАІС, 2005. – 264 с.
7. Богин Г.И. Модель языковой личности и её отношение к разновидностям текстов: автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» / Г.И. Богин. – Л.: Ленинград. гос. ун-т, 1984. – 31 с.
8. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. – 123 с.
9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; [пер. с англ.]. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
10. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
11. Воркачев С.Г. Сопоставительное описание языковых личностей (на материале немецкой и русской фразеологии) / С.Г. Воркачев, И.В. Мединцева // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 68–72.

12. Воробьев В.В. Лингвокультурология : монография / В.В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 2008. – 336 с.
13. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов : монография / Л.И. Гришаева. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2007. – 261 с.
14. Донец П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой, вопросы этики и дидактики : монография / П.Н. Донец. – Харьков : Штрих, 2001. – 386 с.
15. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А. Жаботинская // Вісник Черкас. ун-ту. – Серія Філологічні науки. – Черкаси : Видавничий відділ Черкас. держ. ун-ту ім. Б. Хмельницького. – 1999. – Вип. 11. – С. 12–25.
16. Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии / Е.В. Иванцова // Вестник Томск. гос. ун-та. – Серия: Филология. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2008. – № 3 (4.). – С. 27–41.
17. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс ; [3-е изд., стереотип.]. – М. : КомКнига, 2006. – 228 с.
18. Карасик В.И. Аспекты языковой личности / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы когнициии : сб. науч. тр. – Волгоград : Коллед", 2001. – С. 172–183.
19. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
20. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.В. Кочеткова. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 1999. – 53 с.
21. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих / Л.П. Крысин // Социолингвистические исследования. – М. : Наука, 1976. – С. 42–52.
22. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Известия АН. – Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 63. – № 3. – С. 3–12.
23. Кухаренко В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
24. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие / О.А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2007. – 368 с.
25. Михалёва О.Л. Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
26. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О.Н. Паршина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
27. Потапенко С.І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу) : монографія / С.І. Потапенко. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с.
28. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Центр, 1998. – 352 с.
29. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М. : Комкнига, 2006. – 224 с.
30. Семенюк О.А. Основи теорії мовної комунікації : навч. посібник / О.А. Семенюк, В.Ю. Парашук. – К. : Академія, 2010. – 240 с.

31. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте / И.В. Сентенберг // Языковая личность: проблемы значения и смысла : сб. науч. тр. / [под ред. И.В. Сентенберг, В.И. Карасика]. – Волгоград : Перемена, 1994. – С. 14–24.
32. Синиця І.А. Мовна особистість автора у науково-гуманітарному тексті ХІХ століття (комунікативний, культурологічний, образно-стилістичний аспекти) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / І.А. Синиця ; НАН України. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – К., 2007. – 36 с.
33. Снитко Е.С. Коммуникативная стратегия поощрения и речевые тактики ее реализации / Е.С. Снитко // Русистика. – Вып. 7. – К. : Киев. нац. ун-т, 2007. – С. 18–25.
34. Солощук Л.В. Вербальні та невербальні компоненти комунікації в англomовному дискурсі : монографія / Л.В. Солощук. – Харків : Константа, 2006. – 300 с.
35. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения / И.П. Сусов // Личностные аспекты языкового общения : межвузовский сборник научных трудов. – Калинин : КГУ, 1989. – С. 3–20.
36. Сухих С.А. Черты языковой личности / С.А. Сухих // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц : сб. науч. трудов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1993. – С. 85–91.
37. Тхорик В.И. Языковая личность в аспекте лингвокультурологических характеристик / В.И. Тхорик. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2000. – 196 с.
38. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – Сер. 2. – 1992. – № 3. – С. 11–18.
39. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М. : Фланта : Наука, 2006. – 256 с.
40. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность / А.М. Шахнарович // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. статей. – М. : Ин-т русского языка РАН, 1995. – С. 211–223.
41. Шаховский В.И. Когнитивные ресурсы эмоциональной языковой личности / В.И. Шаховский // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации : сб. науч. тр. – Волгоград : Колледж, 2001. – С. 11–16.
42. Шевченко І.С. Когнітивно-прагматичні дослідження дискурсу / І.С. Шевченко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : кол. монографія ; [під заг. ред. І.С. Шевченко]. – Харків : Константа, 2005. – С. 233–236.
43. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДК «Гнозис», 2004. – 326 с.
44. Chilton P. Discourse and Politics / P. Chilton, Ch. Schäffner // Discourse as Social Interaction. Discourse Studies : A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. [ed. by T.A. van Dijk]. – London, Thousand Oaks, New Delhi : SAGE Publications, 2003. – P. 206–230.]
45. Dijk T.A. van. The Study of Discourse / T.A. van Dijk // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – London; Thousand Oaks; New Delhi. – 1997. – Vol. 1: Discourse as Structure and Process. – P. 1–34.

46. Galinfo [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: http://galinfo.com.ua/news/portnykov_vystup_baydena_v_ukrainskomu_parlamenti__tse_urok_chesnosti_213765.html
47. Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
48. *Political Keywords: using language that uses us* / [R.P. Hart, S.E. Javris, W.P. Jennings, D. Smith-Howell]. – New York, Oxford : Oxford University Press, 2005. – 279 p.
49. The White House. Office of the Vice President [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada.html>
50. Wikisource [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech.

REFERENCES

- Alefirenko, N.F. (2006). *Tekst i diskurs v fokuse jazykovej lichnosti* [Text and Discourse in the focus of the language person] Proceedings from Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: *Jazykovaja lichnost' – tekst – diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovanija*. Ch. 1, – Proceedings from the International scientific conference: *Linguistic personality – text – discourse: theoretical and applied aspects of research*. Part 1. Samara: SSU, 6-10 (in Russian)
- Arutyunova, N.D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kultury.
- Babushkin, A.P. (1996). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka*. [Types of concepts in lexical and phraseological semantics of the language]. Voronezh: VGU.
- Baranov, A.N. (2004). *Predislovie redaktora*. [Editor's preface] *Metafory, kotorymi my zhivem*. –Metaphors we live by Transl.; Moscow: Yeditorial URSS, 7-21. (in Russian).
- Bakhtin, M.M. (2000). *Problemy rechevykh zhanrov* [Problems of speech genres] *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk*. – Author and hero: the philosophical foundations of the humanities. SPb.: Azbuka.
- Batsevich, F. (2005). *Lingvistichna genologiya: problemi i perspektivi*. *Linguistic genology: problems and perspectives*. Lviv : PAIS.
- Bogin, G.I. (1984). *Model' jazykovej lichnosti i ejo otnoshenie k raznovidnostjam tekstov: avtoreferat diss d-ra filol. nauk: model of linguistic personality and its relation to varieties of texts*. Leningrad: LSU (in Russian).
- Boldyrev, N.N. (2000). *Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii*. *Cognitive semantics: a course of lectures in English philology*. Tambov: TSU.
- Chilton, P., & Schäffner, Ch. (2003). *Discourse and Politics. Discourse as Social Interaction. Discourse Studies*. In: T.A. van Dijk (Ed.). London, Thousands Oaks; New Delhi: SAGE Publications.
- Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika*. [Political linguistics]. M. : Flinta: Nauka.
- Dijk, T.A. van. (1997). *The Study of Discourse. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. London, Thousands Oaks, New Delhi: SAGE Publications.

- Donets, P.N. (2001). *Osnovy obshchey teorii mezhkulturnoy kommunikatsii: nauchnyy status, ponyatiynyy apparat, yazykovoy i neyazykovoy, voprosy etiki i didaktiki*. [The general theory of intercultural communication: the scientific status, conceptual apparatus, linguistic and non-linguistic, ethics and didactics]. Kharkov: Shtrikh.
- Grishaeva, L.I. (2007). *Osobennosti ispolzovaniya yazyka i kulturnaya identichnost kommunikantov*. [Specific language use and cultural personality of communicators]. Voronezh: VGU.
- Hart, R.P., Javris, S. E., Jennings, W.P., & Smith-Howell, D. (2005). *Political Keywords: using language that uses us*. New York, Oxford: Oxford University Press,.
- Frumkina, R.M. (1992). Kontseptualnyy analiz s tochki zreniya lingvista i psikhologa [Concept analysis from the linguist and psychologist point of view]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. – Scientific-and-technical information*, 2 (3), 11-18 (in Russian).
- Ivantsova, Ye.V. (2008). Problemy formirovaniya metodologicheskikh osnov lingvopersonologii. [Problems of forming methodological foundations for linguistic personology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya: Filologiya. Tomsk state university messenger. Series Philology. Tomsk: TGU*, 3 (4.), 27-41.
- Issers, O.S. (2006). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. Communicative strategy and tactics of the Russian speech*. M.: KomKniga.
- Karasik, V.I. (2001). Aspekty yazykovoy lichnosti. [Aspects of the linguistic personality]. In: *Yazykovaya lichnost: problemy kognitsii. – Linguistic personality: problems of cognition* (pp. 172-183). Volgograd: Kolledzh,.
- Karaulov, Yu.N. (1987). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost. Russian language and linguistic personality*. M. : Nauka.
- Kochetkova, T.V. (1999). *Yazykovaya lichnost nositelya elitarnoy rechevoy kultury. Diss. dokt. filol. nauk. [Linguistic personality of a carrier of elite speech culture. Dr. philol. sci. diss]*. Saratov. (in Russian).
- Krysin, L.P. (1976). Rechevoe obshchenie i sotsialnye roli govoryashchikh.[Speech communication and social role of speakers]. *Sotsiolingvisticheskie issledovaniya. – Sociolinguistic studies*. Moscow: Nauka.
- Kubryakova, Ye.S. (2004). Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktualnykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [On cognitive science and actual problems of cognitive linguistics]. *Izvestiya Acadrmii Nauk. Seriya literatury i yazyka. Messenger of the Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 63 (3), 3–12 (in Russian).
- Kuharenko, V.A. (1988). *Interpretaciya teksta. [Text interpretation]*. M. : Prosveshhenie.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Leontovich, O.A. (2007). *Vvedenie v mezhkulturnuyu kommunikatsiyu [Introduction to Intercultural Communication]*. M. : Gnozis.
- Mikhaleva, O.L. (2009). *Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya. Specific manipulative influence*. M.: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
- Parshina, O.N. (2007). *Rossiyskaya politicheskaya rech: Teoriya i praktika. Russian political speech: Theory and Practice*. M.: LKI.
- Pocheptsov, G.G. (1998). *Teoriya kommunikatsii [Communication theory]*. Moscow: Tsentr.

- Potapenko, S.I. (2004). *Movna osobystist` u prostori medijnogo diskursu (dosvid lingvokognityvnogo analizu) [Linguistic personality in the sphere of media discourse (a linguocognitive study)]*. Kyiv: KNLU.
- Prokhorov, Yu.Ye. (2006). *Natsionalnye sotsiokulturnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev. [National socio-cultural stereotypes of verbal communication and their role in teaching Russian language for foreigners]*. Moscow: Komkniga.
- Semenyuk, O.A. (2010). *Osnovy teoriiy movnoyi komunikaciyi. [Basics of the theory of speech communication]*. Kyiv: Akademiya.
- Sentenberg, I.V. (1994). *Yazykovaya lichnost v kommunikativno-deyatelnostnom aspekte [Linguistic personality in communicative-activity aspect]*. In: I.V. Sentenberg, & V.I. Karasik (Eds.). *Yazykovaya lichnost: problemy znacheniya i smysla. – Linguistic personality: problems of meaning and sense*. Volgograd: Peremena.
- Synycya, I.A. (2007). *Movna osobystist` avtora u naukovo-gumanitarnomu teksti XIX stolittya (komunikatyvnyj, kulturologichnyj, obrazno-stylistychnyj aspekty). Diss. dokt. filol. nauk [Linguistic personality of the author in the humanitarian research text of the 20th century (communicative, culturological, image-stylistic aspects. Dr. philol. sci. diss.)]*. Kyiv. (in Ukrainian).
- Snitko, Ye.S. (2007). *Kommunikativnaya strategiya pooshchreniya i rechevye taktiki ee realizatsii. [Communication Strategy of promotion and verbal tactics of its realization]*. *Rusistika. – Russian studies*. Kyiv: KNU, 7, 18-25 (in Russian).
- Soloshhuk, L.V. (2006). *Verbalni ta neverbalni komponenty komunikaciyi v anglomovnomu diskursi [Verbal and non-verbal communication components in the English language discourse]*. Kharkiv: Konstanta.
- Susov, I.P. (1989). *Lichnost kak subekt yazykovogo obshcheniya. [Personality as a subject of linguistic communication]*. *Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya. – Personal aspects of linguistic communication*. Kalinin: KGU.
- Sukhikh, S.A. (1993). *Cherty yazykovoy lichnosti [language personality traits]*. *Kommunikativno-funktsionalnyy aspekt yazykovykh jedinit. – Communicative-functional aspect of linguistic units*. Tver: TGU.
- Shakhnarovich, A.M. (1995). *Yazykovaya lichnost i yazykovaya sposobnost. [Linguistic personality and linguistic ability]* *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost. – Language – system. Language – text. Language – abilities*. Moscow: In-t Russkogo Yazyka RAN.
- Shakhovskiy, V.I. (2001). *Kognitivnye resursy emotsionalnoy yazykovoy lichnosti [Cognitive resources of the emotive linguistic personality]*. *Yazykovaya lichnost: problemy kognitsii i komunikatsii. – Linguistic personality: problems of cognition and communication*. Volgograd: Kolledzh.
- Shevchenko, I.S. (2005). *Kognityvno-pragmatychni doslidzhennya diskursu. [Cognitive-pragmatic studies of discourse]*. *Dyskurs yak kognityvno-komunikatyvnyj fenomen. – Discourse as a cognitive-communicative phenomenon*. Kharkiv: Konstanta.
- Sheygal, Ye.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa. [Semiotics of political discourse]*. M.: ITDK "Gnozis".
- The White House*. Office of the Vice President [Electronic Resource]. – Available from: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada.html>

- Tkhorik, V.I. (2000). *Yazykovaya lichnost v aspekte lingvokulturologicheskikh kharakteristik*. [Linguistic personality in terms of linguocultural characteristics]. Krasnodar: KGU.
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznani*. [Language. Culture. Knowledge] Moscow: Russkie slovari.
- Vodak, R. (1997). *Yazyk. Diskurs. Politika*. [Language. Discourse. Politics] Volgograd: Peremena.
- Vorkachev, S.G. (2000). *Sopostavitelnoe opisanie yazykovykh lichnostey (na materiale nemetskoy i russkoy frazeologii)*. [Comparative description of linguistic personality (based on German and Russian phraseology)]. *Lingvisticheskie paradigmy: traditsii i novatsii*. – *Linguistic paradigms: traditions and innovations*. Volgograd: Peremena.
- Vorobjev, V.V. (2008). *Lingvokulturologiya. Linguistic culturology*. M.: RUDN.
- Wikisource* [Electronic Resource]. – Available from: https://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech.
- Zhabotinskaya, S.A. (1999). Kontseptualnyy analiz: tipy freymov. [Conceptual analysis: the types of frames] *Visnik Cherkaskogo universitetu im. B. Khmel'nitskogo. Ser. Filol. nauki*. – *B. Khmel'nitsky Cherkassy University Messenger*. 11, 12-25.

Slavova Lyudmyla Leonardivna – Doctor of Philology, Associate Professor, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Dept. of Theory and Practice of Translation from English (14, Taras Shevchenko Blvd., Kyiv, Ukraine, 01601); e-mail: slavova_1@mail.ru

УДК 811.111'342.9:398

СИСТЕМА ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ АКТУАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ АНГЛИЙСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ МАЛОЙ ФОРМЫ

Л.И. Тараненко (Киев, Украина)

Л.И. Тараненко. Система просодических средств актуализации структурных элементов английских фольклорных текстов малой формы. В статье изложены системно-методологические основы решения проблемы устной актуализации английских прозаических фольклорных текстов малой формы, осуществленного с использованием научного знания когнитивистики и синергетики. В рамках функционально-прагматического подхода показаны теоретические возможности проведения энергетического анализа специфики функционирования просодических средств реализации английских фольклорных текстов малой формы. Представлены результаты экспериментального исследования просодической организации структурных элементов английских фольклорных текстов малой формы, а также инвариантные интонационные модели их исследуемых жанров.

Ключевые слова: английские фольклорные тексты малой формы, инвариантные интонационные модели, методологические основы, просодические средства, экспериментально-фонетическое исследование.

Л.І. Тараненко. Система просодичних засобів актуалізації структурних елементів англійських фольклорних текстів малої форми. У статті викладено системно-методологічні основи вирішення проблеми усної актуалізації англійських прозових фольклорних текстів малої форми, здійсненого з використанням наукового знання когнітивістики й синергетики. У межах функціонально-прагматичного підходу продемонстровано теоретичні можливості проведення енергетичного аналізу специфіки функціонування просодичних засобів реалізації англійських фольклорних текстів малої форми. Наведено результати експериментального дослідження просодичної організації структурних елементів англійських фольклорних текстів малої форми, а також інваріантні інтонаційні моделі їхніх досліджуваних жанрів.

Ключові слова: англійські фольклорні тексти малої форми, експериментально-фонетичне дослідження, інваріантні інтонаційні моделі, методологічне підґрунтя, просодичні засоби.

L.I. Taranenko. System of prosodic means actualizing structural elements of English small form folk texts. In the article the author introduces a systemic methodological basis of solving the problem of oral actualization of English small folk texts on the basis of scientific knowledge of cognitive science and synergetics. Theoretical possibilities of carrying out an energetic analysis of the functional specificity of prosodic means that realize English small folk texts are outlined in the paper within the framework of a functional-and-pragmatic approach. The author also presents the results of an experimental study of prosodic organization of English small folk texts' structural elements as well as the invariant intonation patterns of the analyzed genres.

Key words: English small form folk texts, experimental-phonetic study, invariant intonation patterns, methodological grounds, prosodic means.

1. Введение

Характерной чертой современной лингвистики становится все более четкая тенденция к обновлению ее ведущих парадигм за счет использования нового методологически высокопотенциального инструментария междисциплинарных

исследований, в состав которого, как правило, вводят системный и синергетический подходы. Не остается в стороне от этого и фонетическая наука, в рамках которой появляются новые теоретические разработки, направленные на решение ряда проблем, связанных с изучением глубинной природы и механизмов актуализации речи. В этих обстоятельствах возрастает необходимость внедрения в научную практику новейших методов повышения эффективности многофакторных междисциплинарных исследований закономерностей взаимодействия просодических средств актуализации английской речи. Особое значение при этом приобретает проблема изучения просодических средств оформления разножанровых текстов, в частности английских фольклорных текстов малой формы, поскольку в кругу общих проблем лингвистики вопросы познания закономерностей просодического выражения информации, содержащейся в устном тексте, и специфики ее воздействия на слушателя становятся в наше время теоретически актуальными.

В этих обстоятельствах в порождении закономерностей просодического выражения смысла устного текста приобретает особое значение изучение влияния эмоционально-прагматического потенциала на его актуализацию. И это вполне естественно, поскольку для раскрытия специфики просодического оформления конкретного типа текста необходимо обращать внимание не только на его структуру, жанровые особенности и прагматическое направление, но также учитывать психофизиологические факторы, непосредственно влияющие на его устную актуализацию.

Проведенный нами анализ лингвистических источников показал, что научная разработка общих фонетических проблем, в том числе проблемы устной актуализации структурных элементов английских прозаических фольклорных текстов малой формы сдерживается в настоящее время вследствие недостаточного обоснования лингвистами методологических и теоретических предпосылок проведения соответствующих исследований, ориентированных на использование в ней прогрессивных достижений смежных наук.

Поэтому целью данной работы является установление особенностей устной актуализации структурных элементов английских фольклорных текстов малой формы путем обоснования специфики взаимодействия просодических средств их оформления.

Гипотеза исследования базируется на предположении, что система средств просодического оформления английских прозаических фольклорных текстов малой формы как отдельная подсистема языка, обеспечивая по законам синергетики вместе с ее грамматической и лексической подсистемами устную актуализацию фольклорных произведений, накапливает в условиях саморазвития английского языка как открытой неравновесной системы в своих пределах определенные, обусловленные непосредственно архетипичными и типичными элементами структуры, смыслонасыщенным содержанием и прагматической направленностью фольклорных текстов разных жанров, инвариантные и варианты реализации их звучания.

2. Общелингвистические основы исследования особенностей устной актуализации прозаических фольклорных текстов малой формы

Современное состояние изучения общей проблемы языковой и структурной организации текстов устного народного творчества характеризуется, прежде всего, тем, что в результате плодотворных усилий многих лингвистов и фольклористов в течение двух последних столетий сформированы многочисленные альтернативные

подходы к его рассмотрению. Однако в системном плане нерешенными остаются такие актуальные вопросы, как: стратификация общих проблем и подходов к исследованию фольклорных текстов малой формы; интеграция в единую научную картину особенностей генезиса и механизмов реализации фольклорных текстов разных жанров; углубление концептуально-методологических представлений об исследовании процесса актуализации фольклорных текстов малой формы; систематизация семантических, структурных и функциональных признаков фольклорных текстов малой формы.

Исходя из этого, на основе результатов анализа научных теоретических и экспериментальных достижений отечественных и зарубежных исследователей по изучению проблемы устной актуализации прозаических фольклорных произведений было выяснено, что к текстам малой формы относят разные по жанровой принадлежности произведения, приобретающие в коммуникативном аспекте определенные специфические свойства: компактность стилистических приемов и выразительных средств, лаконичность и логичность изложения этической идеи, отсутствие избыточной информации, простота композиционного строения, которые и обеспечивают его лапидарность.

Выполненный нами обзор состояния формирования подходов и направлений комплексного исследования особенностей актуализации текстов малой формы показал, что мифы как исходная базовая составляющая сокровищницы устного народного творчества содержат в себе многомерный потенциал идей, сюжетов, мотивов и т.д., способных выполнять роль архетипических зародышей структурных и смыслодержательных элементов многих фольклорных произведений, возникающих на протяжении исторического времени и продолжающих возникать несколько в иной форме в настоящее время.

В методологической плоскости это позволило осуществить систематизацию подходов и направлений комплексного изучения особенностей взаимодействия средств актуализации всего множества фольклорных текстов малой формы на базе стратификации пространства обобщенной картины исследования мифов как исходных фольклорных произведений, а также систематизацию подходов, направлений и аспектов исследования закономерностей функционирования мифов как языкового явления, имеющего место в социокультурных средах далекого прошлого и настоящего. В основу дифференциации обобщенной картины исследований мифов на ее более конкретные частные научные картины нами была заложена идея отражения логики реального функционирования мифов в социуме. Эта логика предполагала, что в силу характерной особенности их функционирования, исследования мифов целесообразно осуществлять только в интеллигибельном пространстве, ограниченном психофизиологическими особенностями человека, обеспечивающими восхождение его познания через социокультурную среду к космогоническим представлениям. Именно поэтому представленная нами обобщенная картина исследований мифов охватывает три частные научные картины: космогоническую, социо-антропологическую и психофизиологическую.

Опираясь на парадигматическую схему соподчинения направлений и аспектов исследований в рамках функционального подхода, предложенную А.А. Калитой [Калита 2007: 29], мы можем утверждать, что в мифологии, как и в исследованиях других фольклорных произведений, логично воспользоваться тремя основными

научными подходами: психофизиологическим, социо-антропологическим и космогоническим. В объеме каждого из них возможна реализация альтернативных множеств и направлений исследований (напр., исторического, культурологического, психологического и т.д.). В свою очередь, любое из этих направлений четко дифференцируется на конкретные аспекты рассмотрения фольклорных текстов как объекта познания (социо-космогонический, антропо-космогонический, психо-антропологический, социо-физиологический, историко-лингвистический и т.д.).

С учетом этого пространство смыслодержательного насыщения фольклорных текстов стратифицировано нами в виде трех соответствующих научных картин: космогонической, социо-антропологической и психофизиологической, расположенных на втором иерархическом уровне классификации. Третий иерархический уровень охватывает многообразие таких направлений современных исследований фольклорных текстов малой формы, как структурно-функциональный, функционально-структурный, функционально-когнитивный, функционально-прагматический, функционально-энергетический, структурно-семантический, структурно-типологический, структурно-морфологический и т.п. Такое расширение научных представлений, а, следовательно, и обогащение соответствующих картин мира, должно происходить путем углубления поиска, обеспечиваемого постоянным приращением поля альтернативных аспектов исследования, к которым следует отнести культурологический, социокультурный, этнолингвистический, когнитивный, типологический, семантический, прагматический, суггестивный, психолингвистический, логико-семиотический, герменевтический, психо-энергетический и др.

Исследования особенностей генезиса фольклорных произведений показали, что в процессе их развития неизбежно возникают метаморфозы, которым свойственны два уровня преобразований: функциональный и структурный. При этом функциональные преобразования в своей крайней диалектической точке могут приводить к трансформации идеи фольклорного произведения в их прямые противоположности [Агранович 1997: 42–43]. Результатами же структурных преобразований могут стать изменения самого жанра фольклорного произведения, его сюжета, мотивов, действующих лиц и пр. К характерным признакам метаморфоз относят также [Dégh 1982: 59] расширение (прямая трансформация) или сокращения (обратная трансформация) сюжетно-фабульной основы, мотивов, идей, действующих лиц и т.д. исходных фольклорных текстов. Специфической особенностью описываемых трансформаций является то, что в фольклорных жанрах на основе конечного числа сюжетов развивается практически неограниченное количество их альтернативных вариантов [там же: 59], в рамках которых наблюдается подобная вариативность взаимодействия мотивов, языковых средств оформления самих текстов и т.п. Обобщение изложенных идей показывает, что ведущими факторами возникновения всех видов рассматриваемых выше трансформаций является неизменно поступательное историческое развитие этнокультурной социальной среды, в которой функционируют фольклорные произведения.

В связи с этим, исходя из известной синархической теории строения вселенной [Шмаков 1994: 25], мы сформировали модель, способную отразить истоки и саморазвитие фольклорных текстов как базовой подсистемы создания современной картины мира. Разработанная на этих основаниях обобщенная модель трансформации текстов устного народного творчества в язык современной информационной среды

подтвердила генетическую неизбежность прироста жанровых признаков, идей и альтернатив направленности фольклорных произведений, а также практическую невозможность их четкой и исчерпывающей классификации. Структура модели засвидетельствовала объективность однозначной дифференциации жанров на исходные, классические и альтернативные, а также показала, что произведения живого фольклорной языка могут быть четко разделены на три разновидности прагматической направленности их текстов: духовно-идеологическую, культурно-бытовую и креативно-назидательную. Учитывая это, массив непосредственно исследуемых английских прозаических фольклорных произведений был нами поделен на такие группы их текстов: духовно-идеологические (легенда и миф), культурно-бытовые (пословица и сказка), креативно-назидательные (загадка, анекдот, притча).

Изученные нами многочисленные публикации лингвистов и фольклористов убедительно показывают, что концептосфера содержательного насыщения фольклорных текстов малой формы как фундаментальная составляющая духовной культуры человечества предстает перед современным исследователем в виде определенного многовекторного когнитивно-речевого пространства, призванного в условиях развития архаичных этнических культур выполнять роль системного дидактического инструментария, архетипические идеи которого обеспечивали рациональное ориентирование представлений каждого индивида относительно его поведения в социуме и восприятия вселенной.

По результатам разноаспектных исследований фольклорных текстов малой формы, их архетипические идеи, на основе которых формируется общая концептосфера содержательного насыщения этих текстов, имеют, в основном, прямой или обратный, то есть векторный характер. Содержательное насыщение самих текстов определяется существовавшими в те времена архетипами человеческого поведения [Христофорова 1998: 7–8], моделями мира [там же: 9], моделями действительности [Шинкаренко 2005: 141], образными архетипами и универсалиями [Левин 1998: 76, 501–502], системами мировоззрения [Толстой 1995: 168, 291–293], социальными и этическими архетипами [Печёркина 2008: 129] и т.д. Исходя из этого и учитывая обоснованное выше разделение прагматической направленности фольклорных текстов малой формы (культурно-бытовая, креативно-назидательная, духовно-идеологическая), мы построили модель линейной интерпретации миграции идеи-архетипа во время формирования содержательных полей разножанровых фольклорных текстов, показывающую способность семантического ядра любой идеи-архетипа мигрировать сквозь возникающее с течением исторического времени множество разновидностей жанров известных нам фольклорных текстов. При этом учитывалось то, что, беря свое начало от определенного мифа как зародыша будущего эпоса [Малиновский 2004: 328–329] указанная миграция разворачивается по направлению к пословице, ядра архетипов которой выступают как вербально-ментальная форма передачи инстинктов-эмоций [Караджаев 1994: 283], а также представляют коллективное знание о различных сферах деятельности человека.

С учетом этого, абстрагируясь от несущественных признаков функционирования устного народного творчества, мы построили обобщенную модель концептосферы содержательного насыщения фольклорных произведений малой формы в виде сложной системы открытого типа, сформированной на идее развития исконных диалектических противоречий, неизбежно существующих между требованиями

социума и потребностями индивида. Топологическое ориентирование плоскостей фольклорных жанров малой формы в пределах концептуальных полей такой обобщенной модели, создаваемые диалектическими осями «религия – идеология» и «идеализированные представления – реалистичные представления», делает возможным проведение многофакторного анализа особенностей функционирования каждого из фольклорных текстов малой формы. Анализ артефактов, порождаемых построенной таким образом глобальной моделью, дал основания утверждать, что легенда, архетипическое ядро локальной концептосферы которой, зарождающаяся в плоскости реалистических представлений (или исторических фактов) и окончательно формируясь в плоскости идеалистических, выполняет роль наиболее суггестивного из всех фольклорных жанров идеологического средства воздействия на адресата. Несколько меньшей степенью суггестии окрашено содержательное насыщение пословицы, ядро концептосферы которой формируется в плоскости компромисса между реальными обстоятельствами и идеологией социума. Механизм суггестивного воздействия и реализация ассоциативно-воспитательной функции пословицы основывается на том, что ее лапидарное содержание находит однозначный отклик в области уже приобретенного индивидом духовного и бытового опыта существования в социуме. Далее по степени убывания суггестии за ними располагаются, соответственно, басня, анекдот, сказка и загадка.

Указанная модель позволяет констатировать, что максимальный духовно-религиозный потенциал концентрирует в себе концептуальное ядро притчи, которая отличается тем, что, зарождающаяся в сакрально-идеализированной плоскости, путем установок и сентенций транслирует определенный духовный опыт в область бытовых представлений потомков. По этому же признаку концептуальное ядро мифа оказывается менее действенным, которое, отклоняясь в сторону оси сакральных представлений – оси религии, реализует за счет использования идеализированных представлений определенные идеологические функции. Наиболее суггестивно действенной в период формирования личности индивида является концептосфера сказки, которая, зарождающаяся и сохраняя ядро своего концептуально-содержательного насыщения исключительно в идеализированно-идеологической плоскости конкретного этноса, четко ориентирована на выработку реалистичных, духовных и бытовых представлений, обусловленных его идеологией. Путем абстрагирования от источников и природы порождения фольклорных произведений, при рассмотрении модели нами было установлено, что концептуальные ядра легенды, пословицы, басни и притчи ориентированы в сторону обслуживания требований социума, связанных с его идеологией и необходимостью выживания как целого, а концептуальные ядра мифа, анекдота, сказки и загадки приближены к условиям реального бытия адресатов. При этом выяснено также, что расширение или приращение концептуальной сферы адресата в результате создания в его сознании частных и общей картин мира происходит в значительной степени за счет внесения новых концептов-понятий, порождаемых разными по своим социокультурным уровням рассказчиками фольклорных произведений.

В объеме разработки проблемы исследования возникла также необходимость выяснения функциональных признаков фольклорных текстов малой формы и их дифференциации по объему. В связи с этим, методом аналитической обработки показателей объема фольклорных текстов на основании законов синархии было

установлено, что в их совокупности прослеживается устойчивая межжанровая закономерность соподчинения объемов текстов. Выявление оптимальных границ распределения текстов фольклорных жанров на малые, средние и большие было осуществлено на основании предложенного нами метода охватывающего угла, применение которого позволило доказать, что максимальный объем фольклорного текста малой формы должен ограничиваться 2000 слов.

Далее путем интеграции содержания существующей лингвистической информации о текстах фольклорных произведений с учетом их конкретного функционального назначения и типа прагматической направленности нами были обоснованы уточненные дефиниции мифа, легенды, сказки, пословицы, притчи, загадки и анекдота, а также очерчено векторное соподчинение трехуровневой системы их функциональных характеристик. Для этого было акцентировано внимание на том, что общим результатом решения исследователями проблемы систематизации английских фольклорных текстов малой формы по их функциональному назначению становится, как правило, признание их дидактической функции. Однако, как это показано в работе [Тараненко 2014: 20], практически эффективным в отнесении к функциональному назначению фольклорных текстов является система признаков, иерархия которых имеет следующий вид: общая функция → функционально-прагматическое направление → конкретное функциональное назначение.

На основании этого нами была сформулирована более полная дефиниция мифа, согласно которой *миф* является *чрезвычайно устойчивым первородным жанром устного народного творчества, в котором отражается эмоционально-аффективная сторона мышления представителей определенной общности, выполняющий со времен зарождения человеческой культуры познавательно-мировоззренческую и духовно-идеологическую функции через вымышленные повествования, содержащие абстрактно-метафорические представления о богах, явлениях природы и событиях.* Учитывая содержание формулировки, можно говорить о полифункциональной роли мифов в общечеловеческой культуре. Поэтому стает очевидным, что важнейшими признаками мифа являются его духовно-идеологическая направленность и познавательно-мировоззренческая конкретная функция, реализующаяся через систему соответствующих подфункций: познавательная, мировоззренческая, учебно-суггестивная, идеологическая, правовая, нравственная, эстетическая, духовная и т.п.

Что касается притч, то реализуемую ею многоуровневую систему функций целесообразно устанавливать только путем рассмотрения ее смыслодержательного насыщения, поскольку их органическая совокупность и осуществляет суггестивное воздействие на слушателя. Важной характеристикой притчи как средства непрямой коммуникации является ее способность передавать духовный и жизненный опыт в их прямом или аллегорическом декодировании, требующем от реципиента специфических мыслительных действий. Итак, с одной стороны, притчу следует рассматривать как комплексное средство суггестивного воздействия на нравственность человека, вызывающее необходимое взаимодействие логического и эмоционального начал его духовного бытия. С другой стороны, притчи, без сомнения, выполняют главную – дидактическую функцию, направленную на выработку у реципиента навыков этического поведения в жизненных ситуациях, возникающих при осуществлении выбора между добром и злом, оценки недостатков и достоинств и т.п. На основании этого нами и была сформулирована ее развернутая

дефиниция, в соответствии с которой **притчу** следует рассматривать как специфичную разновидность не прямой дидактической коммуникации с эксплицитным или имплицитным императивным назиданием, относящемся к поведению человека в бытовых и социальных отношениях, способную осуществлять суггестивное воздействие на сознание и бессознательное реципиента благодаря аллегорическому вербальному моделированию этических идей высокой степени обобщения.

Было также установлено, что специфическая особенность легенды как отдельного жанра прозаических фольклорных произведений заключается в том, что, возникая на почве реальных событий, она строится на идеализированных идеологических представлениях и благодаря этому приобретает способность существенного суггестивного воздействия. По результатам анализа имеющихся в литературе определений легенды нами было уточнено ее обобщенную формулировку, согласно которой **легендой** следует считать прозаическое повествовательное произведение религиозного или нерелигиозного содержания ритуального или неритуального характера с назидательной установкой, направленное на пропаганду и суггестивную трансляцию идей религиозной или светской идеологии, сюжет которого, зарождаваясь, преимущественно, на основе реальных событий и фактов прошлого, идеологизируется с ориентацией на господствующие в социуме утопически-фантастические представления об окружающем мире. При этом эффективная система ведущих функций легенды строится на основе такой их соподчиненной классификации: общая дидактическая функция → духовно-идеологическое направление → социально-воспитательное функциональное назначение.

Что же касается **загадки**, то, согласно нашей трактовке, ею следует считать особый фольклорный жанр, текст микродиалога которого имеет креативно-назидательную направленность и развлекательно-тренировочное функциональное назначение, реализуемое на основе ассоциативно-креативного механизма переосмысления знания, имеющегося в сознании реципиента. При этом следует учитывать и то, что функциональные особенности загадки обусловлены необходимостью привлечения для ее отгадывания креативно-ассоциативного механизма когнитивной деятельности реципиента, а система ее функций характеризуется таким иерархическим соподчинением: общедидактическая функция → креативно-назидательная направленность → развлекательно-тренировочное функциональное назначение.

Опираясь на анализ признаков **пословицы**, мы определили ее как лапидарное народное высказывание поучительного содержания, которое путем обобщения результатов социально-исторического опыта транслирует будущим поколениям основные морально-этические, философские и бытовые умозаключительные идеи об окружающей действительности. Подобно предыдущим случаям, система функциональных признаков пословицы должна охватывать такое иерархическое соподчинение: общедидактическая функция → культурно-бытовая направленность → ассоциативно-воспитательное функциональное назначение.

В результате системно-сопоставительного анализа признаков сказки нами была представлена такая ее обобщенная формулировка: под **сказкой** следует понимать дидактический эпически-поэтический рассказ устного народного художественного

творчества, направленный на удовлетворение базовых мировоззренческих потребностей человеческой психики путем аккумуляции в ее сюжете архетипических идей исконной народной мудрости, изложение которых происходит на фоне развертывания противоречивой борьбы между добром и злом, которая, как правило, благодаря вымышленным явлениям или волшебным действиям героев подходит к утопически счастливому концу. Было показано также, что функциональная система сказки включает: общедидактическую функцию → культурно-бытовую направленность → социально-воспитательное функциональное назначение.

Рассмотрение совокупности признаков анекдота дало возможность формирования обобщенного понятия «анекдот» и определения системы его ведущих функций в коммуникации. В связи с этим, мы считаем, что под *анекдотом* следует понимать применяемый в ситуативной коммуникации небольшой развлекательный дидактический рассказ с остроумным финалом, построенный на фактах жизни исторических или рядовых личностей, который, будучи продуктом злободневной комической коллективной рефлексии на развитие определенной общественной ситуации или естественное изменение человеческих ценностей, использует для достижения развлекательного или критического эффекта накопленный социумом национальный, ментальный и общечеловеческий опыт. Наиболее значимые функции анекдота описываются такой иерархической последовательностью: общедидактическая функция → креативно-назидательная направленность → развлекательно-воспитательное функциональное назначение.

В итоге выполняемого исследования предполагалось осуществить экспериментальное установление особенностей функционирования фонетических средств в устной актуализации фольклорных произведений, поскольку именно их взаимодействие формирует информационно-прагматический потенциал текста, участвующий в создании его семантического единства. Поэтому в плане оптимальной организации дальнейшего экспериментально-фонетического исследования возросла актуальность вопроса установления роли взаимодействия ведущих интонационных средств и их отдельных комплексов в реализации английских фольклорных текстов малой формы.

Выполненный в связи с этим обзор существующих научных источников показал, что в настоящее время проблема участия фонетических средств в непосредственной актуализации фольклорных текстов малой формы в системном плане не исследовалась. Проведенное нами изучение особенностей функционирования системы просодических средств и специфики их взаимодействия в оформлении текстов показало, что в процессе экспериментального исследования фольклорных произведений разных жанров следует, во-первых, обращать внимание на активное варьирование параметров системы интонации на стыках структурных компонентов их текстов, а поиск инварианта и вариантных реализаций интонационных моделей самих текстов целесообразно соотносить с традиционной номенклатурой средств фонетической системы, предложенной А.А. Калитой [Калита 2001: 97–98]. Во-вторых, в связи с известным сходством структурных и семантических элементов таких произведений, как сказка, легенда и миф при экспериментальном исследовании следует ожидать существование определенной степени сходства в интонационных моделях их актуализации.

Кроме того, нами была установлена целесообразность дополнения академического описания особенностей просодического оформления английских фольклорных текстов малой формы результатами применения современных методов экспериментальной фонетики. Здесь идет речь о проблеме функционирования эмоционально-энергетических механизмов психики говорящего, обеспечивающих просодическую актуализацию особенностей смыслодержательного насыщения фольклорных текстов, разработка которой открывает перед фонетистами путь к комплексному междисциплинарному исследованию феномена устной речи. Наиболее полной и перспективной в этом плане представляется сформированная в течении последнего десятилетия А.А. Калитой концептуальная парадигма энергетической теории речи [Калита 2004: 70–74; Калита 2007; Калита 2012: 106–112; Калита 2013: 33–53; Kalyta 2013: 54–56; Kalyta 2015: 323–334], в рамках которой на основе функционально-энергетического подхода язык и речь рассматриваются с позиций синергетики в координатах «эмоция» – «прагматика» – «смысл» [Калита 2007: 45–55]. В объеме указанной разработки опубликованы основные методологические положения по дальнейшему экспериментальному изучению энергетики языка и речи, а также новые методы количественной оценки результатов междисциплинарных исследований [Калита, Тараненко 2012: 476–484]. Поэтому во время выполнения экспериментального исследования возник смысл в осуществлении поиска закономерностей энергетического обеспечения функционирования просодических средств в оформлении английских фольклорных текстов малой формы, на основе разработанных в соавторстве с А.А. Калитой [Калита, Тараненко 2009: 125–127; Калита, Тараненко 2012: 186–191] теоретических предпосылок.

Проведенный таким образом анализ общих лингвистических основ изучения особенностей устной актуализации прозаических фольклорных произведений малой формы показал необходимость и целесообразность исследования специфики взаимодействия просодических средств оформления английских фольклорных текстов малой формы на основе концептуального и терминологического аппаратов функционального подхода в рамках его функционально-прагматического направления с учетом функционально-энергетического аспекта.

3. Теоретические основы экспериментального исследования просодической актуализации английских фольклорных текстов малой формы

При рассмотрении структурных признаков английских фольклорных текстов малой формы было выяснено, что известные исследователи фольклора (см., напр., [Пропп 2001: 17–18]) небезосновательно считали, что морфологический анализ способен служить эффективным методологическим инструментом выявления в текстах определенных фольклорных жанров типовых структурных моделей. В то же время, обобщение полученных исследователями результатов осложнялось отсутствием методологической парадигмы их систематизации. Поэтому мы исходили из предположения, что именно результаты системного анализа, направленного на упорядочение выявленных исследователями признаков фольклорных текстов малой формы, позволят, во-первых, систематизировать схемы или модели их структурно-фабульного построения и, во-вторых, использовать их в качестве теоретического конструкта для перехода от инварианта архетипических структур

каждого жанра анализируемых текстов к четкой системе употребляемых в них языковых средств и соответствующей системе элементов их смылосодержательного насыщения.

В объеме разработки методологической основы для алгоритмически-фабульного анализа фольклорных текстов малой формы была обоснована целесообразность осуществления в качестве первого шага поиска определенной системной модели, в состав которой должны входить основные структурные компоненты сюжета, позволившие рассматривать композиционную структуру произведения как определенную функционально-иерархическую систему элементов с присущими им связями. Второй шаг предполагал краткую формулировку смылосодержательного насыщения фабульных элементов модели и их соответствующее дифференцирование. Суть третьего шага заключалась в формировании интегрирующей матрицы, способной однозначно отражать связь структурных компонентов сюжета произведения со смылосодержательным насыщением его фабульных элементов. В соответствии с обоснованной таким образом логикой последовательности методологических действий была систематизирована иерархия структурных компонентов сюжетов и фабульных элементов английских фольклорных текстов малой формы. Это позволило нам структурировать тексты в виде алгоритмических моделей разворачивания сюжета в их фабульных элементах.

Было показано, что для структурирования и упорядочивания материалов экспериментального исследования особенностей просодического оформления английских фольклорных мифов, сказок и легенд целесообразно использовать алгоритмические структурно-фабульные модели разворачивания их сюжетов, построенных по инвариантной последовательности взаимодействия таких структурных компонентов: завязка → развитие событий → кульминация → развязка. Дополнительное дробление указанных структурных компонентов сказки на обобщенные фабульные элементы позволило определить сущность каждого из элементов, входящих в состав их морфологической совокупности на нижнем иерархическом уровне модели. Будучи представленной в вербальной форме, модель разворачивания сюжета английской народной сказки приобретает такой вид: 1 *завязка* (1.1 место событий → 1.2 действующие лица → 1.3 причины возникновения проблемы); 2 *развитие событий* (2.1 поиск пути решения проблемы → 2.2 начало действий по решению проблемы → 2.3 неожиданная встреча или изменение событий → 2.4 причины возникновения новой проблемы → 2.5 поиск пути решения новой проблемы → 2.6 средство и результат решения проблемы); 3 *кульминация* (3.1 обострение проблемы); 4 *развязка* (4.1 последствия решения проблемы).

В свою очередь, становится понятным, что каждый из структурных компонентов мифа должен реализоваться на основании такой последовательности его фабульных элементов: 1 *завязка* (1.1 место событий → 1.2 действующие лица → 1.3 причины возникновения проблемы) → 2 *развитие событий* (2.1 действия по решению проблемы → 2.2 изменение обстоятельств → 2.3 возникновения новой проблемы → 2.4 действия по решению новой проблемы → 2.5 результат решения проблемы) → 3 *кульминация* (3.1 обострения проблемы) → 4 *развязка* (4.1 последствия и комментарии).

При этом была определена особенность трехкомпонентной структуры построения текстов анекдотов, состоящая в том, что в случае его приближения

к сказке она включает последовательность следующих компонентов: вступление → комментарий → кода, а в случае сходства с загадкой или пословицей охватывает несколько иную их совокупность: тема → комментарий → кода. Аналитическое обобщение имеющихся определений фабульных элементов анекдота, соотнесенное со смылосодержательным насыщением исследуемого нами множества англоязычных анекдотов, показало целесообразность сокращения номенклатуры фабульных элементов их текстов, приближающихся к сказке, до следующей алгоритмической цепочки: место событий → действующие лица → развитие действий и событий → возникновение проблемы → кода, а также представить алгоритмическую последовательность фабульной цепочки анекдотов, подобных загадке, как: референт → характеристика → действие → кода.

Структура текстов пословиц была разделена на два компонента: объект осознания (референт) и оценка (комментарий). В свою очередь, стало понятным, что ограниченность структурных компонентов пословицы компенсируется, как правило, веером альтернатив фабульных элементов (действие, качество, намерение, желание, мечта, явление, состояние, значимость, принцип, ошибка, недостаток и т.п.), декодирующиеся в сознании реципиента в форме положительного или отрицательного наставления.

Компонентами структурно-фабульного построения текстов притч были признаны «рассказ» и «наставление». При этом разделение «рассказа» на составные части было осуществлено по следующей алгоритмической последовательности актуализации его фабульных элементов: исходное действие → развитие действий → результат. Что же касается структуры текста загадки, то подчеркивалось, что во время общего описания коммуникативного процесса она также состоит из двух компонентов: «содержание загадки», включающее описание объекта ее осознания, и «отгадку» как конечный структурный компонент, формирующийся непосредственно в сознании реципиента.

Результаты обоснования предпосылок применения функционально-энергетического подхода в исследованиях особенностей просодической актуализации фольклорных текстов дали нам основания для ориентации экспериментального исследования на поиск ряда таких средств интонационного оформления английских фольклорных текстов малой формы, которые играют роль определенных просодических универсалий (качественная картина движения эмоционально-прагматического потенциала в пределах алгоритмически-фабульных элементов текста, интонационное оформление стыков смежных структурных компонентов и кульминационных элементов текста), и показали необходимость рассмотрения энергетической стороны просодического оформления англоязычных фольклорных текстов малой формы.

Непосредственно связанная с этим проблема познания первопричин и источников звукового оформления речи, приобретающая в последнее время все большую актуальность, нашла свое теоретическое воплощение в рамках нового фундаментально обоснованного А.А. Калитой [Калита 2007; Калита 2012: 106–112; Калита 2013: 33–53; Kalyta 2015: 323–335] энергетического подхода. Поэтому, учитывая логику прогнозирования ею перспективных направлений исследования особенностей взаимодействия фонетических средств языка с точки зрения функционально-прагматического подхода [Калита 2007: 26–33], нами была осуществлена

предварительная теоретическая проработка этого вопроса на уровне рассмотрения энергетического аспекта анализа системы просодических средств оформления английских высказываний вообще [Калита, Тараненко 2009: 359–365; Kalyta, Taranenko 2012: 288–299] и фрагментов фольклорных текстов малой формы в частности [Калита, Тараненко 2009: 359–365].

При этом обращалось внимание на то, что общая сущность энергетического подхода заключается в понимании фонетических явлений как результата стохастического порождения речи, движущей силой которого является психофизиологическая энергия, распределенная между сознанием индивида и сферами его подсознательного и бессознательного [Калита, Тараненко 2008: 299].

Кроме того, учитывалось, что эмпирической апробацией [Калита 2012: 106–112; Калита, Тараненко 2011: 213–219; Kalyta, Taranenko 2012: 288–299] энергетической идеи была доказана также возможность однозначной оценки инварианта устной или письменной актуализации различных типов и видов речевых отрезков только по двум параметрам порядка (прагматический и эмоциональный потенциалы), то есть возможность на основе аттракторов хаотического взаимодействия логического и эмоционального начал сознания индивида с необходимой полнотой прогнозировать конечный результат синергетизма эмоционально-прагматического потенциала в процессе порождения речи. В связи с этими обстоятельствами и возникла проблема теоретического поиска нового эффективного метода и количественных критериев дифференциации уровней актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания, решение которой осуществлялось нами в соавторстве с А.А. Калитой [Калита, Тараненко 2012: 476–484; Калита, Тараненко 2012: 186–191].

В результате этого был обоснован новый объективный метод и критерий дифференциации уровней актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания. Исходной идеей его применения послужило предположение, что поток речи, передающий переживания и намерения говорящего, по своей физико-энергетической сущности принципиально подобен потокам жидкости или газа. В таком случае материальное проявление потока речи формально должно достаточно полно описываться известными в физике критериями подобия [Лебедев 1989: 63–92], позволяющими осуществлять количественную оценку уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала любого высказывания.

На основании сформированных таким образом теоретических предположений путем параметрического описания [Неуймин 1984: 86–94] высказывания как объекта моделирования, то есть представления его свойств как определенной математической структуры с конечным числом параметров (в нашем случае – количественных просодических характеристик внутренних свойств высказывания), был обоснован безразмерный критерий уровня актуализации говорящим эмоционально-прагматического потенциала высказывания. Для этого был применен известный метод анализа размерностей [Лебедев 1989: 72–105], согласно которому в исходное критериальное уравнение нами были введены только те просодические параметры, которые по данным экспериментов осуществляют определяющее влияние на уровень актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания. В этих условиях в соответствии с П-теоремой подобия [там же: 66–68], которая устанавливает связи между интенсивностью актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания, выражающегося размерным параметром,

и интенсивностью в безразмерном виде, мы получили такой комплексный критерий:

$$K = \frac{F_0 \times t \times I_0}{1000 \times I_3},$$

где K – критерий уровня актуализации эмоционально-прагматического

потенциала высказывания; F_0 – частота основного тона (Гц = 1/с.) t – длительность звучания слога (мс.) I_0 – интенсивность частоты основного тона (дБ = эрг/м²с) I_3 – интенсивность третьей форманты (дБ = эрг/м²с) 1000 – коэффициент перевода миллисекунд в секунды.

Таким образом, был получен комплексный безразмерный критерий (K), позволяющий решить проблему автоматизированной объективной идентификации уровня эмоционально-прагматического потенциала высказывания путем аппаратного установления количественных показателей этого потенциала по любой выбранной исследователем шкале его определения.

Наличие критерия привело к необходимости поиска новых средств отражения картины комплексного взаимодействия ведущих лингвистических и паралингвистических факторов, влияющих на специфику просодического оформления английских прозаических фольклорных текстов малой формы. В рамках решения этого вопроса была доказана практическая целесообразность использования унифицированной формы графического отражения динамики изменений эмоционально-прагматического потенциала, интонационных и паралингвистических средств речи, названной энергограммой высказывания, включающей в себя компактные синхронизированные во времени интонограмму, эмоциограмму, прагмаграмму и пиктограмму.

Однако явно междисциплинарный характер выполняемого исследования диктовал необходимость повышения уровня абстракции определенных элементов сформированной нами парадигмы, роль которой была призвана играть универсальная синергетическая модель саморазвития процессов речемышления и мыследействия духовной сферой индивида, способная служить эффективным методологическим инструментарием научного описания фонетических явлений, планирования и выполнения экспериментальных исследований порождения и актуализации фоноконцептов всех без исключения фольклорных текстов малой формы, реализованных с разными уровнями эмоционально-прагматического потенциала. Напомним, что одним из таких абстрактных элементов служит фоноконцепт, под которым, согласно определению [Калита 2008: 49], следует понимать специфическое, сформированное вследствие конкретного коммуникативного опыта, ментальное образование, содержащее смысловой минимум знания, способный в форме звукового перцептивного образа сохраняться в звуковой памяти индивида и воспроизводиться в устной речи с помощью определенных фонетических структур. Показано также, что в зависимости от варьирования целевых структур синергетических описаний особенностей функционирования фольклорных текстов в коммуникации, статус параметров порядка целесообразно предоставлять таким признакам, как этически обусловленное мировоззрение адресата / адресанта, социальный статус адресата / адресанта, условия коммуникации, ситуация общения, функциональная система / назначение произведения, языковая культура адресата / адресанта, идеологический потенциал / направленность произведения, события реальности, фантастический потенциал произведения, социальная / мировоззренческая потребность адресанта и т.п.

В качестве методологического ориентира теоретического углубления существующих лингвистических представлений и базиса для структурирования программ и методик дальнейших исследований рассматриваемого феномена в текстах малой формы нами была обоснована модель когнитивно-креативного механизма декодирования загадки реципиентом. Методологическим стержнем такой модели была выбрана концепция, изложенная в трудах А.В. Клименюка [Клименюк 2010: 205–234], согласно которой протекание речемыслительной деятельности реципиента происходит на четырех уровнях его духовного бытия: сознание, а также трансцендентная, ментальная и экзистенциальная сферы. При этом в соответствии с первичной топологией З. Фрейда, трансцендентное и ментальное бытие разворачивается в сфере подсознательного, а экзистенциальное – бессознательного. В случае такой интерпретации содержательное насыщение озвученной или материализованной в виде письменного текста загадки, транслируемое мозгом в подсознательное и бессознательное реципиента, возбуждает когнитивно-ассоциативный механизм его мышления. При таких условиях и происходит переосмысление загадки как комплексного концепта, существующего в сознании и закрепленного в языке единицами первичной номинации, которые трансформируются психофизиологической энергией реципиента в различные по своей природе вторичные единицы (ассоциации, образы, аналогии).

Изложенная интерпретация схем протекания реальных процессов декодирования загадки была основана на дифференциации двух их разновидностей. В первом случае отгадывание происходит по последовательно-логической схеме, имеющей однокходовой характер и характеризующейся поиском ассоциаций в сфере подсознательного индивида. Второй сценарий реализации возвратно-последовательной схемы с присущим ей многоходовым характером заключается в повторении реципиентом предыдущих мыслительных актов (напр., «ассоциации»), недостаточно согласующихся со следующими (напр., «образы»). В случае табуирования психикой реципиента предыдущего результата креативного поиска отгадки вследствие его противоречия с возникающим в сознании образом, индивид вынужден прибегать к новой последовательности повторной реализации мыслительных операций.

Сформированный таким образом и апробированный практически методологический аппарат описания психолингвистических особенностей актуализации и декодирования английских фольклорных текстов малой формы с точки зрения функционально-энергетического подхода представляется достаточно эффективным теоретическим элементом, способным выполнять роль комплексного инструментария разработки программ и методик экспериментально-фонетических исследований особенностей устной реализации различных жанров английских прозаических фольклорных текстов вообще и их малых форм в частности.

Разработка на основании указанных идей программы и методики экспериментально-фонетического исследования особенностей просодического оформления английских фольклорных текстов малой формы базировалась на обоснованной нами рабочей классификации их лингвистических признаков, обеспечившей как элемент теоретико-методологического знания рациональное структурирование массива исследуемых текстов, которое в соответствии с изложенной системной методикой было ориентировано на пошаговое эмпирическое выявление типовых, инвариантных и архетипических интонационно-

энергетических моделей структурно-фабульных блоков и охватываемых ими фабульных элементов в каждом из жанров исследуемых произведений.

4. Закономерности просодического оформления английских фольклорных текстов малой формы

В соответствии с программой и комплексной методикой весь массив экспериментальных тестов, использованных для проведения аудитивного анализа, был классифицирован по их прагматической направленности на три укрупненные группы: культурно-бытовой (пословицы и сказки), духовно-идеологической (легенды и мифы) и креативно-назидательной (загадки, притчи и анекдоты) направленности. Обоснованная нами дифференциальная стратификация этих текстов по алгоритмически-фабульным моделям разворачивания их сюжетов позволила осуществлять экспериментальное соотнесение закономерностей функционирования просодических средств не с отдельными высказываниями или их рядом, а с конкретными структурными компонентами и фабульными элементами текста. Во время аудитивного анализа обращалось особое внимание на выявление специфики интонационного оформления стыков смежных фабульных элементов текстов и их кульминационных элементов, которые по прогнозированию А. А. Калиты должны иметь признаки просодических универсалий [Калита 2001: 191–193].

Кроме того, в объеме экспериментального изучения теоретически обоснованных в работе интонационно-энергетических моделей просодического оформления фольклорных произведений малой формы аудиторам-фонетистам вместе с описанием взаимодействия просодических параметров было также предложено оценивать и фиксировать качественную картину движения или динамику изменений эмоционально-прагматического потенциала в рамках структурных компонентов и фабульных элементов исследуемых текстов. Наиболее типичные реализации произведений каждого жанра подвергались акустическому анализу, при выполнении которого значения просодических параметров определялись по традиционным формулам, а количественные изменения энергетических характеристик вычислялись по обоснованному нами безразмерному критерию. Объем материала, подлежащий специальному экспериментальному исследованию, составил 726 текстов, общей длительностью звучания 24 ч. 28 мин.

Результаты аудитивного анализа закономерностей просодического оформления и определения динамики изменений эмоционально-прагматического потенциала текстов английских народных сказок [English 1890] показали корреляцию между типом структурно-фабульного компонента и просодическими средствами его организации. Так, к особенностям интонационного оформления «завязки» следует отнести ее дробление на интоногруппы и наличие значительного количества пауз, указывающих на тесную семантическую связь между смежными интоногруппами и привлекающих внимание слушателя к персонажам сказки, описанию места событий и обстоятельств, ведущих к конфликту. Интоногруппы «завязки» характеризуются преобладанием усеченной разновидности шкалы, расширенных тональных интервалов, модификаций тонального диапазона, отсутствием восходящего терминального тона и доминированием восходяще-нисходящего мелодического контура, придающего ей некоторой степени эмоциональности и устраняющего монотонность звучания. Дробление текста «завязки» на достаточно короткие

синтагмы, регулярность ритмической структуры ее интоногрупп, создающая изохронность звучание фабульных элементов, квалифицируется как инвариантный признак ее просодического оформления.

Установлено, что начало структурно-фабульного компонента «развитие событий» обозначается, как и остальные композиционные компоненты сказки, длинной паузой, предоставляющей слушателю возможность интерпретировать полученную словесную информацию, в то время, когда паузы на стыке фабульных элементов являются достаточно короткими, что обеспечивает целостность коммуникативной прогрессии в смежных фабульных элементах. В первом фабульном элементе структурного компонента «развитие событий» описывается поиск персонажем путей решения проблемы, возникшей в завязке. Инициальные интоногруппы этого фрагмента содержат, как правило, прямую речь и вводятся средне-пониженным или низким ровным или нисходящим терминальным тоном (напр.: *So she ¹says to her →daughter* (English 1890: 19); *Now be¹fore the ¹farmer ¹goes to market | ¹says ¹he to his ¹wife* (English 1890: 41] и т.д.). Следующему фабульному элементу «развития событий» присущи флуктуации параметров интонации, создающие атмосферу ожидания дальнейших событий. Здесь речь приобретает динамичность благодаря разделению предложений на короткие интоногруппы, сочетанию в них нескольких кинетических тонов разных тональных уровней, рекуррентности нисходящего тона в нефинальных интоногруппах, расширению тонального диапазона за счет употребления высоких нисходящих тонов с малой или увеличенной скоростью изменения направления их движения, высокой частоты перцептивных пауз. Учитывая общедидактическую функцию сказки и ее социально-воспитательное назначение, темп и громкость ее актуализации являются в целом умеренными. Вместе с тем, темпоральное оформление фабульного элемента, передающего неожиданную смену событий или обстоятельств, может быть ускоренным, а семантически значимые лексические единицы произносятся с повышенной громкостью. Изменения эмоционально-прагматического потенциала передаются эмфатическими интонационными контурами, в частности нисходящей ступенчатой шкалой с нарушенной постепенностью и постепенно нисходящей скользящей шкалой. Специфика просодического оформления последнего фабульного элемента «развитие событий», описывающего действия персонажа по решению проблемы, характеризуется модификациями темпа от умеренного до ускоренного или от умеренного к замедленному и чередованием тональных уровней, структурных конфигураций и диапазонов терминальных тонов смежных интоногрупп.

Общая экспрессивность кульминационного фабульного элемента актуализируется на просодическом уровне за счет дробления на короткие синтагмы, состоящие, в основном, из двух ритмических групп. Если реализуются более длинные интоногруппы, то в них, как правило, под ударением находится каждое смысловое слово, придающее им примерно одинаковую степень проминантности и семантической весомости, напр.: *That was ¹grinning from ↑ear to ¹ear* (English 1890: 23). Такое распределение ударений способствует восприятию «кульминации» как наиболее напряженного фабульного элемента сказки. Кроме того, установлено, что просодическая организация «кульминации» характеризуется смешанной разновидностью ритма, наличием различных интонационных моделей и волнообразного движения мелодического контура в ее интоногруппах.

Начало «развязки», призванной обобщить последствия решения проблемы сказки, а также предоставить слушателю возможность осознать дидактическую идею всего текста, маркировано длинной паузой. Благодаря своему обобщающему функциональному назначению, темп звучания «развязки» варьирует от умеренного до замедленного, а ее интоногруппы отличаются параллелизмом интонационной модели и изохронностью произнесения. Инвариантным признаком просодического оформления этого компонента является и то, что, независимо от лексико-грамматических средств, его актуализации присуща незначительная вариативность мелодических контуров, рекуррентность усеченной, постепенно нисходящей ступенчатой шкалы и постепенно нисходящей ступенчатой шкалы с нарушенной постепенностью, преобладание низкого или средне-повышенного нисходящего терминального тона со средней или уменьшенной скоростью изменения направления его движения, которые и помогают слушателю осознать последствия поступков персонажей, описанных в развитии событий, реализуя, таким образом, социально-воспитательное назначение сказки.

Рассмотрение особенностей интонационного оформления стыков смежных блоков фабульных элементов сказки позволяет констатировать, что длинная пауза, сигнализирующая о начале каждого последующего ее структурного компонента, квалифицируется как разделительная, которая, взаимодействуя с финальным словом структурного компонента, оформленным средним повышенным или высоким нисходящим тоном малой скорости, побуждает к запуску в мышлении слушателя когнитивных актов, направленных на интерпретацию прагматического потенциала поучительного подтекста предыдущего структурного компонента сказки. В ракурсе просодического оформления текста описываемая пауза интересна также и тем, что она привлекает внимание слушателя к разворачиванию событий в следующем компоненте, который, как правило, характеризуется высоким тональным уровнем начала, а, следовательно, и расширенным тональным диапазоном и интервалом, а также повышенным уровнем громкости, что и обеспечивает переход к новому фабульному элементу и служит восприятию следующего шага в выражении динамики развития событий в смежных структурно-фабульных компонентах.

Построение энергограммы сказки показало, что специфическими признаками ее актуализации является возрастание эмоционального потенциала в пределах низкого уровня во время звучания структурного компонента «завязка» ($K = 17$ – в фабульном элементе «место событий», $K = 19$ – в «действующих лицах» и $K = 22$ – в «причинах возникновения проблемы»), дальнейшее его постепенное возрастание по направлению к высокой зоне среднего или низкой зоны высокого уровня в структурном компоненте «развитие событий», происходящее от $K = 27$ до $K = 89$, его устойчивое протекание в высокой зоне среднего уровня в «кульминации» ($K = 103,4$) и резкое снижение до низкого уровня в компоненте «развязка» ($K = 29,4$). При этом прагматический потенциал, будучи неизменно низким в пределах структурного компонента «завязка», постепенно возрастает во время разворачивания «развития событий» и «кульминации» к высокой зоне среднего уровня и остается на этом же уровне в «развязке».

Обобщением результатов анализа установлено, что инвариантными просодическими признакам актуализации отдельных структурных компонентов английских фольклорных сказок, призванными обеспечивать динамику

развертывания сюжета их текстов, являются: повышенное дробление структурных компонентов и фабульных элементов на интоногруппы, актуализация восходяще-нисходящего мелодического контура, преобладание усеченной и постепенно нисходящей с нарушенной постепенностью разновидностей шкалы, нисходящего терминального тона и функционирования в рамках интоногруппы двух кинетических тонов. Благодаря такому комплексному взаимодействию просодических параметров на основе дидактического содержания сказки и реализуется ее социально-воспитательная функция.

Что же касается специфики функционирования просодических средств актуализации английских пословиц, то, учитывая, что описываемые в них «референт» и «комментарий» могут приобретать как положительную, так и отрицательную окраску независимо от конкретной коммуникативной ситуации, они рассматривались нами исключительно в контексте художественных произведений. Экспериментами было установлено, что фабульный элемент пословиц «референт» актуализируется, как правило, на низком уровне эмоционально-прагматического потенциала, поскольку имеет форму констатации и оформляется соответствующими показателями просодических параметров: средний тональный диапазон; умеренные темп и громкость; отсутствие резких тональных перепадов; оформление терминальной ритмогруппы низким или средне-повышенным нисходящим, восходящим или ровным тоном, напр.: “*Dead men* ξ $\uparrow$ *tell no tales,* ||” *he said evenly* (A. Christie).

Исследование показало также, что, независимо от конкретного функционального назначения (совет, обвинение, одобрение, побуждение, ободрение, предостережение, осуждения и т.п.), все английские народные пословицы характеризуются максимальным показателем актуализации их прагматического потенциала именно в структурно-фабульном элементе «комментарий». Это достигается в результате комплексного взаимодействия ряда интонационных параметров: актуализация в широком и расширенном тональном диапазоне; сочетание в одной интоногруппе нескольких вариантов высоких нисходящих кинетических тонов, реализованных в разных регистровых зонах (напр., *Birds of a feather* ξ *flock together.* || (L. Carroll); оформление стыка двух фабульных элементов расширенным или широким положительным тональным интервалом; интенсификация ключевого слова «комментария» высоким нисходящим тоном расширенного диапазона, имеющего сложную структуру (полное падение в нижнюю зону низкого регистра на затакт с предшествующим ему прямым восходящим движением в пределах высокого регистра на ударном слоге); наличие в его интонационной структуре специального подъема и тональных интервалов (*A good conscience* ξ *makes a sound sleeper* ||. (A. Christie)); ускорение темпа и увеличение громкости его произнесения.

Оценка энергетических особенностей реализации фабульных элементов пословиц показала, что динамика изменения и полярность эмоциональной составляющей эмоционально-прагматического потенциала пословицы варьируют в зависимости от информации, предшествующей и / или следующей за ней в тексте. Энергограмма звучания пословицы показывает одновременное возрастание ее эмоционального и прагматического потенциалов ее текста. При этом эмоциональный потенциал постепенно возрастает до высокой зоны низкого уровня в пределах структурно-фабульного элемента «референт» (K = 18,6) и продолжает

расти до среднего уровня в «комментарии» (К = 42,4). Прагматический потенциал пословицы оказывается, как правило, несколько выше, чем эмоциональный и имеет тенденцию к постепенному возрастанию, достигая всегда наивысшего уровня (среднего или высокого) в структурно-фабульном элементе «комментарий».

Исследованием специфики просодической организации текстов англоязычных мифов [Graves 1993] установлено, что, в отличие от сказки, «завязке» текстов мифа присуще постепенное повышение эмоционального и прагматического потенциалов до их средних уровней. Типичная просодическая модель «завязки» мифов включает: оформление в расширенной или широкой зоне тонального диапазона; маркировка средне-пониженным или средне-повышенным началом; актуализацию постепенно нисходящей ступенчатой шкалы с нарушенной постепенностью и постепенно нисходящей скользящей шкалы; средне-повышенные и высокие нисходящие терминальные тоны с уменьшенной скоростью изменения их движения, вводящие персонажей мифа или дающие им характеристику; сочетание в пределах коротких интоногрупп двух кинетических тонов; актуализацию сложного ритма, т.е. осложнение в завершении завязки мелодического контура, присущее, как правило, для структурного компонента «развитие событий», напр.: *In the beginning, | Eu'rynome, | The Goddess of ↑All \Things, | rose \naked § from \Chaos...* (R. Graves).

К особенностям просодической организации фабульных элементов структурного компонента мифов «развитие событий», отражающих динамику развития событий в пределах от зарождения конфликта до кульминации, следует отнести их значительную вариативность и повышенную эмоциональную окрашенность, достигающуюся за счет: высокого тонального уровня начала фабульного элемента, незначительного повышения громкости его произнесения, преобладания сложного ритмического рисунка, наличия контрастов тональных уровней на стыке смежных интоногрупп и на различных их участках, реализации фрагментов в расширенном и широком тональном диапазоне, вариативности направлений движения терминальных тонов, взаимодействие которых и формирует сложный тональный контур актуализации «развития событий».

В структурном компоненте «кульминация», передающем обострение изображаемой в развитии событий проблемы и, соответственно, актуализирующем максимальный уровень эмоционального и прагматического потенциалов мифа, зарегистрирована такая вариативность показателей компонентов интонации: реализация в расширенной и широкой зонах тонального диапазона; замедление темпа в финальных интоногруппах; нисходящий терминальный тон, имеющий малую скорость движения и восходяще-нисходящую конфигурацию, напр.: *√Echo, § although she had \not for\given Nar\cissus, § \grieved \with him; | she sympa \thetically →echoed § 'Alas! | A\las!' § as he \plunged a \dagger § in his \breast, | and \also the →final § 'ah, •youth, § be\loved in \vain, § -fare\well!' as he expired. ||* (R. Graves).

Структурный компонент «развязка», в котором непосредственно формулируется познавательный вывод мифа и / или комментарий или объяснение последствий предыдущего разворачивания его сюжета, характеризуется оформлением интонационными параметрами, реализуемыми, в основном, в соответствии с нормой нейтральной речи: волнообразное движение тона; правильный простой ритм; разделение на короткие синтагмы, состоящие, преимущественно, из двух ритмогрупп,

некоторые из которых имеют одинаковый интонационный рисунок; отсутствие резких тональных перепадов; реализация темпа и громкости в умеренной зоне.

Что же касается просодического оформления стыков между структурными компонентами мифа, то начало каждого из них маркируется длинной паузой, высоким тональным уровнем первого ударного слога, расширенным тональным диапазоном инициальной интоногруппы и повышенной громкостью ее произнесения.

В ходе экспериментального исследования английских народных легенд [Stories 2007] установлено, что ее структурный компонент «завязка», в отличие от сказки, имея назначение убедить слушателя в правдивости истории, маркируется следующими просодическими средствами, призванными осуществлять на него суггестивное воздействие: четкое разделение на короткие интоногруппы, состоящие из одной или двух ритмогрупп; преобладание усеченных шкал, в которых на такте, имеет место восходящее движение тона; наличие специального подъема в синтагмах, состоящих из трех ритмогрупп, напр.: *↑Arthur was ↑now es|tablished § as ↓king •over ↑all the ↓land. ||*; превалирование низких нисходящих тонов не только в финальных, но и нефинальных интоногруппах, где они приобретают эмфатического звучания; параллелизм интонационной модели; функционирование средних по длительности пауз.

При этом просодическая организация структурного компонента «развитие событий», которому присуще варьирование эмоционального и прагматического потенциалов от низкого уровня до высокой зоны среднего, квалифицировалась как эмоционально-окрашенная, обусловленная определенной сюжетной интригой, достигается взаимодействием таких средств: актуализация постепенно нисходящей ступенчатой шкалы с нарушенной постепенностью; расширенный тональный диапазон ее реализации; сложный интонационный контур; средний или расширенный положительный и отрицательный тональные интервалы на участках «предтакт – такт» и «предтерминальная часть – терминальный тон» (*“–I ↓will,” ↓said the ↓King*); актуализация средне-повышенных и высоких предтактов; вариативность темпа произнесения; сочетание в одной интоногруппе нескольких кинетических тонов, один из которых, имеющий высокий тональный уровень, интенсифицирует значение оформляемого им слова; сложный ритм; преобладание перцептивных пауз.

«Кульминации» как наиболее напряженному и динамическому структурному компоненту легенды присущ, подобно текстам сказки и мифа, высокий уровень эмоционального и прагматического потенциалов, а также оформление эмфатическими реализациями элементов интонации: короткие интоногруппы, разделенные перцептивными паузами; параллелизм интонационной модели интоногрупп и изохронность их произнесения; выделение ключевых слов специальным подъемом и восходяще-нисходящей конфигурацией нисходящего тона.

Заключительный структурный компонент легенды «развязка», характеризующийся повышением эмоционального и прагматического потенциалов к их среднему уровню, приобретает сдержанную и спокойную манеру звучания за счет актуализации в более узком, чем предыдущие фабульные элементы, тональном диапазоне, умеренных темпа и громкости, волнообразного движения тона, функционирования только нисходящих кинетических тонов.

Рассмотрение интервала тональных уровней завершения и начала структурных компонентов легенды показывает преобладание нулевого тонального интервала

на стыке большинства смежных фабульных элементов, свидетельствующее, в сочетании с изохронностью их звучания, о постепенном переходе от описания действующих лиц и ситуации к дальнейшему развитию событий. В то же время, с увеличением эмоционального и прагматического потенциалов текста легенды наблюдается повышение вариативности показателей актуализации ее тональных интервалов. Обобщение частоты актуализации типов пауз на стыках фабульных элементов легенды демонстрирует их варьирование от короткой между инициальными фабульными элементами «завязки» к средней при переходе к изложению причин возникновения проблемы и к длинной на стыке со структурным компонентом «развитие событий». Средняя пауза также выполняет роль инвариантного признака перехода к кульминации, в то время, когда начало «развязки» маркируется длинной паузой. Построенная энергограмма звучания легенды подтвердила сходство актуализации ее эмоционального и прагматического потенциалов с мифами и сказками

Результаты аудитивного анализа англоязычных канонических притч показали, что фабульный элемент «исходное действие» имеет низкий уровень эмоционального потенциала и маркируется употреблением в его инициальной интоногруппе усеченной шкалы и низкого или средне-пониженного восходящего терминального тона уменьшенной скорости изменения направления движения, напр.: *There was a ¹certain ⁰rich man...* (Luke 16:1–9). В притчах, имеющих контаминированные в «исходное действие» наставление, было зарегистрировано резкое повышение эмоционального потенциала до среднего уровня. Самый высокий уровень эмоциональности этого фабульного элемента фиксировался в текстах, начинающихся с длинной по сравнению с другими, интоногруппы, напр.: *The ¹Kingdom of ¹Heaven is ⁰like unto a ¹merchant man, | ¹seeking ¹goodly ¹pearls ...* (Matthew 13:45–46), что на просодический уровне отображается актуализацией постепенно восходящей ступенчатой шкалы в сочетании с высоким нисходящим терминальным тоном. Относительно прагматического потенциала фабульного элемента «исходное действие», то он остается низким в текстах, имеющих сложную структуру, и растет уже в начале коротких текстов, построенных по простой модели, за счет более концентрированной актуализации в них аллегорического содержания или при наличии наставления притчи в ее начале.

В рамках фабульного элемента «развитие действий» нами зарегистрирован высокий по сравнению с другими структурными компонентами уровень эмоционального потенциала, обусловленный актуализацией в нем диалогических реплик, которые вводятся средне-пониженным или средне-повышенным ровным терминальным тоном, настраивающем слушателя на восприятие существенной для декодирования аллегорического рассказа информации (напр., ...*he ¹sent ⁰unto them his ¹son, ¹ξ →saying...* (Matthew 21:33–41). Это дало основания утверждать, что динамика нарастания эмоционального потенциала обусловлена выражением определенных чувств и переживаний персонажей, связанных с созданием аллегорического образа притчи.

Было выяснено также, что просодическая организация фабульного элемента «результат» служит привлечению внимания слушателя к неизбежным последствиям поступков персонажей притчи. В связи с этим, он характеризуется употреблением интонационных параметров повышенной проминантности: преобладание

расширенного тонального диапазона со сложными мелодическими контурами иногда при повышенной громкости; оформление ключевых слов высокими и средне-повышенными нисходящими тонами малой скорости движения; актуализация в одной интоногруппе двух нисходящих кинетических тонов: *And he would not...* (Matthew 18:23–35).

Как показало исследование, заключительный структурный компонент притчи «наставление» содержит непосредственную формулировку этической идеи ее текста в форме духовной сентенции или мирского совета и характеризуется отсутствием резких тональных, динамических и темпоральных перепадов, ритмической регулярностью, актуализацией низких нисходящих терминальных тонов, создающих доброжелательное, но убедительно-назидательное звучание финального фрагмента притчи. Категоричность и авторитетность «наставления» достигается также одинаковым выделением ударением знаменательных слов в интоногруппах, способствующем равномерному распределению его информационной нагрузки при реализации квинтэссенции содержания наставления притчи и осуществлении суггестивного воздействия на реципиента. В связи с этим, структурно-фабульный компонент притчи «наставление» отличается высоким уровнем выражение его прагматического потенциала.

Что же касается специфики просодического оформления стыков смежных фабульных элементов притчи, то она заключается в том, что наиболее употребляемым во всех анализируемых текстах является нулевой интервал, доминирующий между «исходным действием» и «развитием действий». Случаи наличия в притчах расширенного и среднего положительного тонального интервала на стыке «результата» и «наставления» объясняются высоким тональным уровнем начала «наставления», за счет которого слушатель переключает внимание от результата поступков героя, изображенного в предыдущем структурном компоненте, к четкому обобщению дидактического содержания всей притчи, излагаемого в «наставлении». Анализ частоты актуализации типов пауз на стыках фабульных элементов притчи показал преобладание средней паузы с ее максимальным показателем между «развитием действий» и «результатом». Наивысшая рекуррентность актуализации длинной паузы зарегистрирована на стыке структурных компонентов «рассказ» и «наставление», что можно квалифицировать как средство интенсификации дидактического содержания наставления притчи.

Проведенный анализ показал существование обратно пропорциональной зависимости эмоционального и прагматического потенциалов притчи от объема ее текста: чем короче текст, тем более концентрированным и стремительным в динамике является прагматический потенциал при низком уровне или незначительном повышении эмоционального потенциала и, наоборот, – эмоциональный потенциал имеет тенденцию к возрастанию в больших по объему текстах, достигая высокой зоны среднего уровня, в то время, когда прагматический потенциал увеличивается постепенно по направлению к «наставлению».

Было установлено также, что звучащие притчи характеризуются практически неизменяющимся низким уровнем эмоционального потенциала фабульного элемента «исходное действие» ($K = 20$), его постепенным повышением до высокой зоны низкого уровня во время разворачивания «развития действий» ($K = 32,6$), актуализацией на среднем уровне в рамках «результата» ($K = 48,8$) и незначительным повышением до высокой зоны среднего уровня ($K = 73,16$) во время изложения

наставления притчи. Прагматический потенциал притчи уже в начале текста возрастает в пределах низкого уровня к среднему в фабульном элементе «развитие действий», продолжает актуализироваться на этом уровне в «результате» и достигает максимальных показателей (высокой зоны среднего уровня или низкой зоны высокого) в наставлении притчи. Специфическое повышение прагматического потенциала притчи, который, в отличие от других фольклорных текстов малой формы, достигает высокого уровня, а также актуализации ее эмоционального потенциала преимущественно на низком уровне связаны с необходимостью сдержанного и взвешенного донесения до реципиента поучительно-назидательного функционального назначения текста.

Инвариантная модель взаимодействия просодических средств оформления структурно-фабульных компонентов текста притчи охватывает актуализацию умеренных темпа и громкости, волнообразного движения тона, средних по длительности пауз на стыках фабульных элементов и коротких пауз в их пределах, усеченной и постепенно нисходящей ступенчатой с нарушенной постепенностью разновидностей шкалы, нисходящего терминального тона, а также маркировка коммуникативно сильных слогов (первый ударный и ядерный) расширением тонального диапазона.

Экспериментальное установление закономерностей просодического оформления и определения динамики изменений эмоционального и прагматического потенциалов текстов английских анекдотов осуществлялось с учетом двух обоснованных нами моделей. Результаты аудитивного анализа показали, что начальные структурные элементы анекдотов обеих моделей характеризуются низким уровнем эмоционального и прагматического потенциалов, представленные на просодический уровне нейтральными параметрами компонентов интонации: наличие коротких интоногрупп, актуализация в пределах среднего или расширенного тонального диапазона, употребление усеченной, постепенно нисходящей или с нарушенной постепенностью ступенчатой шкалы, низкого нисходящего тона в терминальной ритмогруппе, умеренных темпа и громкости. Вместе с тем речевые элементы «темы», фиксация которых в памяти реципиента является определяющей для декодирования анекдота, могут оформляться специальным подъемом и высоким нисходящим тоном эмфатической конфигурации (восходящее движение тона на ядерном слогиносителе и нисходящий или равный на затакте).

Переход к компоненту «комментарий» маркируется в обеих рассматриваемых моделях средней по длительности паузой. При этом «комментарий» анекдотов, тяготеющих по структурному построению к сказке, присуща большая вариативность интонации: наличие значительного количества тональных интервалов, в основном, на участке «предтерминальная часть – терминальный тон» (*loose pants; -or a girl; A \girl; -for\give me; I didn't know* и т.д.), высоких нисходящих терминальных тонов и сочетание нескольких кинетических тонов в одной интоногруппе (...*that you were her \mother*). Рассмотрение просодической организации «комментария» анекдотов, содержание которых разворачивается по модели, приближенной к загадке, показало, что, хотя они и характеризуются меньшей вариативностью компонентов интонации, ведущим средством их оформления служат контрасты тональных уровней на разных участках интоногруппы («передтакт – такт», «предтерминальная часть – терминальный тон»), актуализация нисходящих тонов разных тональных уровней, наличие

перцептивных пауз, усиливающих семантические контрасты этого структурного компонента, привлекая к ним внимание реципиента.

В свою очередь, переход от фабульных элементов «комментария» к финальному компоненту анекдота «кода», имеющему самый высокий уровень эмоционального и прагматического потенциалов, маркируется в обеих структурных разновидностях анекдотов средней или короткой паузой и реализуется за счет смысловых контрастов, усиленных эмфатическими просодическими средствами: замедлением темпа, повышением громкости, модификациями тембральной окраски, контрастами тональных уровней, смешанной ритмической структурой, напр.: *'I'm \not. | 'I'm her \mother. ||*.

Обобщение результатов рассмотрения динамики изменения эмоционального и прагматического потенциалов анекдота свидетельствует, что во время его актуализации ведущую роль играет прагматический потенциал, постоянно возрастающий в направлении коды, где он достигает высокой зоны среднего уровня. Эмоциональный потенциал, по сравнению с прагматическим, не столь показателен и всегда остается ниже прагматического, достигая максимального уровня только в пределах «коды» (высокой зоны низкого или низкой зоны среднего уровня).

Построение энергограммы анекдотов показало, что инициальный структурно-фабульный элемент анекдотов («тема» / «вступление») характеризуется низким уровнем его эмоционального и прагматического потенциалов ($K = 26,4$ – в анекдотах, приближенных по структуре к загадке и $K = 18$ – в анекдотах, подобных сказке), постепенно возрастающих в низкой зоне среднего уровня в «комментарии» (где K варьирует от 30 до 44 и от 23 до 55 соответственно). Структурно-фабульный элемент «коды» отличается высоким уровнем прагматического потенциала анекдота, реализующегося в высокой зоне среднего уровня. При этом эмоциональный потенциал, оставаясь на протяжении своей актуализации чуть ниже прагматического, также достигает максимальных показателей (высокой зоны низкого или низкой зоны среднего уровня) только в пределах «коды» ($K = 80$ – в анекдотах, приближенных к загадке и $K = 96$ – в анекдотах, подобных сказке).

Результаты аудитивного анализа английских народных загадок [Bryant 2007] показали, что структурно-фабульный элемент загадки «тема», содержащий указание на описываемый объект, характеризуется употреблением, преимущественно, нейтральных параметров интонации: умеренных темпа и громкости, восходящего терминального тона в нефинальной интоногруппе фабульного элемента и нисходящего в финальной, актуализированных со средней скоростью их движения, среднего тонального диапазона, волнообразного движения тонального контура, низкого тонального уровня начала и завершения, напр.: *If you feed it \xi it will \live...* (Bryant 2007: 94).

При этом было установлено, что введение объекта загадки может маркироваться средне-повышенным тональным уровнем начала в случаях, когда «тема» начинается со знаменательного ударного слова (*'Lives with\out a \body, | 'hears with\out \ears*), или восходящим предтактом, когда такту предшествует несколько безударных слогов (*There is a \city...* (Bryant 2007: 102). Перечисление в фабульном элементе «тема» нескольких признаков описываемого объекта, сопровождаемых чередованием различных уровней восходящих тонов (напр., *It was \neither 'fish, \xi \flesh, \xi nor \bone...*

(Bryant 2007: 97), является показателем низкого уровня эмоционального потенциала реализации фабульного элемента «тема».

Постепенное повышение эмоционального потенциала «темы» достигается употреблением в его смежных интоногруппах двух нисходящих терминальных тонов (напр., *ˈEast and ˌwest ˆ and ˈnorth and ˌsouth* (Bryant 2007: 92), актуализацией ступенчатой шкалы с нарушенной постепенностью (напр., *When ˈI was ˌyoung and ˌbeautiful | I ˈwore a ˌblue ˌcrown...* (Bryant 2007: 105), оформлением его инициальной интоногруппы высоким нисходящим терминальным тоном широкого диапазона. Указанные просодические средства служат, как правило, привлечению внимания слушателя именно к той черте описываемого в загадке объекта, которая будет контрастировать с его признаками, приведенными в фабульном элементе «комментарий», и будет выполнять роль ключа для поиска ассоциаций отгадки.

Установлено также, что просодическое оформления структурно-фабульного элемента загадки «комментарий», функциональное назначение которого состоит в уточнении признаков объекта описания или предоставлении дополнительной информации о нем, направлено на интенсификацию лексических единиц, призванных возбуждать в психике реципиента ассоциации, образы и вызывать аналогии при мыслительных актах декодирования отгадки. Поэтому типичными характеристиками просодического оформления «комментария» являются: сочетание в одной интоногруппе двух нисходящих кинетических тонов разного тонального уровня; употребление усеченной скользящей, скользящей с нарушенной постепенностью и постепенно нисходящей с нарушенной постепенностью типов шкалы; актуализация в смежных интоногруппах высоких или средне-повышенных нисходящих терминальных тонов, последний из которых отличается меньшей скоростью изменения направления движения его тона, напр.: *ˈLove to ˌfall ˆ but ˌcannot ˌclimb* (Bryant 2007: 94). Такие просодические средства интенсифицируют лексические единицы, осуществляющие запуск механизма поиска соответствующего образа в психической сфере реципиента как основы референта-прототипа отгадки.

Энергограмма звучащего текста загадки показала, что ее эмоциональный потенциал постепенно возрастает от низкого к среднему уровню в пределах фабульного элемента «тема» (от $K = 22$ до $K = 32$). В «комментарии» он разворачивается в низкой зоне среднего уровня ($K = 56,5$). Вместе с тем прагматический потенциал загадки стабильно возрастает от низкого уровня в «теме» к высокой зоне среднего уровня на рематическом элементе «комментария». Актуализация низшего, по сравнению с прагматическим, эмоционального потенциала загадки, связана с тем, что во время ее произнесения говорящий скрывает свое понимание ее метафорического содержания.

Обобщение результатов проведенного аудитивного анализа показало, что инвариантными просодическими средствами актуализации структурно-фабульных элементов загадки, обеспечивающих вовлечение в процесс ее отгадывания креативно-ассоциативный механизм когнитивной деятельности слушателя, являются: дробление на короткие интоногруппы, актуализация восходящих тактов, усеченной или постепенно нисходящей ступенчатой шкалы с нарушенной постепенностью, волнообразного движения мелодического контура, регулярного ритма, короткой паузы между интоногруппами фабульных элементов и средней на их стыках. Комплексное взаимодействие указанных просодических параметров на почве

креативно-назидательного содержания загадки и реализует ее развлекательно-тренировочное функциональное назначение.

5. Выводы

Анализ энергетической специфики просодической актуализации фольклорных произведений малой формы подтвердил, что рассмотрение комплексного взаимодействия эмоциональных, прагматических, семантических и структурных факторов делает возможным углубление описания инвариантной и вариантных реализаций просодических моделей структурных компонентов текстов на основе фундаментальных категорий лингвистики (эмоция, прагматика, структура, смысл), а, следовательно, обеспечивает более высокую степень обобщения экспериментально-фонетических фактов.

Результаты проведенного исследования дают основания утверждать, что выбранную нами методологическую стратегию рассмотрения английских фольклорных текстов малой формы и практически апробированные теоретические средства реализации его конкретных задач можно принять за системный базис развития перспективного направления компьютеризированного анализа и автоматизации классификации общих и дифференциальных признаков смылосодержательной организации звучащих текстов других жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранович С.З. Гармония – цель – гармония: художественное сознание в зеркале притчи / С.З. Агранович, И.В. Саморукова. – М.: Междунар. ин-т семьи и собственности, 1997. – 135 с.
2. Калита А.А. Фонетичні засоби актуалізації смислу англійського емоційного висловлення: [монографія] / Алла Андріївна Калита. – К.: Вид. центр КДЛУ, 2001. – 351 с.
3. Калита А.А. Функционально-энергетический подход: механизм актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания / А.А. Калита, А.В. Клименюк // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. – Харків: Константа, 2004. – № 635. – С. 70–74.
4. Калита А.А. Актуалізація емоційно-прагматичного потенціалу висловлення: [монографія] / Алла Андріївна Калита. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2007. – 320 с.
5. Калита А.А. Фоноконцепт як категорія когнітивної фонетики / А.А. Калита // Бъдещето проблемите на световната наука – 2008: материали за 4-а межд. науч. практ. конф., (София, 15–30 април, 2008). – София: “Бял ГРАД-БГ” ООД, 2008. – Т. 3.: Филологични науки. – С. 48–49.
6. Калита А.А. Фонетика: перспективи, методи та засоби досліджень / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Науковий вісник Волинського університету імені Лесі Українки. Серія: Філологічні науки. – Луцьк: Вид-во СВНУ ім. Лесі Українки, 2008. – № 5. – С. 297–299.
7. Калита А.А. Метод комплексної енергетичної оцінки процесу просодичного оформлення мовлення / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство): [у 4 ч.]. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2009. – Вип. 81 (1). – С. 359–365.

8. Калита А.А. Модель енергетичного аналізу мовлення / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Каразінські читання : Людина. Мова. Комунікація : матеріали VIII Всеукр. наук. конф. (Харків, 5 лют. 2009 р.). – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – С. 125–127.
9. Калита А.А. Синергетизм породження и актуализации фоноконцепта / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство) : [у 2 ч.]. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2011. – Вип. 96 (2). – С. 213–219.
10. Калита А.А. Перцептивна й інструментальна оцінки емоційно-прагматичного потенціалу висловлень / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Серія : Філологічні науки. Мовознавство. – Луцьк : Вид-во СХУ ім. Лесі Українки, 2012. – № 24 (249). – С. 186–191.
11. Калита А.А. Синергетичні моделі породження фоноконцептів в англійському мовленні / А.А. Калита // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія : Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – Харків, 2012. – № 1002. – С. 106–112.
12. Калита А.А. Критерий уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство) : [у 2 ч.]. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2012. – Вип. 105 (1). – С. 476–484.
13. Калита А.А. Энергетическая теория речи: ее сущность, современное состояние и перспективы исследования [Электронный ресурс] / А.А. Калита // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразіна, 2013. – № 7. – С. 33–53. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
14. Караджаев Ю.Д. Типология фольклорных жанров как выражение парадигмы вербально-ментальных архетипов / Ю.Д. Караджаев // Язык и культура : сб. докл. третьей Междунар. конф. (Киев, 1994 г.) / Киевский ун-т им. Т.Г. Шевченко, Украинский ин-т междунар. отношений. – К. : Изд-во журн. “Collegium”, 1994. – С. 282–285.
15. Клименюк А.В. Знание, познание, когниция : [монография] / Александр Валерианович Клименюк. – Тернополь : Підручники і посібники, 2010. – 304 с.
16. Лебедев А.Н. Моделирование в научно-технических исследованиях / Андрей Николаевич Лебедев. – М. : Радио и связь, 1989. – 224 с.
17. Левин Ю.И. Избранные труды : Поэтика. Семиотика / Юрий Иосифович Левин. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
18. Малиновский Б. Избранное : Динамика культуры / Бронислав Малиновский ; [пер. с англ.]. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 959 с.
19. Неуймин Я.Г. Модели в науке и технике : история, теория, практика / Ярослав Григорьевич Неуймин. – Л. : Наука, 1984. – 187 с.
20. Печёркина М.П. О некоторых особенностях сказки в немецкой и английской культурах / М.П. Печёркина, Д.Т. Ибниаминова // Иноязычное образование в 21 веке : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. Интернет-конф.

- (Тобольск, 4–6 февр. 2008) / Тобольский гос. пед. ин-т им. Д.И. Менделеева. – Тобольск : Тобольский гос. пед. ин-т им. Д. И. Менделеева, 2008. – С. 127–131.
21. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / Владимир Яковлевич Пропп ; [науч. ред. И.В. Пешкова]. – М. : Лабиринт, 2001. – 192 с.
  22. Тараненко Л.І. Актуалізація англійських прозових фольклорних текстів малої форми : [монографія] / Лариса Івановна Тараненко. – К. : Кафедра, 2014. – 288 с.
  23. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Никита Ильич Толстой. – [2-е изд., испр.]. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
  24. Христофорова О.Б. Логика толкований: фольклор и моделирование поведения в архаических культурах : [монография] / Ольга Борисовна Христофорова. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. – 114 с.
  25. Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства : Миф и сказка / Виктор Дмитриевич Шинкаренко. – М. : КомКнига, 2005. – 208 с.
  26. Шмаков В.А. Закон синархии и учение о двойственной иерархии монад и множеств / Владимир Алексеевич Шмаков. – К. : София Ltd., 1994. – 320 с.
  27. Bryant M. Riddles Ancient and Modern / Mark Bryant. – L. : Hutchinson, 2007. – 205 p.
  28. Dégh L. Folk Narrative / L. Dégh // *Folklore and Folklife: An Introduction* / [ed. by Richard M. Dorson]. – Chicago, L. : The University of Chicago Press, 1982. – P. 53–83.
  29. *English Fairy Tales* / Collected by Joseph Jacobs. – L. : David Nutt, 1890. – 158 p.
  30. Graves R. *The Greek Myths* / Robert Graves. – L. : Penguin Books, 1993. – 784 p.
  31. Kalyta A. *Speech Energetic Theory: Synergetics of Phonoconcept Generation and Actualization* / A. Kalyta, L. Taranenko // *Наукові студії (культура, освіта – антропоцентричні парадигми і сучасний світ). Філософія. Філологія. Педагогіка. Економіка* / [гол. ред. Р.В. Болдирев]. – К. : Міленіум. – 2012. – Вип. 1, А. – С. 288–299.
  32. Kalyta A. *Energetic approach to phonetic studies* / A. Kalyta // *Beyond and Within : Book of Abstracts of the International Linguistics Conference in Linguistics, (Poland, Lublin, 14–15 November 2013)* / John Paul II Catholic University of Lublin, Poland. – 2013. – P. 54–56.
  33. Kalyta A. *Phonetic Studies from the Perspective of an Energetic Approach* / A. Kalyta // *Within Language, Beyond Theories (Vol. I) : Studies in Theoretical Linguistics* : [Monograph] / [ed. by Anna Bondaruk, Anna Prażmowska]. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2015. – P. 322–336.
  34. *Stories of King Arthur and his Knights. Retold from Malory's "Morte d'Arthur"* by U. Waldo Cutler. – L.–Bombay–Sydney : George G. Harrap & Co. Ltd., First published January 1905. – 2007. – 237 p.

REFERENCES

- Agranovich, S.Z., & Samorukova, I.V (1997). *Garmonija – cel' – garmonija: hudozhestvennoe soznanie v zerkale pritchi [Harmony – aim – harmony: literary conscience as reflected in the parable]*. Moscow: International Institute of family and ownership (in Russian)
- Bryant, M. (2007). *Riddles Ancient and Modern*. L.: Hutchinson.

- Cutler, U.W. (2007). *Stories of King Arthur and his Knights. Retold from Malory's "Morte d'Arthur"*. L.–Bombay–Sydney : George G. Harrap & Co. Ltd.
- Dégh, L. (1982). Folk Narrative. In: R.M. Dorson (Ed.) *Folklore and Folklife : An Introduction* (pp. 53—83). Chicago, London : The University of Chicago Press,
- Graves, R. (1993). *The Greek Myths*. London : Penguin Books.
- Hristoforova, O. B. (1998). *Logika tolkovanij: fol'klor i modelirovanie povedenija v arhaicheskikh kul'turah [Logics of interpretation: folklore and modelling of behavior in archaic cultures]*. Moscow (in Russian).
- Jacobs, J. (1890). *English Fairy Tales*. London . : David Nutt.
- Kalyta, A.A. (2001). *Fonetychni zasoby aktualizacii' smyslu anglijs'kogo emocijnogo vyslovlennja [Phonetic means actualizing the sense in English emotional utterances]*. Kyiv: Kyiv State Linguistic University Publ. (in Ukrainian)
- Kalyta, A.A., & A.V. Klimenyuk (2004). Funkcional'no-jenergeticheskij podhod: mehanizm aktualizacii jemocional'no-pragmaticheskogo potenciala vyskazyvanija [Functional-and-energetic approach: the mechanism actualizing the utterance emotional-and-pragmatic potential] *Visnyk Harkivs'kogo nacional'nogo universytetu im. V.N. Karazina. Serija: Romano-germans'ka filologija – V.N. Karazin Kharkiv National University Messenger. Kharkiv, 635. 70-74* (in Russian)
- Kalyta, A.A. (2007) *Aktualizacija emocijno-pragmatychnogo potencialu vyslovlennja [Actualization of the utterance emotional-and-pragmatic potential]*. Ternopil: Pidruchnyky i posibnyky publ. (in Ukrainian)
- Kalyta, A.A. (2008). Fonokoncept jak kategorija kognityvnoi' fonetyky [Phonoconcept as a category of cognitive phonetics]. *B'deshheto problemye na svetovnata nauka – 2008: materyaly za 4-a mezhd. nauch. prakt. konf., 15-30 apryl 2008, Sofyja*. [Proc. Of the 4th Int. Scientific Conf. 15-30 April 2008, Sophia, Bulgury]. Sophia, 3, 48-49 (in Russian)
- Kalyta, A.A. (2012). Synergetychni modeli porodzhennja fonokonceptiv v anglijs'komu movlenni [Synergetic models of the phonoconcept generation in English]. *Visnyk Harkivs'kogo nacional'nogo universytetu im. V. N. Karazina. Serija: Romano-germans'ka filologija. Metodyka vykladannja inozemnyh mov – V.N. Karazin Kharkiv National University Messenger, Kharkiv, 1002, 106-112* (in Ukrainian)
- Kalyta, A.A. (2013). Jenergeticheskaja teorija rechi: ee sushhnost', sovremennoe sostojanie i perspektivy issledovanija [Speech energetics theory: essence, present-day state and prospects of research]. *Kognicija, komunikacija, diskurs – Cognition, communication, discourse. Kharkiv, 7, 33-53* (in Russian)
- Kalyta, A. (2013). Energetic approach to phonetic studies. *Beyond and Within : Book of Abstracts of the International Linguistics Conference in Linguistics*, (Poland, Lublin, 14—15 November 2013), 54-56.
- Kalyta A. (2015). Phonetic Studies from the Perspective of an Energetic Approach. In: Anna Bondaruk and Anna Prażmowska (eds.) *Within Language, Beyond Theories (Vol. I) : Studies in Theoretical Linguistics*. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, pp. 322-336.
- Kalyta, A.A., & Taranenko, L.I. (2008). Fonetyka: perspektyvy, metody ta zasoby doslidzhen' [Phonetics: prospects, methods and means of research] *Naukovyj visnyk Volyns'kogo universytetu imeni Lesi Ukrai'ny. Serija: Filologichni nauky. – Scientific messenger of Lesya Ukrainka Volyn University, Lutsk, 5, 297-299* (in Ukrainian)

- Kalyta, A.A., & Taranenko, L.I. (2009). Metod kompleksnoi' energetychnoi' ocinky procesu prosodychnogo oformlennja movlennja [Method of a complex energetic evaluation of the speech prosodic organization]. *Naukovi zapysky. Serija : Filologichni nauky (movoznavstvo): [u 4 ch.]*. – *Scientific Notes, Kirovograd, 81 (1)*, 359-365 (in Ukrainian)
- Kalyta, A.A., & Taranenko, L.I. (2009). Model' energetychnogo analizu movlennja [Model of speech energetic analysis]. *Karazins'ki chytannja : Ljudyna. Mova. Komunikacija: materialy VIII Vseukr. nauk. konf., (Harkiv, 5 ljut. 2009) [Proc. of 8th All-Ukrainian Conf. 5 February 2009, Kharkiv]*. Kharkiv, 125-127 (in Ukrainian)
- Kalyta, A.A., & Taranenko, L.I. (2011). Sinergetizm porozhdenija i aktualizacii fonokoncepta [Synergetic of the phonoconcept generation and actualization]. *Naukovi zapysky. Serija : Filologichni nauky (movoznavstvo): [u 2 ch.]* – *Scientific Notes, Kirovograd, 96 (2)*, 213-219 (in Russian)
- Kalyta, A.A., & Taranenko, L.I. (2012). Perceptyvna j instrumental'na ocinky emocijno-pragmatychnogo potencialu vyslovlen' [Auditory and instrumental evaluation of utterance emotional-and-pragmatic potential]. *Naukovyj visnyk Volyns'kogo nacional'nogo universytetu imeni Lesi Ukrai'ny. Serija : Filologichni nauky. Movoznavstvo – Scientific messenger of Lesya Ukrainka Volyn National University. Lutsk, 24 (249)*, 186-191 (in Ukrainian)
- Kalyta, A.A., & Taranenko, L.I. (2012). Kriterij urovnja aktualizacii jemocijonal'no-pragmatychnogo potenciala vyskazyvanija [Criterion defining the level of the utterance emotional-and-pragmatic potential]. *Naukovi zapysky. Serija: Filologichni nauky (movoznavstvo) : [y 2 ch.]*. – *Scientific Notes, Kirovograd, 105 (1)*, 476-484 (in Russian)
- Kalyta, A.A., & Taranenko, L.I. (2012). Speech Energetic Theory: Synergetics of Phonoconcept Generation and Actualization *Naukovi studii' (kul'tura, osvita – antropocentrychni paradygmy i suchasnyj svit). Filosofija. Filologija. Pedagogika. Ekonomika [Scientific Studies (culture, education – anthropocentric paradigms and the modern world)]*. K. : Millennium, 1A, 288-299.
- Karadzhaev, Ju.D. (1994). Tipologija fol'klornyh zhanrov kak vyrazhenie paradigmy verbal'no-mental'nyh arhetipov [Folk genres typology as a means of expressing the paradigm of verbal-and-mental archetypes]. *Jazyk i kul'tura : sb. dokl. tret'ej Mezhdunar. konf., (Kiev, 1994). [Proc. of 3d int. conf, Kyiv 1994]*. Kyiv, 282-285 (in Russian)
- Klimenjuk, A.V. (2010). *Znanie, poznanie, kognicija [Knowledge, learning, cognition]*. Ternopil': Pidruchnyky i posibnyky Publ. (in Russian)
- Lebedev, A.N. (1989). *Modelirovanie v nauchno-tehnicheskikh issledovanijah [Modelling of sci-tech research]*. Moscow: Radio i svjaz' Publ. (in Russian)
- Levin, Ju.I. (1998). *Izbrannye trudy: Pojetika. Semiotika [Collected Works: Poetics. Semiotics]*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury Publ (in Russian)
- Malinovskij, B. (2004). *Izbrannoe: Dinamika kul'tury [Collected Works: Culture Dynamics]*. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija Publ. (in Russian)
- Neujmin, Ja.G. (1984). *Modeli v nauke i tehnike: istorija, teorija, praktika [Models in Sci-Tech: history, theory, practice]*. Leningrad: Nauka Publ. (in Russian)
- Pechjorkina, M.P., and Ibniaminova, D.T. (2008). O nekotoryh osobennostjakh skazki v nemeckoj i anglijskoj kul'turah [On some features of a fairy tale in German and

English cultures]. Sbornik po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. Internet-konf. "Inojazychnoe obrazovanie, v 21 veke", 4-6 fevr. 2008 Tobol'sk. [Proc. of Int. Conf. 4-6 February 2008, Tobolsk]. Tobolsk, 127-131 (in Russian)

Propp, V.Ja. (2001). *Morfologija volshebnoj skazki [Morphology of the fairy tale]*. Moscow: Labirint Publ. (in Russian)

Taranenko, L.I. (2014). *Aktualizacija anglijs'kyh prozovyh fol'klornyh tekstiv maloi' formy [Actualization of English small form folk texts]*. Kyiv: Kafedra Publ. (in Ukrainian)

Tolstoj, N.I. (1995). *Jazyk i narodnaja kul'tura. Očerki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike [Language and folk culture. Notes on Slavic mythology and ethnical linguistics]*. Moscow: Idrick Publ. (in Russian)

Shinkarenko, V.D. (2005). *Smyslovaja struktura sociokul'turnogo prostranstva [Semantic structure of a sociocultural space]*. Moscow: KomKniga Publ. (in Russian)

Shmakov, V.A. (1994). *Zakon sinarhii i učenje o dvojstvennoj ierarhii monad i mnozhestv [The law of synarchy and the study of the dual hierarchy of monads and multitudes]*. Kiev: Sophia Ltd. (in Russian)

Тараненко Лариса Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории, практики и перевода английского языка Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт» (проспект Победы, 37, г. Киев, Украина, 03056); e-mail: litera@i.ua

РЕДАКТОР

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Донка Александрова, доктор философии, профессор кафедры риторики университета Климента Охридского, г. София, Болгария; e-mail: donka_bar@hotmail.com

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Дэниэл Вандервекен, доктор философии, профессор факультета философии университета Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада, e-mail: daniel.vanderveken@uqtr.ca

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

Евгения Анатольевна Карпиловская, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

Герхард Коллер, доктор философии, директор лингвистического центра университета имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Франциско Домингес Матито, доктор философии, профессор университета Ла Риоха, г. Мадрид, Испания; e-mail: fd.matito@unirioja.es

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Виктория Афанасьевна Самохина, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: englishphilology.karazin@yahoo.com

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия); e-mail: ggsl@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

Маргарет Фриман, доктор философии, почетный профессор Вэлли Колледжа (г. Лос-Анжелес), со-директор Мэрифилд института когнициии и гуманитарных наук (г. Хит, США); e-mail: freemamh@lavc.edu

Наталья Чабан, доктор философии, доцент, зам директора национального центра европейских студий университета Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия, e-mail: natalia.chaban@canterbury.ac.nz

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, научный директор института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

РЕКОМЕНДАЦИИ АВТОРАМ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 0.5 авторского листа (10 стр.) на английском, французском, немецком или русском языках в текстовом редакторе Microsoft Word (.doc или .docx), шрифт Times New Roman, размер шрифта 13, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,27 см, поля: слева, справа – 2 см, сверху и внизу – 2,5 см.

2. В левом углу указывается УДК (шрифт 11). По центру заглавными буквами жирным шрифтом (размер 13) – название статьи, на следующей строке по центру – инициалы и фамилии авторов, в скобках – город, страна (прописные буквы, шрифт 13). Например:

УДК 811.111

**ВТОРИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ
В КОГНИЦИИ И ДИСКУРСЕ
А.Н. Петренко (Харьков, Украина)**

3. Ниже 11 кеглем с интервалом 1,0 приводятся три аннотации: на русском, украинском и английском языке. (В случае необходимости для зарубежных коллег перевод на украинский язык делает редакция).

Каждая аннотация начинается с ФИО автора и названия статьи на соответствующем языке. Рекомендуется структура аннотации, повторяющая структуру статьи, однако, предмет, тема и цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи. Положения в резюме логично вытекают одно из другого.

Авторам следует учесть, что аннотация на иностранном языке является, практически, единственным источником, на основании которого зарубежный читатель может составить представление о сути и ценности статьи. Поэтому главными требованиями к ней являются: информативность (отсутствие общих и вводных фраз), содержательность (отражение основного содержания статьи и результатов исследований), структурированность (следование логике аргументации статьи), аутентичность (качественный английский язык), компактность (100–250 слов). Желательно употребление терминологии, общепринятой в мировой науке.

В конце аннотации с новой строки жирным шрифтом с абзацным отступом после фразы «**Ключевые слова / Key words**» в алфавитном порядке перечисляются основные термины, ранее употреблённые в аннотации.

4. Ниже приводится статья (шрифт 13). В начале рекомендуется указывать актуальность, объект и предмет, ее цель и материал (эти слова выделяются жирным шрифтом). Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом. Типичная структура статьи представляет: введение (цели и задачи, методы), описание хода анализа и результатов и заключение (abstract, 1. introduction, 2, 3 etc – discussion, 4.conclusion).

Примеры и их перевод набираются *курсивом* и располагаются с отступом на 1,27 для всех строк примера, нужное подчеркивается.

Выделение в статье: в электронных изданиях авторы могут использовать подчеркивание, выделять важнейшие понятия жирным шрифтом, но растяжка шрифта, постраничные сноски не допускаются. При необходимости возможны ПРИМЕЧАНИЯ (NOTES) перед списком литературы.

Ссылки на литературу в статье оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373].

5. В изданиях, включенных в наукометрические базы данных, библиография в среднем включает 30 наименований. При цитировании иностранных источников настоятельно рекомендуется ссылаться на их оригинальные издания, чтобы избежать двойного перевода в 5.2.

В нашем журнале список оформляется дважды: сначала по требованиям ДАК Украины как ЛИТЕРАТУРА (LITERATURE для англоязычной статьи) (см. 5.1), затем по международным стандартам как REFERENCES (см. 5.2).

5.1. В соответствии с требованиями ДАК Украины, после слова **ЛИТЕРАТУРА** (или **LITERATURE**) (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится сплошной нумерованный алфавитный список сначала на кириллице, затем на латинице по ГОСТ, принятому для диссертаций. Тире и дефис различаются, двоеточие перед названием издательства отделяется пробелами справа и слева. Например, оформление (1) статьи в журнале, (2) автореферата диссертации, (3) книги, (4) электронной публикации:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Турченко В.А. Когнитивно-коммуникативные характеристики концепта СКРОМНОСТЬ в англоязычном дискурсе XIV – XXI веков : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / В.А. Турченко. – Харьков : Харьков. нац. ун-т имени В.Н. Каразина, 2014. – 20 с.
3. Шевченко И.С. Основы теории языковой коммуникации / И.С. Шевченко. – Харьков : Изд-во НУА, 2008. – 168 с.
4. Moody N. Character Strengths Profile [Электронный ресурс] / Н. Moody. – Режим доступа : <http://www.viasurvey.org>

Оформление транслитерированной библиографии (APA style 6th ed)

REFERENCES:

При перечислении нескольких авторов перед фамилий последнего ставится знак & после запятой.

В названии журнала после запятой том приводится курсивом, номер выпуска в скобках – ровно: *10* (2)

5.2. После слова **REFERENCES** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится **н**енумерованный алфавитный список всех источников по следующему образцу:

Для изданий на восточнославянских языках:

Статья:

Shevchenko, I.S., & Morozova, Ye.I. (2003). Diskurs kak myslekomunikativnoe obrazovanie [Discourse as a mental and communicative phenomenon]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin National Univ. Messenger*, 586, 33-38 (in Russian)

Электронный источник:

Zagurenko, A.A. (2002). Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]. *Neftyanoe khozyaistvo – Oil Industry*, 11. Available from: <http://www.opus>

Материалы конференции:

Zagurenko, A.A. (2002). Osobennosti proektirovaniya [Features of design]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma: *Novye tekhnologii – Proceedings from 6th Int. Symposium: New technologies*. Kyiv, 267-272 (in Russian).

Книга:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]*. Kyiv: Nauka Publ.

Диссертация:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. Diss. dokt. filol. nauk [Economic optimization. Dr. philol. sci. diss.]*. Kyiv (in Ukrainian).

Автореферат диссертации (сокращения: dokt./ kand.):

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Economic optimization. Dr. philol. sci. diss. synopsis]*. Kyiv (in Ukrainian)

Транслитерирование названий статей рекомендуется делать автоматически на сайте <http://www.translit.ru> (для русского языка).

Для изданий на иностранном европейском языке

Книга одного автора:

Lakoff, G. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press.

Книга БЕЗ автора, под редакцией:

Lakoff, G. (Ed.). (1980). *Title of the book*. Chicago: Chicago University Pres.

Книга нескольких авторов:

Jung, C., & Franz, M. (1964). *Man and his symbols*. New York: Doubleday Publ.

Статья:

Author, A.A., Author, B.B., & Author, C.C. (2005). Title of the article. *Title of the journal*, 10 (2), 49-53.

Глава в книге:

Shuman, A. (1992). Entitlement and authoritative discourse. In: J.H. Hill, & J.T. Irvine (Eds.). *Responsibility and evidence in oral Discourse* (pp. 135-160). Cambridge and New York: Cambridge University Press.

6. В самом конце приводятся данные об авторах (13 кегль): транслитерированные по международным правилам ФИО авторов (полностью), их место работы (официальное название организации без аббревиатур) и рабочий адрес (включая город и страну), удобный для корреспонденции с читателями журнала электронный адрес.

7. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение месяца после их получения.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦІЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2015, № 11
Напрямок “Філологія”

Російською, англійською, німецькою, французькою мовами

Комп’ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп’ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко

61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Надруковано: ХНУ імені В. Н. Каразіна
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4,
тел.: 362-01-52
Свідоцтво суб’єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.09.

